

"Разбойник с большой дороги. Бесприданницы"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Вера Чиркова

(Разбойник с большой дороги — 1)

Бесприданницы

ВСТУПЛЕНИЕ

На огромном материке Эркада кипит сложная и подчас жестокая жизнь.

Плетут хитроумные интриги безжалостные ведьмы Ардага, рвется к господству над Дройвией сумасшедший маг, твердой рукой решает судьбы королевских бастардов непреклонная королева Сандинии, а мудрая матушка Тмирна, настоятельница монастыря Святой Тишины, учит обездоленных войной девушек находить себе занятие по душе и достойное место под

солнцем.

А где-то далеко на западе, на соединенном с материком лишь узким перешейком Идрийском полуострове, королевский указ резко изменил судьбу дочери обедневшего старинного рода. И с того момента ее близкие твердо убеждены, что теперь бесприданницу ждет лишь море страданий и разочарований.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Тэрлина, старшая из дочерей

маркиза Хистона Дарве Ульгера, в сопровождении

своей компаньонки едет в неизвестность

Беда пришла неожиданно. Никто из обитателей дома не почувствовал заранее ее приближения, никому предвидение не прислало ни малейшего намека страшным сном или загадочным видением. Даже соли никто не рассыпал, ножей и вилок не ронял. И день, круто повернувший судьбу Тэрлины, спозаранку обещал быть точно таким же, как и длинная череда предыдущих, — совершенно обыденным, мирным и в меру скучным.

Над стареньким, давненько не знавшим ремонта замком Ульгер неспешно всходило солнце, ведя за собой погожее весеннее утро, когда в беззаботно распахнутые настежь ворота влетел небольшой отряд суровых королевских егерей.

Подтянутые, до зубов вооруженные воины серыми воронами слетели с коней и дружной толпой направились к колодцу, а опоясанный офицерским ремнем капитан оправил дорожную куртку и решительно взбежал на крыльцо, не обращая ни малейшего внимания на разинувших от потрясения рты служанок.

Дворецкий, которого догадалась позвать немолодая, всякого повидавшая в жизни повариха, уже спешил навстречу, забыв снять с седой головы вязаный колпак.

— Онгерт Майзен, капитан королевских егерей, — громко отчеканил незваный гость, — от ее величества Зантании Риталены Селваронской с пакетом для маркиза Хистона Дарве Ульгера.

Он вытащил из-за отворота куртки край того самого послания, и дворецкий сразу проникся к нему почтением. Такие объемистые пакеты из плотной чуть синеватой бумаги, украшенной замысловатыми вензелями, печатями и золочеными шнурами, могли приходиться только из королевской канцелярии.

Услыхав сообщение дворецкого, маркиза побледнела, как снятое молоко, а когда ее муж дрогнувшим голосом прочел вслух учтливое повеление ее величества прислать старшую из дочерей в королевский дворец, госпожа Ольмия Дарве Ульгер и вовсе упала в обморок. Впрочем, и сам маркиз едва держался, так как точно знал: бесполезно даже пытаться спорить с королевой и не стоит обманываться вежливым тоном послания. Искусно составленное приглашение на деле является просто безапелляционным приказом, невыполнения которого вдовствующая королева, крепко держащая в руках власть в стране, не простит никогда и никому. И непременно придумает для ослушника и всей его семьи суровое наказание.

Самой Тэрлине Дарве Ульгер все эти тонкости стали понятны лишь после краткого пояснения компаньонки, и с того момента судьба девушки была решена. Даже если бы ее бесстрашный и находчивый папенька и отважился сделать попытку пойти против воли правительницы, Тэри

все равно отправилась бы в столицу. Просто не имела права поставить семью в еще более трудное положение. Разумеется, до крайней нищеты их роду, сильно обедневшему за последнюю сотню лет, пока далеко, однако родители старались экономить на всем, чтобы положить каждую сбереженную монетку в приданое дочерям.

Но если Тэрлина пока еще надеялась найти свое счастье и без помощи денег, то малышке Сюзалии даже рассчитывать на подобное не приходилось. Младшая дочь маркиза Дарве Ульгер с четырех лет была хромоножкой — зацепилась ступней за решетку перил, падая с крутой лестницы.

«Возможно, та решетка спасла ей жизнь», — поднимая глаза к небу, частенько шептала свое главное и единственное утешение их матушка. Но не было для супругов Дарве Ульгер тяжелее наказания, чем смотреть, как неуклюже ковыляет по залам замка калека-дочь, до рокового падения просто обожавшая танцевать.

Вот потому-то Тэри уже несколько дней вместе с компаньонкой тряслась по дорогам Тальзийского королевства в громоздкой и весьма обшарпанной карете, украшенной гербами маркизов Ульгер. Изредка спутницы вяло перебрасывались предположениями о том, на какое будущее может надеяться в королевском дворце двадцатидвухлетняя бесприданница.

— Любовь? Забудь навсегда это глупое слово, Тэрлина! — безжалостно разбивала одну за другой мечты воспитанницы Бетрисса Форсье, сухощавая и довольно бесцветная тридцатичетырехлетняя особа с насмешливым взглядом стальных глаз. — Какая может быть любовь между провинциалкой-бесприданницей и богатым, избалованным и скучающим завсегдаем столичных балов и приемов? Это всего лишь сладкая сказка для пустоголовых наивных девиц среднего сословия, идущих во фрейлины и компаньонки в поисках принца своей мечты. Хотя, разумеется, романтические приключения на свои хорошенькие головы они там находят, и не однажды, пока не станут старше и мудрее и не сообразят, кем на самом деле считают их щедрые на обольстительные речи господ. Просто лакомой дичью, глупой и неопытной. Хотя изредка и довольно осторожной, что только добавляет охотничьего азарта. Но намного чаще — до глупости доверчивой, легко идущей в нехитрые ловушки на дешевую приманку.

— Я все это знаю... — попыталась отстоять свое мнение Тэри, но компаньонка не давала себя перебить:

— Ты знаешь понаслышке, а я испытала на собственной шкуре. Догадываешься ли ты, какие стаи бесхитростных бабочек, летящих на призрачный свет неземной любви, сгорели в дымном пламени обычных свечей? А сколько разочаровавшихся в жизни дурочек прыгают от отчаяния с мостов и башен? Про тех, кто попал в лапы богатых старых сластолюбцев, я вообще не говорю, такой конец считается вполне удачным. Ведь старик однажды умрет, оставив пойманной когда-то бабочке все свои сундуки. Вот только от простодушного чуда с крылышками к тому времени уже ничего не останется, кроме нескольких портретов в тяжелых рамах. Золото коварно, и за обладание им нужно платить.

— Ты меня запугиваешь?

— Нет. Да это и невозможно. Тебя вырастили слишком вольнолюбивой и дерзкой, и потому тебе придется намного труднее, чем другим. Я лишь хочу втолковать, что можно быть хитрее, не плыть против течения, а найти свою заводь и получать от жизни удовольствие. В конце концов, все женщины, говоря о возвышенной любви, имеют в виду нечто совершенно иное.

Удачное замужество, обеспеченного супруга и милых деток. Все остальное можно получать и тайком, нужно лишь быть очень осмотрительной в выборе возлюбленного.

— Чему ты меня учишь, Бетрисса? — возмущенно нахмурилась Тэри.

— Не учу, а намекаю на редкую возможность выжить там, куда тебя везут. Иногда фрейлинам удается не сломаться и не потерять себя, а выжить и найти достойное место в жизни. Но так везет лишь самым недоверчивым и упорным.

— Но я все же не девушка из среднего сословия? Наш род древний и знаменитый...

— Зато порядком обедневший, — безжалостно добила компаньонка. — Иначе у твоих родителей нашлись бы веские доводы против приказа ее величества. Возможно, это и неплохо — с одной стороны. Во дворце у тебя появится шанс исправить эту несправедливость судьбы. После Донгер-Карритской кампании в столице прибавилось молодых и решительных господ с тугими кошельками, остается лишь выбрать из них подходящего.

— Зато их титулы такие же новенькие, — ехидно хмыкнула Тэри, — как и набитые золотом кошельки.

— И это очень справедливо, — не сдавалась Бетрисса, — когда за смелость в бою награждают званием и поместьем. Ваш прадедушка тоже прославил свое имя не в королевских гостиных. Вот пройдет лет пятьсот, и их имена станут такими же старинными и знаменитыми, как у его светлости Хистона Дарве Ульгера.

— Мне кажется или ты и в самом деле стараешься меня разозлить и таким необычным способом успокоить? — внезапно заинтересовалась Тэрлина. — Ведь раньше ты никогда не говорила подобных вещей.

— Вот, ко всему прочему, ты еще и умна, — помолчав, устало буркнула компаньонка. — И зря они так переживали. Я твоим родителям сразу сказала: нечего рыдать, Тэри в столице не пропадет и на дешевую лесть не купится.

— А на дорожку? — невесело скаламбурила ее воспитанница и огорченно вздохнула: — Ты же знаешь, я очень мало понимаю в лестях.

— На самом деле с лестью во дворцах все очень просто. Если тебя в глаза хвалит дама, то у нее наверняка есть непристроенный брат или сын, на карете которого неплохо смотрелись бы гербы вашего папеньки. А если соловьем разливается состоятельный мужчина, то дело значительно хуже — видимо, от него недавно ушла любовница и ему нужно срочно найти ей замену. Но тут уж я постараюсь оказаться рядом и помочь.

Девушка покосилась на наставницу и промолчала. Как ни жаль, но вряд ли ей удастся выполнить это обещание. Ведь в тот самый миг, как вдовствующая королева назначит Тэри своей воспитанницей или фрейлиной, Бетрисса потеряет место компаньонки. С той минуты преданная подруга станет для Тэри всего лишь камеристкой и лишится доступа в гостиные ее величества.

Тэри подавила тяжкий вздох и прикрыла глаза, делая вид, будто дремлет: говорить о будущем, казавшемся ей темным и мрачным, как старинные подземелья родного замка, не хотелось абсолютно. Но и не думать не получалось никак: о чем бы ни начинала размышлять юная маркиза Тэрлина Дарве Ульгер, мысли вскоре сворачивали на запретную тему, отказаться от

которой девушке было не под силу.

Она еще в родном замке начала изобретать план, который помог бы безнаказанно сбежать от нежеланной милости королевы, и первые дерзкие идеи уже успели зародиться в ее головке, полной свободолобивых задумок. Одну из них подсказала лежавшая на коленях девушки книга с правилами этикета. Как искренне надеялась маркиза после ее изучения, во дворце властвует строгий порядок, предписанный этими законами, и если Тэри не станет исполнять их в точности, то ее вполне могут вернуть домой. Несомненно, времени на такой саботаж уйдет немало, да и действовать необходимо очень осмотрительно и постараться ни с кем не делиться своими замыслами. А еще можно прикинуться совершенной дурочкой, и самое главное — ни в коем случае не стоит показывать ни умения развлекать придворных и гостей, даже малейшего, ни тяги к непременно для фрейлин рукоделию.

Тэрлина усмехнулась, не открывая глаз: нудное занятие, коим девушка полагала вышивание и вязание, она и до этого никогда не любила и может прекрасно без него прожить. Хуже с пением: иногда, задумавшись, она мурлыкала любимые песенки вслух, совершенно забыв, что находится в гостиной не одна. Спыхватывалась лишь в тот момент, когда замечала, как мечтательно притихли окружающие. Значит, придется принять меры... и тут поможет лишь мороженое. Достаточно всего двух вазочек, и неприятная хрипота в голосе будет держаться не менее трех дней.

— Предупреждаю сразу, — негромко, но веско сообщила явно следившая за воспитанницей Бетрисса, — королеве лучше не лгать, как и юным принцам. Все члены королевской семьи имеют защитные амулеты, способные отличать вранье от правды. На сохранность своих секретов могут надеяться лишь придворный маг да богатые господа, защищенные особыми щитами. Но все они искренне преданы королеве, никого из тех, кто тайно или явно считался врагом ее величества, в королевских дворцах нет. Больше нет... ты же слышала о недавних событиях в Шанреге?

— Но ведь можно просто помалкивать? — задумалась Тэри, совсем забыв, что не собиралась посвящать наставницу в свои коварные планы.

— Королева, увы, далеко не дурочка. Подзовет и при всех спросит: «О чем вы думаете, милочка?» Как ты станешь выкручиваться?

— Не знаю, — помолчав, призналась юная маркиза. — А как бы ты ответила?

— Сказала бы, что разучиваю стишок или пою про себя песенку, — лукаво хмыкнула компаньонка. — И поверь, это первое, что приходит в голову всем новеньким, — ходить, постоянно повторяя какие-нибудь дурацкие строфы или мусоля детскую песенку. Однако этот метод пока еще никого не спас, королева отлично знает, что можно бубнить стихи, а втайне думать о том, как хочется спать или просто сбежать в сад.

— Похоже, я начну заранее ее ненавидеть, если ты скажешь, что она продолжает допрос, пока бедняжка не признается в чем-либо подобном на потеху всем придворным?

— Ну, особо упрямых и глупых она иногда доводила до слез, — хладнокровно пожалала плечами Бетрисса. — Но не забывай, что с тех пор, как я была во дворце в последний раз, прошло восемь лет. За эти годы она потеряла старшего брата и короля и стала, как шепчутся за картами гости твоего батюшки, намного неприступнее и мудрее. И если честно, раньше мне и в голову не могло прийти, что ее величество решится призвать во дворец дочерей самых знатных домов. Ведь она прекрасно понимает, как сильно испортит отношения с почитаемыми

народом маркизами и герцогами, если хоть одна из ее новеньких питомиц прыгнет с башни от несчастной любви. Шуточки и интриги, проворачиваемые богатыми бездельниками для юных графинь и баронесс, недопустимы в отношении маркиз и герцогинь.

— Ну так как обмануть королевский амулет? — не дала увести себя от главной темы Тэрлина.

— Вот и ты туда же. Рановато я назвала тебя умной. Ну сама посуди, разве я сейчас могу тебе дать совет? Если тебя спросят, кто научил, — чтобы не солгать, непременно придется назвать мое имя. Поэтому могу лишь подкинуть маленькую подсказку — а зачем тебе вообще его обманывать?

Тэри испытующе поглядела в огорченное лицо наставницы, серьезно кивнула и задумалась, отвернувшись к оконцу кареты.

А действительно, почему обязательно нужно кому-либо лгать? Ведь Тэри попадет во дворец впервые, и у нее непременно возникнет куча самых разных вопросов. Не может не появиться: как говорят, здание не раз перестраивалось и укреплялось лучшими зодчими, позаботившимися не только о красоте и величии залов и галерей, но также об удобстве и безопасности их обитателей и гостей. Вот и нужно думать обо всех диковинках, какие покажутся ей необычными, а потом только о них говорить.

К вечеру четвертого дня девушка начала подозревать, что к концу путешествия на всю жизнь возненавидит кареты, всевозможные поездки и даже лошадей. Сиденье, в первый день казавшееся мягким и удобным, постепенно словно набили камнями, от непрерывного покачивания и подпрыгивания кружилась голова, а спина, которую она вначале держала гордо выпрямленной, как подобает знатным девушкам, теперь ныла от усталости. Тэри все чаще ехала полулежа, сложив в один угол все подушки и подняв на диван ступни, на которых вместо новеньких и потому жестковатых ботиночек давно красовались ночные бархатные туфли.

Бетрисса точно так же устроилась напротив и с увлечением читала толстенный роман, в котором влюбленный принц вот уже третий год все никак не мог доказать робкой белошвейке истинность своих чувств и чистоту намерений. Временами компаньонка заходила в приступах неудержимого хохота, но Тэри не интересовалась их причинами, наперед зная ответ: «Ты все равно не поймешь, рановато тебе такое читать».

Впрочем, о грядущей встрече с ее величеством и дворцовыми обитателями они тоже почти не беседовали, все и так уже было обговорено не один десяток раз. Тэрлина успела сообразить, что жить ей придется так, как живут, по ее представлению, шпионы, отправленные королевской разведкой во владения соседних правителей: постоянно оглядываясь и обдумывая каждый шаг и каждое слово. Это не особенно удручало девушку, приезды гостей и редкие выезды на балы уже доказали ей правоту замечательной поговорки про молчание. Сильнее всего волновало Тэри другое: долго ли она выдержит такую жизнь? Как сможет обойтись без мирных завтраков в родительской гостиной, куда маменька позволяла себе выходить в вышитом капоте, а его светлость — в рубашке с расстегнутой верхней пуговицей, без веселых пикников и походов за ромашками и, наконец, без вечерних «пошептущек» с маменькой?

Юная маркиза не сдержала огорченного вздоха и тут же убедилась, как сильно ошибалась насчет увлеченности наставницы романом.

— Платочек подать?

— Спасибо, у меня есть.

— Если не хватит, не волнуйся, я прихватила в дорогу пять дюжин.

— Ты шутишь, — не поверила Тэри, но Бетрисса усмехнулась с таким победным видом, как будто по меньшей мере разработала успешный план захвата вражеской столицы.

Хотя им не было нужды ни на кого нападать — королевство Тальзия занимало большой, грушевидной формы полуостров, с востока примыкающий нешироким перешейком к западному побережью огромного континента. От других государств материка королевство отделяли высокие и почти непроходимые отроги Закатного хребта, который сами тальзийцы называли не иначе как Рассветными горами.

— Покидая отчий дом, девушкам свойственно рыдать, — назидательно произнесла Бетрисса и снова уткнулась в роман. Но минуту спустя подняла голову и, обвинительно наставив на маркизу ухоженный палец, сообщила: — И я никогда не поверю, что тебе не хочется поплакать и ночами ты не поливаешь слезами подушки гостиниц.

Тэри только молча хмыкнула: ну да, было такое, стало вдруг однажды нестерпимо горько и обидно на рассвете, когда забежали по коридорам суматошные слуги. Так живо припомнилось, как тихо и покойно бывало по утрам в родном замке, где папенька нарочно приказал перенести подальше хозяйственный двор и запретил челяди разговаривать громче, чем шепотом, пока матушка не позвонит на кухню, требуя завтрак.

— Вот для того и везу платочки, — решительно отложила книгу компаньонка, — чтобы подставить тебе свое плечо, когда ты окончательно созреешь и решишься выплакаться всласть. А потом объясню тебе, почему рыдать нужно именно сейчас и ни в коем случае не позже.

— А сама я догадаться не смогу? — недоверчиво нахмурилась Тэри.

Бетрисса умела задавать необычные загадки и представлять последствия событий с такой стороны, что сразу становился понятен смысл самых потаенных причин происходящего.

— Можешь, ты же умная девушка. Но быстрее будет, если я тебе поясню. — Дама достала из дорожного саквояжа тугой сверток, неторопливо развязала ленту, размотала полотно, и перед Тэри оказалась внушительная стопка тончайших батистовых платочков, обшитых кружевом и украшенных ее собственной монограммой. — Так начинаешь плакать или нет?

— Потерплю еще. Рассказывай.

— Все очень просто. Нужно лишь представить себе большие весы и на одну чашу положить ту жизнь, к которой ты привыкла, родной замок, родителей, малышку Сюзи, твои любимые качели в саду и пирожные тетушки Шалли. А на вторую чашу кладешь свое будущее, тот дом, где родятся твои собственные дети, и того мужчину, которого ты хотела бы видеть их отцом. Как ты уже убедилась, среди наших соседей такого нет, иначе он еще прошлой весной отвел бы тебя в храм. И если ты всерьез хочешь его когда-нибудь найти, то смешно и глупо сидеть у окошка и ждать, не появится ли у ворот та самая белая кляча, без которой придирчивые девицы никогда не заметят самого прекрасного юношу. Ну и делаем вывод: раз ты отправилась в поход за своим счастьем, то не смешно ли поливать соленой водой подушки гостиниц, где мы останавливаемся на ночь?

— Наверное, ты права, — подумав, согласилась Тэри. — Но я все равно по ним скучаю. И по матушке, и по Сюзи. Кстати, про гостиницы. Папенька дал капитану несколько писем к своим

друзьям, градоначальникам и старостам, а мне велел посылать от них приветы. Но мы пока еще ни разу не ночевали там, где подобает останавливаться девушке моего положения.

— Так это же и зайцу понятно. Капитан Майзен далеко не глуп и прекрасно видел, с какой неохотой родители отпускают тебя из дома. Он не имеет права исключить возможность какой-нибудь хитрости, которая может закончиться для твоего папеньки каторгой, а для тебя кельей монастыря Святых Девственниц. Вот и останавливается на ночлег в самых неожиданных местах, а по утрам срывается с места, не дав нам даже позавтракать спокойно.

— Никогда мой отец не стал бы придумывать ничего подобного, — еще спорила Тэри, а сама уже видела и плотно сжатые, побелевшие от ярости губы папеньки, и хмурую усмешку капитана егерей, вежливо обещавшего по мере возможности пользоваться гостеприимством друзей его светлости.

— Все мужчины одинаковы, — непонятно хмыкнула Бетрисса. — Строя ловушки чужим дочерям, даже не предполагают, что когда-нибудь найдется охотник и на их собственных кровиночек.

— Мой папенька никаких ловушек маменьке не строил, — вмиг обозлившись, сухо огрызнулась Тэрлина, посмотрела в светящиеся лукавством глаза компаньонки и с досадой поджала губы. — Так ты хотела, чтобы я заплакала, или уже пожалела платочки?

— Разумеется, все дело в платочках, — невозмутимо кивнула та. — Ты даже не представляешь, сколько подобных вещей требуется молодым девушкам во дворце. Мужчины просто обожают совать эти кусочки батиста в свои карманы, если ты случайно обронишь... и, между прочим, это приравнивается к записке с назначением свидания.

— Тогда спрячь их подальше, а к тем, которые положено класть в кошель, я пришью ленточки и буду привязывать к руке. У меня ни один платочек не пропадет.

— Если бы я не знала о твоём упрямстве, то непременно поспорила бы на жемчужное ожерелье...

Договорить компаньонка не успела — карета резко остановилась, и они дружно прильнули к оконцам, желая рассмотреть, где придется ночевать на этот раз. Однако никаких примет гостиницы или постоялого двора не было и в помине, только могучие сосны редкими толпами стояли по обочинам дороги, светясь в быстро наступающих сумерках янтарными стволами.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой путешествие Тэрлины Дарве Ульгер

и Бетриссы Форсье внезапно заканчивается,

причем самым непредсказуемым образом

Несколько томительно долгих минут путницы встревоженно вглядывались в сгущающуюся за оконцами вечернюю тьму, чутко прислушиваясь к шагам и отрывкам разговоров за стенками кареты, но слышали очень немного. В начале лета лесные тропы всегда сыры и глушат и человеческие шаги, и цоканье лошадиных подков.

Вскоре в дверцу деликатно стукнули и после неуверенного разрешения распахнули ее настежь.

— Ваша светлость, дальше коляска не пройдет, — вежливо, но очень твердо заявил капитан егерей, суровый подтянутый вояка средних лет. — Вам придется немного проехать верхом. Компаньонка может остаться в карете и вернуться в замок.

— Я умею ездить на лошадях, — опередив Тэрлину, резко возразила Бетрисса. — А если нет лошади, могу пройти несколько сотен шагов. Вы ведь не собираетесь долго везти ее светлость верхом? И во всех случаях ей необходимо переодеться.

— Сундуки уже унесли, — недовольно поджав губы, сухо объяснил егерь, — а переодеться не имеет смысла, тут ехать всего ничего. Но компаньонке все равно не стоит идти с нами. Ее величество не собирается оставлять с новыми фрейлинами их нянюшек и тетушек.

— Значит, придется искать в столице новую госпожу, — не моргнув и глазом парировала компаньонка. — В замке мне делать нечего.

— Пусть идет, — устало разрешил стоящий в некотором отдалении и почти незаметный в сумерках худощавый мужчина в темно-сером плаще с капюшоном, полностью скрывающим лицо, и капитан тотчас уступил.

Безразлично пожал плечами и предупредительно протянул Тэрлине руку.

Напоминать о желании переодеться или сходить в кустики ни одна из путниц не решилась, не желая новых споров и препирательств с воинами, бывшими тут, в глуши, почти полновластными хозяевами их судеб. Оставалось надеяться на честность капитана, обещавшего, что поездка верхом не затянется.

Лошадь нашлась и для Бетриссы, и та, не дожидаясь, пока окажется на коне ее хозяйка, весьма решительно взгромоздилась в седло с помощью одного из егерей, этой непреклонностью вызвав у Тэри невольную улыбку. Редко кому удавалось переубедить ее компаньонку, если она считала себя полностью правой, и зря командир охраны тратил на уговоры время и силы.

Еле заметная тропка вилась среди сосен, и маленький отряд двигался по мху и опавшим иглам почти бесшумно, все дальше уходя от надежного тракта, протянувшегося через весь полуостров с юго-запада на северо-восток. Где-то посередине этой важнейшей дороги королевства раскинулся Карстад, великолепная столица Идрийского полуострова, и до него оставалось еще не менее десяти дней пути.

Следовательно, сейчас они направляются на ночлег в какое-то известное лишь егерям место, минуты через три сообразила Тэри и огорченно вздохнула. Значит, все же права Бетрисса и ушлый капитан егерей ни на миг не поверил уловкам ее несчастного папеньки.

И в таком случае удобной кареты им более не видать, как и мягких подушек с пледами, немного скрашивающих трудности путешествия. Да и книг тоже. Тэри не заметила, чтобы охранники хоть что-то доставали из кареты, после того как они с компаньонкой вылезли наружу. Припомнилось лишь, каким бесчувственным болванчиком сидел на козлах кучер Штефан, даже не глянувший в сторону тронувшегося в путь отряда.

Юная маркиза с досадой сжала губы, вспомнив, как неприятно удивило ее в тот момент полнейшее безразличие возчика к судьбе молодой хозяйки. Зато теперь она была почти убеждена, что его чем-то одурманили. Хотя у них на полуострове маги и магические вещицы и зелья весьма дороги и редки, но ведь не для королевы же?

Стало быть, зря Тэри обижалась, и напрасно станет папенька допытываться у преданного слуги, где и когда тот потерял свою драгоценную пассажирку. Ну а им с Бетриссой и вовсе бесполезно сейчас спрашивать охранников об уехавших с каретой вещах. Уж раз егеря сразу не собирались их брать, то теперь вдогонку точно не поспеют.

Как вскоре стало ясно, насчет краткости пути командир егерей не солгал: всего через десять минут отряд выехал к какому-то строению. На первый взгляд оно показалось Тэрлине совершенно не подходящим для ночлега, однако осмотреться получше ей просто не дали.

Капитан торопливо ссадил девушку с седла, забрал у нее из рук большой дорожный кошель с документами и ценностями и, довольно бесцеремонно подхватив ее светлость под руку, почти бегом потащил в распахнутые ворота. Тэрлина ничего не спрашивала и не сопротивлялась, отлично понимая, как неуклюже и беспомощно будут выглядеть любые попытки противостоять здоровому воину. Надеялась только на милость богов да на честное слово далекой отсюда королевы. Позади слышались злое шипение и фыркание Бетриссы и сдержанная ругань охранников, похоже, решительная компаньонка не скупилась на тычки и щипки.

А Тэри пока никак не могла решить, правильно ли поступает ее наставница и не делает ли своей строптивостью только хуже им обеим. Или, напротив, показывает путь к спасению? С того мгновения как девушка поближе рассмотрела темную, неухоженную на вид избушку, она более не сомневалась, что ни ужина, ни чистой постели их там не ждет, не говоря уже о такой необходимости, как умывальная.

Маркиза попыталась приостановиться, но сильная рука капитана крепче сжала ее предплечье и увлекла дальше так же уверенно, как везет легкую одноколку здоровущий рысак. Ее светлости стало окончательно ясно: воин заранее готов к любому сопротивлению, и даже если она сядет на землю, он просто забросит будущую фрейлину на плечо и потащит, как мешок с картошкой. Поэтому Тэри ничего не оставалось, как снова подчиниться, и она уже с ужасом взирала на жуткую тьму махоньких окошек, не ожидая для себя ничего хорошего от этого неприятного места. Однако в хижину они так и не вошли, свернули в сторону, обогнули несколько полуразвалившихся сараюшек и внезапно оказались на высоком обрывистом берегу какой-то речушки.

Навстречу распахнулся синий простор вечернего неба, окаймленного на западе еле заметной бледно-сиреневой каймой угасающего заката, и россыпь светлых, ясных звездочек наивно и с любопытством уставилась на Тэрлину с высоты. А ей вдруг так жаль стало и себя, и маменьку с папенькой, и калечную Сюзи, и весь этот прекрасный мир, который, возможно, даже не заметит ее исчезновения, хотя она и не может себе такого представить.

— Встаньте сюда, ваша светлость, — скомандовал незнакомец, позволивший Бетриссе Форсье ехать с ними, и хотя голос его был мягок и вежлив, прозвучавшая в нем стальная властность никому не позволила бы уповать на его доброту.

Тэри глянула под ноги и рассмотрела прямо перед собой небольшое округлое местечко, выровненное и очищенное от травы и камней. По краям этот пятачок был обложен слабо светящимся в стремительно наступающей темноте ракушечником, а посередине темнел какой-то загадочный предмет, однако ни алтаря, ни каких-либо символов, необходимых для жертвоприношения, Тэри не заметила. Робкая надежда, что намерения мужчин понятны ею неверно, вспыхнула в сердце девушки, и она осторожно переступила за камни. Но все же, еще опасаясь рухнуть вместе с этим нехитрым сооружением вниз, втихомолку опробовала ногой крепость почвы.

— Пусти! — злобно рывкнула за спиной у хозяйки Бетрисса, и тотчас охнул, зашипел от боли кто-то из воинов.

— Вот же змеюка... кусается, как хорек!

— А ты не хватай! — Наставница с неожиданной прытью подскочила к Тэри, вцепилась в ее локоток, который едва успел отпустить капитан, и прижалась к воспитаннице так крепко, что в другое время ее светлость усомнилась бы в душевном здравии наставницы.

А теперь испытала огромное облегчение и не менее великую благодарность. Преданность человека, готового встать рядом с тобой в минуту тяжких испытаний, стоит дороже всяких сокровищ, отныне в справедливости этой поговорки Тэрлина не сомневалась.

— Пусть идет, — снова равнодушно буркнул таинственный незнакомец в сером и сунул в руки компаньонки какую-то вещицу: — Как скажу «три» — ломай.

— И где мы окажемся? — снова удивила воспитанницу своей осведомленностью Бетрисса.

— А куда вы ехали? — Тонкие, чувственные губы мужчины исказила ехидная усмешка, а в следующий момент он уже считал: — Один, два... ТРИ!

Тэри вцепилась обеими руками в наставницу и накрепко зажмурила от ужаса глаза, не желая ни видеть, ни знать, к чему приведет этот странный ритуал. Она не могла даже предположить, как поступит Бетрисса, но втайне очень надеялась на ее находчивость. Ведь не обязательно же исполнять все, что говорит неизвестно откуда появившийся мужчина, так решительно взявший в свои руки власть в отряде? Можно выбросить странную вещицу или спрыгнуть с обрыва, плавать они обе умеют.

Не успела ее светлость об этом подумать, как рядом что-то хрустнуло, дрогнул под ногами утоптаный дерн, и появилось очень краткое, почти мгновенное чувство полета. А в следующий момент мягко ударило по подошвам, раздался негромкий всплеск, и Тэри тут же ощутила, как ее тело быстро погружается в упругую прохладу. Уже через миг руки и лицо обдало холодной водой, и от неожиданности девушка растерялась гак сильно, словно совершенно не умела плавать.

Пальцы сами мертвой хваткой вцепились в того, кто оказался рядом, и ее светлость судорожно попытались влезть на этот островок, оставшийся единственным спасением во всем мире, внезапно сжавшемся до душной каморки.

— Тэрлина! — сердито рывкнул островок голосом Бетриссы. — Ну куда ты лезешь? Открой глаза и опусти ноги, тут всего-то по пояс. Ну? Не то я все расскажу папеньке!

Этот окрик, такой понятный и привычный, сразу вернул способность размышлять, и маркиза, не отпуская пока рук, осторожно распахнула глаза, ожидая увидеть лишь блеск далеких безразличных звезд. Однако в мире оказалось довольно светло, и ничто даже близко не напоминало того места, где они стояли еще несколько секунд назад.

Сиренево-рыжее пламя заката, почему-то раздумавшего уходить за дальние горы, освещало почти треть небосклона, а в нескольких шагах от Тэри и Бетриссы сияли зеленоватым светом установленные на невысокие столбы шары с ведьминым мхом. Этот свет неверными бликами отражался в воде, колеблющейся вокруг вымокших до нитки путешественниц, и постепенно Тэри стало ясно, что стоят они посреди небольшого округлого бассейна, огороженного темным каменным бортиком. Вернее, стоит Бетрисса, а сама она по-прежнему висит у компаньонки на

шее.

Девушка сконфуженно покраснела, давненько ей не приходилось вести себя так по-детски глупо, и, нащупав носочком туфли ровное твердое дно, решительно отстранилась от наставницы. Огляделась и облегченно вздохнула, похоже, лезть в мокрых юбках через бортик им не придется. Прямо от ног начинались ступени ведущей вверх широкой каменной лестницы, заканчивающейся мощеной площадкой.

И на этой площадке в скучающей позе, небрежно опершись на тонкую тросточку, стоял молодой мужчина. Одетый в безукоризненно сидевший полувоенный замшевый костюм и ладные сапожки, подтянутый и щеголеватый. И абсолютно незнакомый ее светлости. Тэри огорченно прикусила губу, с досадой сообразив, что этот щеголь имел возможность наблюдать, как она висела перепуганным котенком на шее наставницы, и тут же рассердилась. Еще неизвестно, как бы вел себя он сам, если бы неожиданно попал в совершенно незнакомое место, да еще и в воду?

— И долго еще вы собираетесь там мокнуть? — с едва заметным ехидством осведомился незнакомец. — Или требуется помощь? Так я могу протянуть трость.

— Спасибо, — желчно огрызнулась Бетрисса Форсье, — вы уже помогли, оставили безо всего. Истинные бандиты.

— А я-то при чем? — нахально ухмыльнулся мужчина, и его глаза язвительно блеснули.

Тэри поспешила наклонить голову и сосредоточить все внимание на ступеньках, поднимая подол выше. Не хватало еще упасть для полного счастья. И без того похожа на мокрую курицу, шляпка где-то потерялась, локоны раскрутились и мокрыми прядями пристали к щекам, платье облепило тело так плотно, что наглецу не составит никакого труда рассмотреть ее во всех подробностях.

— Раз нас принесло сюда, значит, ты и есть главный разбойник с большой дороги. — Компаньонка явно намеревалась задеть мужчину побольнее. — И все эти пакости — дело твоих рук.

— Вы попали сюда по воле ее величества Зантарии Риталены Селваронской, хотя именно тебя она и не приглашала, — сухо объявил незнакомец, выдержал многозначительную паузу и веско добавил: — А я слежу здесь за порядком. В купальне справа от бассейна вас ждет горячая вода и одежда, все свои вещи оставите там. Через полчаса в столовой накроют ужин, если опоздаете — со стола уберут. Ключи от комнат выдаст домоправительница.

Развернулся и ушел, поигрывая тростью и насвистывая уличную песенку.

— Идем. — Компаньонка, успевшая выбраться первой, выдернула Тэри на последнюю ступеньку и, подхватив тяжелый от воды подол, решительно направилась по ведущей вправо дорожке.

Ее светлость молча шла следом, пытаясь понять, ради чего королеве понадобилось подвергать таким обидам и унижениям своих будущих фрейлин, и выводы не нравились ей все больше. Наверняка затевается какая-то каверзная интрига, в которой девушкам уготована особенно неприятная роль, а чтобы они после ничему не удивлялись, готовить к плохому начинают заранее. И если все преданные королеве люди на самом деле получили от ее величества тайный приказ вести себя непозволительно грубо с дочерьми знатных домов, то правильно

Бетрисса назвала их разбойниками с большой дороги. Вот только зря рисковала, произнося это вслух, хотя, возможно, это было проверкой. Или... подсказкой ей, Тэрине?!

Невысокое каменное строение, весьма неказистое и даже мрачное снаружи, изнутри оказалось очень удобной и довольно просторной купальней. Тут было все, без чего Тэри не мыслила подобного места: и удобная комната для раздевания с широкими скамьями для массажа и внушительными шкафами вдоль стен, и жарко натопленная печь в помывочной, где стояло шесть вырезанных из светлого камня купелей. И пусть теплой водой была наполнена только одна, зато рядом с остальными тоже виднелись медные краны гномьей работы, следовательно, купаться можно было во всех.

— Я бы посидела тут часа два, — мечтательно вздохнула Бетрисса, — но кушать хочется. Решайте, ваша светлость, чем пожертвуем, едой или удовольствием?

— Удовольствием, — не сомневаясь и минуты, отозвалась Тэри, яростно воюя с прилипшими к телу мокрыми тряпками. — Кто знает, когда тут завтрак и стоят ли в спальнях вазы с печеньем и фруктами? И кроме того, Бет, прошу тебя, придержи язык. Мне становится за тебя страшно.

— Спасибо, — коротко и с чувством произнесла компаньонка, помогая воспитаннице справиться с крючками, — но мне нужно было проверить некоторые подозрения. Расскажу позже, а сейчас быстро влезай в купель, а то уже вся дрожишь. Я наскоро ополоснусь и разберу тебе прическу. Купаться с блаженством будем позже, когда немного осмотримся в этом месте.

— А почему ты уверена, что завтра нас не повезут дальше? — рассеянно буркнула ее светлость, однако ответа не дождалась.

А вскоре и сама позабыла о неоконченной беседе. Тело начинало крупно дрожать, исторгая проникший в кровь холод, и это было приятно. И вода была славной, чистой, легкой, оставляющей на коже мелкие пузырьки. Мыло тоже было хорошим, светлым, душистым, и вскоре Тэри пожалела о своем решении. Она уже почти готова была отказаться от еды, но появилась решительная настроенная Бетрисса и взялась за волосы воспитанницы со свойственной ей бесцеремонностью.

— Высушим позже, — пробормотала она вскоре, обматывая голову Тэри куском мягкого серого полотна, — сейчас нужно торопиться. Идем одеваться... и не расстраивайся.

— Почему я должна... — закутываясь в полотно, удивилась Тэри, шагнула в комнату со шкафами и резко смолкла.

Все их вещи бесследно исчезли. И мокрая одежда, торопливо сброшенная прямо на пол и на лавки, и пояса, и амулеты. Даже шпилек и заколок нигде не виднелось, не говоря об обуви.

Ничего.

И как доказательство того, что это не происки нечисти, а дело чьих-то рук, на протертых насухо скамьях были аккуратно разложены две кучки одинаковых, как близнецы, вещей. Только разного размера, и Бетрисса, сразу определив свою кучку, начала торопливо одеваться. А Тэри все стояла, поддерживая сползающее с плеч полотно, и ошеломленно разглядывала одежду, на которую никогда бы не посмотрела в магазинчике белошвейки. Ни вышивка, ни кружева не украшали простое полотняное белье, какое носят небогатые горожанки, а рядом лежали совершенно странные наряды синевато-серого цвета. Вернее, костюмы из двух вещей:

довольно свободных штанов с тесемками на щиколотках и короткого, чуть ниже колена, платья. Хотя у Тэрины никак не поворачивался язык назвать платьем простое, как мужская рубаша, одеяние с длинными рукавами. Более всего эти наряды походили на одежды торемских женщин, но ни одна уважающая себя торемка по доброй воле не наденет вещи такого унылого цвета.

— Тэри, поторопись, — прервал размышления девушки оклик компаньонки. — Я буду жалеть, если не посмотрю, чем собирается нас угощать этот разбойник.

— А как же волосы? — растерянно оглянулась ее светлость, разматывая накрученное на голову полотно.

— Чем-нибудь завяжем, — сердито фыркнула Бетрисса. — Раз здесь есть шаровары — должны быть и платки. Хочется ее величеству иметь торемских женщин — значит, будем ими.

— Не хочу я торемкой... — еще спорила Тэри, но разумом уже отчетливо осознала, что ее желание абсолютно никого здесь не интересует.

Платки разных размеров, от косынки до шали, действительно нашлись. Зато цвета все были одинакового — того же, что и одежда, синевато-серого.

Бетрисса ловко замотала длинные волосы воспитанницы в тугий узел и обвязала его небольшим платком, потом накинула ей на голову плотную шаль, углом закрывающую всю спину, и удовлетворенно фыркнула:

— Вот теперь не простынешь, тут ночи прохладные. Побежали.

Она решительно распахнула дверь, и не успела Тэри спросить, откуда ей известно, какие тут ночи, как хлынувший из проема поток свежего воздуха подтвердил слова наставницы.

А потом они торопливо шагали по каменной дорожке к возвышающемуся невдалеке темному дому, глядящему в ночь лишь вереницей бледно освещенных окон первого этажа. Если бы не свет выстроившихся в рядчик зеленоватых фонарей, да не уверенность шедшей впереди Бетриссы, Тэри уже повернула бы назад в теплую и уютную купальню. Там можно было запереть изнутри двери, сдвинуть скамьи и немного подремать до рассвета, а потом...

Как бы они поступили потом, юная маркиза придумать не успела — компаньонка решительно преодолела ступени каменного крыльца и дернула дверное кольцо. Створка открылась, и навстречу путницам выплеснулось мягкое теплое сияние обычных свечей, сразу отодвинувшее куда-то далеко сжимавший душу страх. Не могло с ними случиться ничего страшного в таком теплом и светлом помещении.

Стоявший у окна второго этажа мужчина хмуро усмехнулся и плотно задвинул шторы, больше смотреть было не на что. Щелкнул гномьим огнивом, зажигая свечи в стоящем на столике подсвечнике, прошелся по комнате, мрачней все сильнее, и наконец присел к столу.

Начертал короткое сообщение, свернул в трубочку и аккуратно положил в почтовую шкатулку. Захлопнул крышку и нажал маленький рычажок, активирующий магическую пирамидку. Хотя послание и не надписано, через несколько секунд оно появится точно в таком же серебряном ларчике, стоящем на столе адресата. Такие связанные между собой одним амулетом шкатулки весьма редки и невероятно дороги, зато позволяют не опасаться за сохранность вложенных в

них тайн.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой знатные узницы пытаются распутать

таинственные загадки странного места,

куда они никогда даже не предполагали попасть

Бетрисса первой заметила неяркий свет, падающий из единственной створки, широко распахнутой в просторный зал, раскинувшийся сразу за входной дверью.

Опасаясь, что разбойник исполнит свои угрозы, путницы торопливо устремились туда, но, едва оказавшись в помещении, успокоенно выдохнули. В большой, мрачно-чопорной столовой, кроме них, никого не было. Скучно темнели потертым деревом старинные столешницы расставленных по комнате длинных столов, и лишь один, стоящий неподалеку от горящего камина, был накрыт серой скатертью и сервирован на двоих.

— Не удивлюсь, если узнаю, что у хозяина замка есть красильная мастерская и в ней осталась только серая краска, — тихо процедила Бетрисса, подходя к столу, — или он просто не различает другие цвета.

— Бет!

— Молчу, молчу! Садись спиной к огню, я распушу тебе волосы, пусть сохнут.

— Спасибо, — признательно глянула на нее Тэри, все яснее понимая, насколько не готова остаться одна в этом странном, неправильном месте.

А Бет, как назло, все время пытается изображать из себя подушечку для иголок, словно не понимая, как опасно шутить с людьми, на чьей стороне и сила и власть.

— Ух, а кормят тут неплохо... но простенько, — изучив содержимое тарелок, признала компаньонка. — Вареное мясо, сыр, тушеные корнеплоды и хлеб. Наверняка все привозят жители ближней деревушки.

— Можешь пояснить, откуда ты взяла, что это замок, что ночами холодно и что рядом есть деревушка? — наполняя свою тарелку, хмуро осведомилась Тэри.

— Ты и сама догадаешься, как только успокоишься и поразмыслишь, — и не подумала сдаваться Бет. — Но начни с заката.

— Закат? — недоуменно приподняла брови маркиза. — А что с закатом?

— Через минуту поставлю двойку, время пошло. — Наставница отрезала ножом кусочек мяса, сунула в рот и принялась энергично жевать. — У-у, а кухарка тут хороша.

— Так... — задумчиво поглощая овощи, вслух рассуждала Тэри. — Когда нас высадили из кареты, закат отгорал... пока мы доехали до реки, стало почти темно... Ах, так вот что ты имеешь в виду! Когда мы оказались здесь, небо на западе было еще светлым. Значит, нас перенесли не на восток, ближе к столице, а на запад? И судя по разнице, перенесли довольно далеко, едва ли не на берег океана. Но там же нет ни городов, ни поселков! Мой учитель господин Богарн заставил меня наизусть выучить все большие поселения полуострова.

— Замечательный учитель, — довольно кивнула Бетрисса. — Я с удовольствием слушала все его уроки и многое для себя из них почерпнула. Попробуй этот сыр, очень свежий.

— Но пока мы мылись, снова стемнело... — продолжала размышлять ее воспитанница, — слишком быстро для побережья. Так резко темнеет и стремительно холодает лишь в горах... и значит, мы находимся где-то в Синих скалах. Тогда все совпадает. Твоя уверенность, что мы в замке, и догадка про маленькую деревушку, откуда это мясо. Больших поселков и имений, кроме нескольких берлог любителей одиночества и горных красот, в этих краях нет. Непонятно только одно — зачем ее величеству потребовалось нас здесь запирать?

— Тсс, — еле слышно прошипела Бетрисса, и ее воспитанница, резко повернув голову, разглядела почти неслышно идущую к столу женщину точно в таком же сером наряде, как и надетые на них.

— Я Фанья, домоправительница, — остановившись неподалеку, спокойно объявила та. — Пришла показать вам комнаты.

— Сколько времени у нас на ужин? — тотчас сообразила Бетрисса.

— Осталось десять минут, — ровно ответила женщина, немного помолчала и так же безразлично добавила: — Брать еду в комнаты запрещено.

Сотрапезницы переглянулись и дружно налегли на угощение, на время забыв обо всех остальных вопросах. А через десять минут уже дружно брели за величественно шагавшей впереди домоправительницей, держа в руках прихваченные из купальни шали. Приводить в порядок не успевшие как следует просохнуть волосы не оставалось времени.

Комнаты им выделили на первом этаже, в дальнем конце унылого и неуютного коридора левого крыла. От остального здания этот проход отделялся массивной дверью, украшенной снаружи весомыми запорами, а вот на дверях спален засовов или крючков не было ни снаружи, ни внутри.

— Купальня здесь общая, — суховато объяснила Фанья, проходя мимо двери с вырезанным женским силуэтом. — Остальные спальни пока свободны. Подъем утром в семь часов по звонку, десять минут на одевание, потом нужно выйти в передний зал, там комендант объяснит вам правила.

— Кто здесь комендант? — не упустила возможности задать вопрос Бетрисса, однако ответа не дождалась.

Домоправительница спокойно открыла для них две комнаты, сделала приглашающий знак рукой и, развернувшись, невозмутимо пошагала назад. Вскоре дверь за ней захлопнулась, лязгнула запорами, и гости, весьма склонные называть себя пленниками, остались одни.

Недолго раздумывая Тэри вошла в спальню с правой стороны коридора. Ее комнаты в родном доме находились именно с этой стороны, и это почему-то показалось вдруг девушке полным тайного значения.

Бет ушла в комнату напротив, и не подумав закрыть за собой дверь, обошла очень просто обставленную спальню, посмеялась над незыблемым пристрастием хозяина к серому цвету и попыталась распахнуть окно.

Однако оно оказалось забрано изнутри кованой, необычайно частой решеткой, через дыры

которой не сумела бы проскользнуть не только змея, но и мышь.

— Ого, — изумленно подняла бровь компаньонка. — Кого же они тут так боятся?

Развернулась и направилась в комнату воспитанницы, посмотреть, как та устраивается на новом месте, и выяснить, не нужно ли чем-то помочь.

Тэри предсказуемо обнаружилась у окна — стояла, молча глядя на точно такую же решетку, как в комнате Бет, и рассеянно водила пальчиком по подоконнику, верный признак глубокой задумчивости.

— Мне пока не приходит в голову ни одной правдоподобной догадки, никогда не приходилось даже слышать ни о чем похожем, — постояв рядом с ней, тихо вздохнула компаньонка. — И потому я иду спать. Возможно, за ночь появится какая-нибудь новая мысль, не зря говорят, утром всегда светлее.

— Я тоже так считаю, — вздохнула Тэри. — Но хочу сказать, меня успокаивает только одно: к нашему приезду очень тщательно готовились. Шили платья, красили ткань... Ты не заглядывала в шкаф? Там еще три таких же одеяния, стало быть, королева поселила нас тут надолго.

— Ты поверила словам разбойника? А вдруг все это придумала вовсе не ее величество? — насмешливо хмыкнула Бет.

— Но пока у меня нет причин ему не верить. Вернее, — поправилась Тэри, — нет оснований подозревать во лжи. И проще считать, что нас отправила сюда королева, если не появятся доказательства обратного. Ведь ничего сделать мы все равно не можем? И знаешь, сначала я радовалась, что ты не отпустила меня одну, а теперь думаю, лучше бы тебе вернуться к папеньке. Тогда он смог бы потребовать объяснений у ее величества.

— А как бы он узнал, что ты так и не добралась ни до одного из ее дворцов? — фыркнула Бетрисса. — Зантария имеет обыкновение безо всякого предупреждения переезжать из одного замка в другой, и никто никогда не знает, где она будет спать следующей ночью. Ладно, говорить на эту тему можно бесконечно долго, а я устала и еще собираюсь заплести на ночь косу, и тебе советую. Иначе утром придется выстригать запутанные пряди.

Повернулась и ушла, мягко прикрыв за собой дверь. Тэрлина еще немного постояла, бесцельно глядя в темное окно, затем завесила серые шторы и взялась за гребень. Компаньонка, как всегда, права. Хотя... возможно, она теперь ей больше не наставница, а просто подруга по несчастью?

— Ну, как они?

— Намного спокойнее, чем третья. Можно сказать, даже выдержаннее, чем сестры.

— О чем говорили?

— Достаточно легко выяснили, где именно находится наш замок. Эта Бетрисса — довольно пройдошливая особа.

— А ее воспитанница?

— Благоразумна и хорошо образованна, причем рассуждать ее учит именно компаньонка.

— У нас эти звания отменены. А мне показалась, что она быстро теряется и подвержена безрассудному страху.

— В этой ситуации любой девушке трудно остаться хладнокровной. Вспомни, как визжала четвертая.

— Но Бетрисса ведь не завизжала, — сухо возразил комендант и подавил досадливый вздох.

Он с удовольствием набрал бы таких битых жизнью женщин, как эта бывшая фрейлина, вместо гордых и заносчивых светлостей, да жаль — нельзя. Хотя и с ней пока все очень непросто, и если не удастся решить самый главный вопрос, придется выставить бывшую графиню из замка.

— Ну хорошо, иди. Спокойной ночи.

Проводил взглядом плотно прикрывшую за собой дверь помощницу и сел к столу, писать вечерний отчет. Хотя писал он его скорее для собственного спокойствия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

преподнесшая Тэрлине букет новых знакомств

и неожиданных открытий

Непривычно пронзительный звон настырно, как осенняя муха, ворвался в полумрак комнаты, безвозвратно нарушив теплый уют утреннего сна, тревожа и пугая своей бесцеремонностью. Сначала Тэрлина попыталась укрыться от него одеялом, потом сунула голову под подушку, но через долгую минуту, почти окончательно проснувшись, с досадой признала бесполезность всех своих стараний.

Решительно отбросила и подушку и одеяло, села, опустив ноги на жесткий коврик из кошмы, и потрясла головой, пытаясь изгнать из ушей назойливый звон.

— Интересно, сколько это будет продолжаться? — Серdito спросив у потолка, Тэри припомнила, как мало времени отпущено на утреннее умывание и переодевание, и рывком поднялась с постели.

И едва оказалась на ногах, как звон резко оборвался, словно отрубленный острой торемской саблей.

Тэри прикусила губу, задумчиво посмотрела на постель и осторожно присела на краешек кровати. Звон молчал, но ей почему-то казалось — стоит устроиться поосновательнее и укрыться одеялом, как он задребезжит снова. Девушка хмуро вздохнула — времени, чтобы проверить это предположение, ей попросту не хватало, минуты таяли, как снежинки на ладошке, — и побежала в умывальню.

— Доброе утро, — поздоровалась торопливо шедшая навстречу с полотенцем в руках Бетрисса. — Поспешите.

— Угу, — буркнула Тэри и сердито хлопнула дверью.

Похоже, теперь компаньонке больше не хотелось злить разбойника, и маркиза вполне ее понимала. Бет очень неохотно разрешили сюда прийти, и значит, могут выгнать за малейшее

нарушение странных правил. А она поклялась папеньке всеми силами оберегать воспитанницу, и как лишь теперь начинает подозревать ее светлость, вовсе не бесплатно. Но упрекать в этом наставницу Тэри не собиралась. Жизнь никогда не баловала Бет, и все свое скромное имущество она заработала сама честным трудом.

В юности графиня Бетрисса Форсье служила фрейлиной у старой королевы-матери, и когда та внезапно скончалась, в одночасье осталась без места. Через несколько месяцев, когда Бетрисса почти совершенно отчаялась, нашлась благодетельница, пристроила девушку во фрейлины к герцогине Донгерской, но проработала там Бет всего год. Муж ее светлости неожиданно встал во главе заговора, и все их слуги и домочадцы, выжившие во время осады замка, оказались либо в тюрьмах, либо на улице. Бетриссе в тот раз неслыханно повезло: она как раз подхватила болотную лихорадку и несколько недель валялась в платной лечебнице, герцогиня Донгерская была очень мнительна и чрезвычайно боялась заразы. Как выяснилось позже, опасаться ей следовало жадности и авантюризма, доведших ее мужа до гибели. Самой ей пришлось идти в приживалки к троюродной сестре.

Лекарь оказался весьма добрым человеком и, когда закончились деньги, выданные хозяйкой на лечение Бет, не выгнал девушку на улицу. Зато заставил отработать сиделкой, и через пол года эта работа привела Бет в замок маркиза Хистона Дарве Ульгера. Вернее, ее привез старший брат Тэрлины, юный тогда маркиз Карл Дарве Ульгер, попавший в лечебницу после дружеской потасовки.

Звонок зазвенел снова, надрывно и неумолимо, когда Тэри уже оделась и заплетала волосы. Наспех вплетая вместо ленты в пышный конец косы безжалостно оторванную от косынки длинную полоску полотна, девушка бросилась к выходу и едва не столкнулась в коридорчике с Бетриссой. Внимательно оглядев воспитанницу, наставница удовлетворенно кивнула, повернулась и первая помчалась к двери, за которой уже слышалось уверенное погромыхивание засова.

Выскочив из длинной галереи, куда вывел их коридор, пленницы королевской прихоти на миг приостановились, взволнованно озирая сумрачные углы большого зала. Поблизости никого не было, а у дальнего окна, рядом с входными дверьми, виднелась куца шеренга из четырех девушек, одетых в точно такие же серые одеяния, как Тэри с компаньонкой. У каждой из незнакомок на плечах был большой теплый, как плед, платок, и маркиза не придала бы этому никакого значения, но компаньонка вдруг огорченно фыркнула.

— Вот гадина, а нам про шали ничего не сказала, — процедила она сквозь зубы, однако поворачивать назад не стала и шаг не замедлила.

— Я сбегаю, — тотчас сообразила ее светлость, развернулась и стремительно помчалась назад, рассуждая по пути, что вовсе не обязательно заходить в обе спальни. В ее шкафу лежало несколько таких платков.

Мужчина, наблюдавший за девушками сверху, с тонувшей в тени колонн лестничной площадки, проводил хмурым взглядом ее стройную фигурку, крутнул неизменную тросточку и легкой походкой, какая бывает только у профессиональных танцоров и фехтовальщиков, пошагал вниз.

— Доброе утро, — бросил он небрежно, окинув гостей откровенно равнодушным взглядом, и строго скомандовал: — Выстройтесь цепочкой и следуйте за мной, отставать и сворачивать в стороны нельзя.

Развернулся и той же танцующей походкой, помахивая своей тростью, направился к выходу. Нестройно ответившие на приветствие девушки безропотно потянулись за ним, и Бетрисса встала в конец этой вереницы, с тревогой оглядываясь назад. Ей очень не хотелось, чтобы Тэри опоздала. Как начинала понимать битая жизнью фрейлина, за любое ослушание тут наверняка предусмотрено возмездие. Просто не может быть, чтобы его не было, иначе эти одетые в серые балахоны девчонки не топали бы за самоуверенным разбойником так покорно. А судя по тому, что все они вышли в зал в шальях и повязали головы платочками, их светлости живут тут уже не первый день и, стало быть, успели немного разобраться в здешних порядках.

Ну а в том, что это именно светлости, она уже не сомневалась. Чуть более года назад, когда Бет сопровождала матушку Тэрлины в Карстад на празднование по случаю успешного завершения Донгер-Карритской кампании, ей довелось чуть не полдня просидеть в уголке приемного зала королевского дворца. Там Бетрисса и рассмотрела почти всю знать: и тех, кого когда-то знала как облупленных, и свежееиспеченных графов, пробившихся к трону после победы над захватчиками южных долин.

Бледная, худая и старомодно одетая герцогиня Сарнская, окруженная выводком белобрысых, долговязых и беспрестанно краснеющих дочерей, издали отпугивала владельцев тучных имений и тугих кошель унылым взглядом непроходимо беременной женщины. Они так и уехали домой в тот раз, не пристроив замуж ни одну из бесприданниц. А теперь две высокие блондинки из этого дома, ставшие за последний год еще более похожими на мать, уныло шагали впереди всех за стройной мужской фигурой, затянутой в ладно сшитый полувоенный-полуохотничий костюм темно-зеленого цвета.

Только теперь до Бетриссы дошло, что разбойник — пока единственный в этом замке, кто избежал участи носить серое, и она ни секунды не сомневалась, что это вовсе неспроста. Скорее всего, именно он и есть тот загадочный комендант, о котором так неохотно упомянула домоправительница, и в таком случае это именно с его разрешения и ведома здесь творятся такие непотребные дела.

Бет добрела до распахнутой настежь двери на улицу и с тревогой оглянулась, решая, как лучше поступить, если Тэри еще не вернулась. Разумеется, компаньонка ни за какие блага не ушла бы, заставив воспитанницу метаться по залу и прилегающим гостиным в поисках исчезнувших подруг по несчастью. Зато могла бы постоять в дверях, следя одним глазом, куда направляется разбойник во главе стайки серых мышек, и наблюдая за выходом, откуда должна появиться Тэри, чтобы подать ей знак.

К счастью, девушка успела вовремя и уже стремительно неслась через зал, прижимая к груди кипу серых тряпок. Правильно она когда-то сделала, с гордостью ухмыльнулась Бетрисса, уговорив его светлость позволить приходить в замковый сад деревенским девчонкам. Они затевали шумные веселые игры, в которые с удовольствием включалась Тэрлина, не имевшая никакой иной возможности побегать, как обычные подростки. Над дочерьми родов, обладавших старинными титулами, непреложным запретом висят законы о приличиях, и обойти их можно только хитростью. Для маркиза Хистона Дарве Ульгера такой лазейкой для нарушения незыблемых правил стала инвалидность Сюзи, якобы ради развлечения которой и приводили простых детей. Бетрисса неизменно назначала на глазах оживавшую в такие минуты калеку судьей, а деревенские подростки баловали Сюзи с неподдельной чуткостью, принося ей то туесок лесной малины, то связанных из лыка куколок. И не раз ее светлость, следившая за дочерьми из-за верных пялец, тайком смахивала с ресниц благодарные слезинки.

— Держи! — Тэри на бегу бросила наставнице шаль и платок. — Далеко они?

— Нет, еще рядом, — заторопилась Бет, — с крыльца только сошли. Иди последней, передохни. Теперь не отстанешь, я присмотрю.

Цепочка серых невзрачных фигур и в самом деле покорно двигалась за выступавшим впереди разбойником по выложенному каменными плитами дворику, и догнать их для новеньких не составило особого труда. Некоторое время они шли, переводя дыхание и не обращая на окружающее никакого внимания. Да и не было вокруг ничего особенно примечательного — высокая уныло серая каменная крепостная стена с изредка врезанными в нее караульными башнями да несколько чахлах деревьев и кустов, торчащих из небольших прямоугольных дыр, оставленных между плитами дворика.

Немного повеселее вид стал, едва завернули за угол. Здесь внутреннее пространство делилось на две части, хозяйственный двор и садик, куда из левого крыла дома вело отдельное крылечко. Однако ни во двор, ни тем более в сад разбойник не свернул. Все так же размеренно шагая и словно совершенно не интересуясь бредущими следом серыми мышками, он прошел вдоль дома к одной из ведущих на стену каменных лестниц, лишенных даже малейшего намека на перила.

Поднялся на три ступени, оглянулся и скучающим тоном произнес:

— Те, кто живет здесь три дня, берут по два камня, кто два — по одному. Остальные — как хотят.

Развернулся и пошагал вверх, небрежно помахивая своей палкой.

Тэри сначала ничего не поняла про камни, но тут долговязые блондинки, идущие первыми, свернули к куче некрупных булыжников и взяли по две штуки. Сложили в стоявшие рядом плетеные корзинки и поспешили к лестнице. За ними шли крупноватая девушка с длинной пышной рыжевато-золотой косой, выправленной поверх завязанной по-деревенски накрест шали, и невысокая угловатая брюнетка. Они взяли по одному камню, и если брюнетка прихватила корзинку, то девица с косой прижала свой камень к груди, как дети носят котят или щенят.

— Мы брать не будем? — еле слышно спросила Тэрлина компаньонку, и та резко мотнула головой, начиная понимать, как непросто все, что делает этот разбойник.

Им с Тэри ничего не стоит прихватить по камешку, носить корзины девушкам вовсе не в новинку. В замке Ульгер слуг очень немного, а в саду и в огороде весной и летом работы хватает. Разумеется, самую тяжелую и грязную делают селяне, но, когда приходит пора собирать урожай, ни у кого из домочадцев не хватает совести отлынивать от помощи кухарке. Все знают, в какой вкусный джем и пастилу превратятся принесенные из сада яблоки и груши, и даже хромая Сюзи сидит на веранде с иголочкой, накалывая прозрачный крыжовник.

Однако девушки, молчком несущие наверх свои корзинки, обязательно поймут такой поступок по-своему. И меньшее, что могут бросить в спину, — это обвинение в подхалимстве. Ну а о большем и думать не стоит... хотя, как начинает подозревать Бет, возможно, разбойник как раз и ждет от новеньких необычных поступков. Но придется его пока разочаровать. Судя по всему, их светлостям придется жить вместе не один день, а в таких случаях мирные отношения между собой значительно дороже, чем благоволение начальства.

Стены, и снизу казавшиеся довольно высокими, по мере подъема словно росли, и вскоре все девушки шли, почти прижимаясь левым плечом к камням стены.

— У меня голова кружится, — вдруг застыла перед Бетриссой идущая впереди брюнетка и начала опускаться коленями на высившуюся перед ней ступень.

— Не смотри вниз, — рывком сжала ей плечи бывшая фрейлина, перехватила из ослабевшей руки корзинку и уверенно передала назад: — Тэри, возьми. А ты поверни голову налево и гляди на камень. Видишь, какой он прочный и шершавый? Возьмись за него левой рукой и не озирайся по сторонам, иначе я сама сброшу тебя вниз. Поднимайся и иди, я буду держать сзади за пояс. И не трясись! Тут ступени шире двух локтей, воины спокойно расходятся, если столкнутся. А ты не воин, худенькая, как птичка. Вас таких здесь трое в ряд спокойно пройдет! Ну, шагай, не задерживай нас. Чувствуешь мою руку?

Девушка неуверенно всхлипнула, но спорить не решилась, поднялась и нетвердо побрела наверх, не отрывая ладоней от стены и не осмеливаясь отвести от нее взгляда.

Тэри шагала последней, задумчиво поглядывая по сторонам и пыталась понять, ради чего их сюда привезли. И ее, и этих девушек. Белобрысых верзил она откуда-то смутно знала и была почти убеждена — они ничуть не ниже ее по знатности. Ну а статную, в меру пухленькую княжну с толстой, отливавшей золотом косой припомнила сразу: они вместе были прошлой осенью на девичнике у маркизы Огердской. Тэри тогда обратила внимание, с какой тоской поглядывает младшая внучка князя Марьено, проигравшего все состояние, на выставленное в зале для подарков приданое некрасивой и плоской маркизы Эмильды. А поглядеть там, в отличие от счастливой невесты, было на что. Полные доверху шкатулки жемчугов и драгоценностей, золотые статуэтки и посуда, рулоны золотой и серебряной парчи и знаменитого торемского кружева, списки домов и поместий.

Маркиз Огердский, в отличие от многих своих друзей, множил не потомство, а богатство и кроме наследника-сына имел единственную дочь, которой практически купил того мужчину, на которого она указала пальчиком.

Позднее Тэри по секрету шепнули, что еще весной этот самый жених носил полевые цветочки не имевшей иного приданого, помимо титула, княжне Доренее Марьено. В княжеском замке его случайно и заметила маркиза Огердская, приходившаяся Марьено дальней родственницей.

Золотые статуи оказались намного весомее синих глаз и пышной косы Доренеи, и находчивый жених вскоре встал перед статуей Святой Элторны рядом с сияющей счастьем Эмильдой.

Позднее сплетницы злорадно шушукались о произошедшей на том торжестве досадной неприятности: якобы почти все свечи в святилище внезапно задуло невесть откуда налетевшим сквозняком. Однако видели это лишь стоявшие впереди всех родичи и друзья маркиза, поэтому пышной свадьбы недоброе предзнаменование не расстроило.

— Тэри, давай камень. — Добравшаяся до верхней галереи Бетрисса втолкнула брюнетку под надежную защиту каменных столбов и потемневших от времени и дождей дубовых стропил железной кровли и незаметно всучила ей корзинку.

— Спасибо! — благодарно сверкнули из-под густых ресниц шоколадные глаза, но бывшая фрейлина небрежно отмахнулась:

— Не за что, беги. — И тихо добавила в спину девчонке, поспешно бросившейся догонять цепочку: — Мы все в одной лодке, если ты еще не поняла.

Разбойник на несколько мгновений остановился рядом с кучкой булыжников, сложенных возле

одной из бойниц, и равнодушно приказал оставить камни тут, а корзины прихватить с собой. И снова упруго пошагал впереди, небрежно помахивая щегольской тростью.

— Девушка с косой — княжна Дора Марьено, — тихо шепнула Тэри в спину компаньонки, спеша поделиться своим открытием.

— А высокие блондинки — сестры Сарнские, — не оборачиваясь, откликнулась Бет. — Выходит, тут все — дочери знатных родов. Кроме меня.

Тэрлина отлично поняла, на что намекает компаньонка, и невольно прикусила краешек шали, как делала всегда, когда была чем-то расстроена. Если здесь только маркизы и княжны, то Бетриссу могут в любой момент выставить вон, и можно не сомневаться, насколько труднее тогда придется Тэри. Не говоря уже о самой Бет, ведь о деньгах, которые пообещал ей папенька, в этом случае она может позабыть.

А это большая потеря для женщины, которая к тридцати четырем годам не только не заработала себе приличного приданого, но и потеряла титул, как и все, кто служил вместе с ней в доме герцога Донгерского. И не важно, что о заговоре хозяина фрейлина его жены не имела никакого понятия, а графский титул не приносил ей и медяка выгоды, и даже само поместье принадлежало двоюродному кузену. Закон в таких случаях строг и одинаков для всех, и судьи предпочитают наказать невиновного, чем оставить без возмездия врага королевства.

Погрузившись в поиски решения волнующих ее проблем, маркиза размеренно шагала за наставницей, даже не глядя, куда именно они идут. Но разбойник вдруг шагнул в сторону башни, по обыкновению бесстрастно объявил об окончании прогулки и предложил девушкам возвратиться в дом. Лишь в этот момент ее светлость заметила, что они уже обошли вокруг всего замка по верхней галерее и подходят к той самой лестнице, с которой и начинали этот путь.

Открылась и плотно захлопнулась дверца башни, проглотив грубоватого коменданта, но девушки почему-то не оживились и не повеселели. И даже облегченно вздохнуть не стали, к несказанному изумлению Бетриссы, точно знавшей, как обычно ведут себя молодые особы, избавившись от назойливой опеки начальства или надзирателя.

А эти, наоборот, все как-то сжались, помрачнели, словно готовясь к самому худшему, и неторопливо побрели вниз по лестнице, внимательно рассматривая каждую ступеньку.

— Теперь тут могут быть любые неприятности, — украдкой оглянувшись на Бетриссу, тихонько шепнула брюнетка, но объяснять подробнее ничего не стала.

Однако бывшая фрейлина и сама заметила, как подозрительно посматривает девушка на камни стены, за которые еще недавно держалась так крепко. Теперь же и рукой прикоснуться боится, а прежде чем шагнуть, бдительно прощупывает ногой каждую ступеньку. Впрочем, и все остальные упорно искали что-то под ногами, поэтому лишь Тэри с компаньонкой успели заметить мужскую фигуру в темно-зеленом костюме, птицей скользнувшую над их головами. Беспечно держась одной рукой за специальную петлю гномьего приспособления для переправы через пропасти, разбойник стремительно пронесся от сигнальной башни к крыше дома и исчез за высоким парапетом, в котором Тэри рассмотрела специально оставленное отверстие.

— Надеюсь, он не станет требовать, чтобы и мы научились так же спускаться по канатам, — буркнула Бетрисса и насторожилась, заметив, как замерли белокурые герцогини, немного не дойдя до плит двора. — А вот, похоже, и сюрприз.

— Чем-то вымазаны четыре ступени, — оглянувшись, удрученно сообщила остальным та из герцогинь, которая шла первой. — Только сбоку осталась чистая полоска.

В первый момент Тэри показалось безобидным это неожиданное препятствие — разве так уж трудно перепрыгнуть через ступеньку или даже две! Но, глянув вниз, девушка закусил край шали: ни в какое сравнение не шли низкие, удобные ступеньки родного замка с высокими, узкими каменными выступами, именуемыми тут лестницей.

— Ты сумеешь пройти? — переходя на «ты», обратилась к герцогине Бетрисса, представив, как неуместно и смешно будут смотреться в этой ситуации великосветские расшаркивания. — Мы можем взяться за руки или лучше дать тебе конец большого платка? Когда держишься, всегда чувствуешь себя увереннее.

— Давайте шаль, — подумав, решила девушка и вскоре, крепко держась за конец скрученной в жгут ткани и бдительно глядя под ноги, осторожно переступала со ступеньки на ступеньку.

— Как дойдешь донизу, шаль не отпускай, — тихо командовала Бет, уже ясно видевшая способ переправы через подлую ловушку. — Я буду держать второй конец, пока вниз пройдут все остальные.

— А как же ты? — забеспокоилась Тэри, когда уже три девушки добрались до дорожки и на край ступени опасно шагнула побледневшая брюнетка. — Лучше последней останусь я. Давай сюда шаль. Потом подадите мне руку, в крайнем случае с такой высоты я легко спрыгну.

— погоди, — отстранила воспитанницу Бетрисса, напряженно следя за боязливой брюнеткой. — Пусть сначала она спустится.

Но высокие сестры уже поймали руки кареглазой подружки, уверенно довели ее донизу и ожидающе уставились на Бетриссу. И она не стала больше спорить: решительно ступила вниз, начиная понимать, насколько удобнее ходить по лестнице в этом странном одеянии, а не в пышном платье с нижними юбками. Вот в них она никогда бы не прошла по полоске шириной в две ладони, не задев подолом дурно пахнущую дегтем и тухлой рыбой маслянистую жидкость, обильно залившую большую часть нижних ступеней.

Тэри держаться за шаль не стала, просто перебросила наставнице свой конец и осторожно перебралась на нижнюю ступеньку, потом еще на одну. Навстречу ей снизу протянулись сразу три руки, и маркиза, не сомневаясь, оперлась на них и, минуя нижнюю ступень, ловко спрыгнула на плиты двора.

— Дальше могут быть еще ловушки? — тихо осведомилась у девушек Бетрисса и, поймав неуверенный кивок блондинки, сделала неожиданный вывод: — Тогда нужно ходить первыми по очереди. В одиночку быстро устаешь от постоянного напряжения. Давайте сейчас впереди пойду я, а вы все равно поглядывайте по сторонам.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой Тэри и Бетрисса знакомятся

с изысканными вкусами своих хозяев

Однако то ли в планы разбойника не входило с первых же дней слишком сильно пугать своих пленниц, то ли он отложил новую пакость до следующей прогулки, но больше ни на дорожке, ни на крыльце им не встретилось ничего неприятного или необычного.

— Через десять минут завтрак, — сухо сообщила вошедшим в дом девушкам встречавшая их домоправительница. — Опаздывать нельзя.

Опаздывать никто и не собирался: едва оказавшись под крышей дома, девушки ожили и заторопились. Как выяснила по дороге сюда Бетрисса, все остальные жили в точно таких же комнатах, как у них с Тэри, только расположенных в правом крыле.

— Нас с княжной тоже сначала поселили в левом крыле, — тихо пояснила новеньким брюнетка, представившаяся маркизой Кателлой Зайбер, — а вчера перевели к сестрам. Наверное, у них такое правило. Дора говорит, лучше помалкивать, пока не поймем, чего они от нас хотят.

— Рассуждают их светлости вполне благоразумно, — вздыхала Бетрисса, вытирая порозовевшее после прогулки и умывания лицо. — Вот только не поздно ли будет спорить, когда нам объяснят, ради чего все это затевается? Ты даже не догадываешься, как дороги в нашем королевстве услуги магов. А уж порталные пирамидки и капсулы вообще на вес золота. И все из-за проклятого разлома. Когда по материку прокатилась мощная волна магии, сильнее других задевшая Дройвию, мы остались в стороне, защищенные Восточными горами. Но недолго радовался властвовавший в те времена Юберг Четвертый, очень скоро через перевалы полезли толпы беженцев и различной нечисти.

Наш король был рассудителен и трусоват, да и советников набрал под стать себе. Вот они и решили перекрыть перешеек великой стеной и поставить на границе мощную крепость Салмейт. Строительство доверили гномам, а те за это выторговали все северные пещеры... ну, ты знаешь, что из этого вышло. После постройки стены пробравшимся через перевалы беженцам приходилось разворачиваться назад, и не все смогли еще раз преодолеть трудный путь. Из-за этого восточные страны порвали с нашим королевством все отношения и запретили всякую торговлю. Поэтому-то так дороги у нас теперь магические вещицы, которые в Дройвии и Ардаге может купить каждый лавочник. Ну, готова? Тогда поспешим, после прогулки у меня просто зверский аппетит.

К дверям в столовую они подошли почти одновременно с остальными пленницами, и Тэрлине невольно бросилась в глаза настороженность, появившаяся на лицах их светлостей. Да и входили подруги по несчастью в гостеприимно распахнутые двери как-то неуверенно, с опаской поглядывая на стол, сервированный на шесть персон.

— Вас каждое утро так кормят? — негромко осведомилась Бетрисса, первой подходя к выбранному месту.

— С каждым днем все затейливее, — невесело усмехнулась одна из герцогинь Сарнских, нехотя бредя следом за бывшей графиней, и Тэри очень не понравилась эта медлительность.

Она шагнула ближе к внушительному столу, уже привычно для взгляда застланному серой скатертью, и принялась внимательно изучать безукоризненную с виду сервировку.

Посредине стояли умело составленные букетики цветов и душистых трав, под ними в строгом порядке расположились вазы, кувшины, графины, хлебницы и салатницы, супницы и соусницы. Вся посуда и приборы старинного, черного серебра, с вычурными крышками и резными костяными ручками. И тарелки и кубки, стоящие перед шестью стульями, тоже были серебряными, но немного более простыми и не столь древними, как остальная посуда.

— Одеты мы, разумеется, не очень подходяще к такой изысканной сервировке, но, видит

Святая Элторна, не наша в том вина, — тихонько процедила Бетрисса, обмахнула салфеткой сиденье выбранного стула, откровенно подергала его и попинала ножки, проверяя на крепость, и, убедившись в отсутствии подвоха, уверенно уселась перед своей тарелкой.

— Как раз очень подходим, — с мрачной загадочностью пробормотала Дора, севшая рядом с Тэрлиной. Взяла щипчики для сахара и с величайшей осторожностью сняла ими крышку с одной из хлебниц.

Над столом повисло напряженное молчание, шесть пар глаз, внимательно следившие за действиями княжны, бдительно изучали содержимое серебряной чаши, сработанной в виде большого виноградного листа. На его старинных лепестках были разложены ломтики разных сортов хлеба, от белого пышного калача до серого крестьянского, выпекаемого из муки грубого помола вперемешку с отрубями.

— Белый не слишком светел? — озабоченно пробормотала Кателла, опасливо втыкая длинную двузубую вилку в один из ломтиков. Немного подождала, поворачивая хлеб разными сторонами, и наконец перетянула на свою тарелку: — Я попробую, очень есть хочется!

— Маленький кусочек, — заботливо предупредила Дора. — И возьми на всякий случай салфетку.

— А мы вчера вечером тут ужинали, — не выдержала Тэри. — Все было вкусное и свежее.

— В первый день всегда все хорошее, — хмуро пояснила одна из герцогинь, поглядела на медленно жующую маркизу и кивнула: — Берем. Там еще четыре кусочка, кому-то не хватит.

— Забирайте, — предложила Бет и потянулась к круглым булочкам. — Я попробую вот это.

Девушки снова притихли и внимательно следили, как она накалывает румяную, блестящую корочку сдобной булки, как режет ее ножом для мяса и внимательно изучает попавшуюся изюминку. Потом быстро поделили остальные булки и подозрительно уставились на накрытые крышками супницы.

— Мяса бы, — мечтательно вздохнула Дора и с неприязнью покосилась на распахнутую дверь столовой. — Жаль, слуг тут нет.

Дружный вздох красноречиво подтвердил — все сотрапезницы правильно поняли недосказанное ею. Со слугами действительно было бы намного проще. Им можно приказать открыть все крышки и попробовать кушанья, а самим бы осталось лишь спокойно наблюдать за результатами.

— Какие могут быть слуги у разбойника с большой дороги? — желчно фыркнула Бет, решительно поднимая крышку самой большой супницы.

В мгновение возникшей тишине раздался мягкий хлопок, словно кто-то шлепнул по столу мокрой тряпкой, потом что-то забулькало, и над супницей начала вздуваться серовато-зеленая пена.

— Закрывай! — отчаянно взвизгнула Кателла и, с грохотом отодвинув стул, бросилась прочь.

— Закрываю, — хладнокровно сообщила Бетрисса, опустила крышку и уставилась на следующую чашу. — И много тут может быть таких сюрпризов?

— С каждым днем все больше, — обреченно жуя сухой хлеб, сообщила одна из герцогинь, та, у которой было более худощавое и невзрачное лицо, и с печальной усмешкой представилась: — Я Октябрина, третья дочь герцога Сарнского. А она — Августа, четвертая.

— Очень приятно, — вежливо улыбнулась Бетрисса, оглядывая комнату, потом решительно встала из-за стола, прошла к камину и взяла кочергу и щипцы для углей. — Мне кажется, нам пора вооружаться. Держи, Тэри. Я буду открывать все супницы по очереди, а ты стой на подхвате. Если увидишь что-нибудь мерзкое вроде змеи или жабы, хватай супницу и бросай в сторону.

— Вчера за ужином были зеленые черви, — тихо вздохнула Дора. — Таких не разбросаешь.

— Значит, будем накрывать и относить в камин, — недобро прищурилась компаньонка.

— А как же посуда? — с сомнением пробормотала ее светлость Августа. — Это же старинное серебро...

— Тебе себя жаль или чужого серебра? — сердито фыркнула Бетрисса, нарочно «забыв» про этикет. — Так нужно было спрятаться в подвале родного замка и сидеть там, пока егеря не уедут. А теперь уже поздно думать о чужой посуде, пора позаботиться о себе.

— Просто самим потом противно будет, — неуверенно произнесла Дора, — когда они будут там жариться...

— Да? — на миг задумалась Бет. — Об этом я не подумала. Но ты совершенно права, и поэтому мы все сделаем наоборот. Уносите свои стулья и приборы на тот конец стола, проверенную еду будем забирать туда. Тэри, посмотри, нет ли в шкафу другой скатерти. Но если нет, придется подложить под тарелки салфетки.

Скатерть нашлась, и не одна, и вскоре девушки торопливо переселялись за дальний конец стола. Бетрисса тем временем открывала одно блюдо за другим, придирчиво осматривала, потом откладывала немного на свободную тарелочку и пробовала, делая окончательный вывод. И если не находила никакого подвоха, передвигала сообщницам, и те торопливо утаскивали еду на новое место. Пару раз компаньонку насторожил цвет и запах вроде бы обыденных кушаний, и она спокойно отставила их в сторону, не боясь оставить подруг по неволе голодными. Еды на столе более чем достаточно, и большинство блюд оказались абсолютно безобидными. Более того, к концу проверки, найдя в одной из салатниц клубок шевелящихся морских моллюсков, которых торемцы считали величайшим деликатесом и ели именно живыми, поливая острым соусом, Бет начала подозревать, что съедобно тут абсолютно все. Только не у всех народов и рас.

Однако сотрапезницам пока ничего говорить не стала, решив вначале еще разок проверить свои предположения.

Получасом позже, когда они закончили завтракать и, довольные своей находчивостью, направлялись к выходу, в дверях появилась домоправительница и сухо предложила Бетриссе следовать за ней. Вот теперь бывшая графиня остро пожалела о своей чрезмерной смелости, но ничего поделать уже не могла: поджавшая губы Фанья смотрела на нее строго, как смотрят на провинившихся подростков их неумолимые наставники, не забывающие докладывать хозяину о малейших оплошках и оговорках подопечных.

Бет едко усмехнулась и направилась за Фаньей, понимая, как глупо, по-детски наивно попалась на кажущуюся порядочность хозяев этого замка. Теперь она была совершенно уверена, что за

всеми знатными пленницами неусыпно следили, подслушивали каждое слово и проверяли каждое движение. Жаль, это не пришло ей в голову немного раньше, нашла бы способ, как научить Тэрлину обманывать даже самых дотошных шпионов. Не зря ведь провела почти пять лет в гостиных и залах более древней части королевского дворца, где безраздельно властвовала старая королева.

— Я с тобой, — почти бегом догнала компаньонку Тэри. — Ты пришла сюда из-за меня, и я тебя не брошу.

Бетрисса красноречиво указала воспитаннице взглядом на Фанью, шагавшую впереди так невозмутимо, словно она не заметила и не услышала ничего из сказанного всего в трех шагах.

— Мы тоже, — через несколько мгновений догнали это молчаливое шествие сестры Сарнские. — Пусть наказывают всех.

Компаньонка поспешила оглянуться и расстроено охнула про себя: за герцогинями неотступно следовали княжна и Кателла. Теперь Бет не сомневалась, что кара за самоуправство будет в несколько раз строже, чем могла бы быть, возьми она всю вину на себя. За сговор всегда наказывают намного суровее, и избежать этого уже не удастся, девушки настроены очень решительно, и можно даже не пытаться их уговорить. Все они дочери знатных родов, и гордость, как и ответственность за свои слова, в них воспитывается с рождения.

Идти оказалось недалеко, всего с десяток шагов, до приоткрытой двери в библиотеку, рядом с которой, словно стражник, замер насмешливо крививший губы разбойник.

Фанья довела до него компаньонку, молча развернулась и направилась назад, как сквозь строй, проходя мимо посерьезневших, исполненных решимости пленниц.

— Сюда, — коротко буркнул Бетриссе комендант, и едва она прошла мимо него, попытался закрыть дверь.

Однако Тэрлина ужом проскользнула вслед за наставницей, и дверь захлопнулась у нее за спиной. Девушка рванулась вперед, но разбойник успел выставить перед ней руку, как в клетке, запирая девушку в уголке между портьерой и дверью. Тесноты Тэри не ощущала, каменные стены старинного замка отличались впечатляющей толщиной, но стоять тут, когда Бетрисса уходит в сторону кабинета, юная маркиза не собиралась. Она попыталась повторить свой трюк и поднырнуть под рукой разбойника, но на этот раз он оказался быстрее и ловко поймал ее, загородив узкую лазейку своим телом.

— И куда же так торопится ваша светлость? — В небрежном, внешне учтивом вопросе звучала откровенная издевка.

Обычно Тэри отвечала на подобное обращение ледяной вежливостью, но сейчас не считала для себя возможным вступать в пикировку с всесильным комендантом. Не до словесных баталий, когда решается судьба ее преданной компаньонки, скорее даже старшей подруги, уже скрывшейся за ведущей в кабинет дверью.

— Я иду с Бетриссой! — гордо вздернула голову маркиза. — Уберите ваши руки.

— Да? — скептически протянул разбойник, ехидно приподняв бровь.

Он нависал над Тэрлиной возмутительно близко и разглядывал ее откровенно изучающе, как

натуралист — редкую букашку.

Внезапно комендант дерзко ухмыльнулся и залихватски подмигнул ее светлости. Так заговорщицки, словно они были сообщниками и сейчас решали, как бы половчее провернуть наглую авантюру. Его весело прищуренные глаза выплеснули на Тэри жаркую волну обаяния, и ошеломленная неожиданностью этой выходки девушка на пару мгновений от растерянности и изумления даже потеряла дар речи.

Но почти сразу же опомнилась и несказанно разозлилась. Такие наглые шутки мужчинам позволительны только с простыми селянками или служанками, а дочерям старинных родов подобает всегда выказывать уважение и почтительность. И ее нынешнее положение пленницы не имеет абсолютно никакого значения, маркиза Тэрлина Дарве Ульгер везде, и в плену, и в тюрьме, и на необитаемом южном острове останется знатной дамой.

— Пропустите! — полыхнув негодованием, процедила ее светлость, выпрямившись еще сильнее.

Так гордо, как стоит под ураганными порывами ветра корабельная мачта. Держится из последних сил, сопротивляясь мощным ударам, и скорее сломается, чем прогнется перед неумолимой судьбой.

— Пожалуйста. — Он отступил как-то разом, плавно и гибко, словно и не стоял еще миг назад почти вплотную к Тэри и не касался своим дыханием ее виска. — Но в кабинет пока нельзя. И не стоит волноваться, вы все туда сегодня попадете, только по очереди.

Распахнул створку, уже гудевшую от ударов нетерпеливых кулачков пленниц, и, стремительно скользнув вглубь помещения, с самым неприступным и решительным видом замер у двери, определенно ведущей в кабинет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой узницы горного замка совершают весьма

решительные, хотя и совершенно несвойственные

знатным девушкам поступки

Некоторое время влетевшие в библиотеку светлости стояли в растерянности, явно опасаясь штурмовать неожиданное препятствие. Потом княжна Дореня как-то отчаянно вздохнула, перебросила косу за спину и сделала первый шагок в сторону коменданта.

— Не будет же он драться с дочерью знатного рода? — словно про себя пробормотала она. — Это ведь так неучтиво.

— А тем более не с одной, — задумчиво вздохнула в тон ей Октябрина и тоже шагнула к разбойнику.

— Ну а с тремя и вовсе выглядит безобразно! — осуждающе поджав губки, заключила Августа, повторяя движение сестры.

— Да? — в веселом изумлении насмешливо изогнул бровь разбойник, широко раскинул руки, словно приглашая броситься к нему в объятия, и провокационно шепнул: — Зато очень увлекательно! И чем вас больше, тем занятнее.

Рассмотрев появившийся в глазах разбойника охотничий блеск и кривившую его губы коварную усмешку, девушки разом приостановились в нерешительности. Комендант вел себя с возмутительной развязностью, еще сильнее укрепляя данную Бетриссой кличку.

— Разбойник, — печально признала свое поражение княжна.

— Истинный, — поджимая губы, высокомерно подтвердила третья дочь герцога Сарнского.

— Где? — Наивно округлив глаза, миниатюрная Кателла решительно выступила из-за спины Доры. — Всегда мечтала познакомиться поближе.

— Ну уж нет, — вспомнила Тэрлина ее дрожащие от страха губы и властно отодвинула подругу по несчастью с дороги. — Сначала я.

Шагнула к разбойнику почти вплотную, замерла, строго и презрительно глядя в хитро прищуренные глаза, и ледяным тоном с безукоризненной вежливостью произнесла:

— Будьте любезны, отойдите с дороги. Мне необходимо войти в этот кабинет.

— А если не отойду? — Он в свою очередь подался ей навстречу, нарочно чуть нависая, чтобы заставить ее запрокинуть голову и смотреть снизу вверх.

— Я вынуждена буду вас ударить, — с той же холодной учтивостью сообщила Тэри.

Разумеется, она блефовала и вовсе не собиралась исполнить свою угрозу, но никакого иного довода у ее светлости просто-напросто не было.

— Просто мечтаю это увидеть, — нагло ухмыльнулся комендант, и в его прищуренных глазах появилось хищное выражение.

Циничное поведение разбойника задело девушку так сильно, как ничто и никогда ранее. В ее душе вмиг вскипела безумная смесь оскорбленной гордости с обидами и страхами последних дней, обращаясь в поток темного, неистового гнева. Он лавиной захлестнул ее рассудок, безжалостно уничтожая последние доводы благоразумия и требуя только одного — немедленного действия.

Всецело поглощенная этой яростью, Тэрлина даже не успела ничего подумать, решение за нее принял кто-то другой. Девушка резко, без предупреждения, выбросила вперед тугой кулачок и со всей силы, помноженной на отчаяние, ударила разбойника в твердый подбородок так, как учил ее брат. Сильно, снизу и вбок. И сразу же отскочила в сторону от невольно пошатнувшегося от неожиданности мужчины.

— Извольте!

Дружно охнули за ее спиной остальные девушки, затем шагнули ближе сестры Сарнские и княжна, успевшие сообразить прежде Тэрлины, чем может обернуться для нее этот выпад.

Разбойник демонстративно потер подбородок, подергал челюстью, как бы проверяя ее целостность, потом свысока глянул на побледневшую Тэри.

— Неплохой удар. А вот тактика очень глупая. В таких случаях нужно или добивать врага, или бежать со всех ног, пока он не очухался.

— Я вас предупреждала, — гордо вздернула подбородок ее светлость, крепче стискивая

задрожавшие пальцы.

Теперь она точно знала, как чувствует себя маленький зайчонок, оказавшийся перед матерым волчарой.

— Я тоже, — насмешливо хмыкнул разбойник и вдруг одним прыжком оказался перед Тэрлиной.

Сцапал ее за руку, резко дернул ближе и крутнул перед собой таким образом, что девушка оказалась крепко притиснутой к его боку. Тэри дернулась изо всех сил, но очень скоро с ужасом поняла, что ее руки связаны этим хитрым маневром. За правое запястье цепко держал разбойник, а кисть левой оказалась между их телами, вдобавок накрепко прижатая плененной рукой.

— Ну и какое же наказание выдать вашей светлости? — с издевкой осведомился разбойник, несколько секунд понаблюдав за ее безуспешными попытками освободить руки. — Запереть в комнате с крысами или со змеями? А может, просто отшлепать, чтобы навсегда запомнилось простое правило — если не уверен в своих силах, то в драку лучше не лезть? Кроме кулаков есть и другие способы решения споров.

— А если в силах не уверен, но больше просто не можешь терпеть наглые выходки всяких разбойников? — хмуро осведомилась Октябрина и шагнула к коменданту. — Отпусти ее.

— По-хорошему просим, — присоединилась к ней княжна, и Августа с Кателлой дружно встали рядом с ними.

— Все на одного? — язвительно прищурился комендант, мельком оглядел неприятельские войска и расцвел широкой, нахальной ухмылкой: — Ну что же, повеселимся.

В следующий миг он отпустил запястье Тэри, но лишь для того, чтобы бесцеремонно подхватить ее на руки и вместе с онемевшей от неожиданности ношей ринуться на ошеломленное такой наглостью неприятельское войско. Девушки невольно расступились, а он в три шага домчался до широкого письменного стола, стоящего неподалеку от окна, усадил посредине свою добычу и ловко связал ей руки невесть откуда выуженной бечевкой. А после еще и водрузил на колени маркизы громоздкий серебряный письменный прибор с полной до краев чернильницей.

Вот тут и настигла его опомнившаяся первой Дора. Однако в самый последний момент княжна сообразила, как опрометчиво поступила, ринувшись в бой без оружия, подхватила массивный стул и швырнула в разбойника.

Как выяснилось, этот наглец даже на мгновение не выпускал из виду своих противниц и успел опередить этот выпад. Молниеносно развернувшись, легко поймал летевший в него снаряд, выставил ножками вперед и двинулся навстречу княжне, заставляя ее отступить. Внезапно из-за спины Доры вынырнула Кателла, державшая в руках небольшой, но увесистый томик с позолоченными застежками и узорчатыми уголками.

Размахнулась и довольно умело швырнула книгу прямо в лицо мучителя. Однако успеха эта отчаянная попытка ей не принесла. Разбойник моментально приподнял стул повыше и, как щитом, легко отбил им веское доказательство всеобщей ненависти. И тут же буквально втиснул Дореню в узкий промежуток между шкафами, загородив ей выход верным стулом, а сам стремительно, как коршун, бросился на брюнетку. Уже в следующую секунду комендант тащил

яростно отбивающуюся и невыносимо громко визжащую Кати куда-то за стеллажи, а ее опешившие в первое мгновение подруги мчались следом, хватая по пути все, хоть немного подходящее на роль оружия.

Вскоре девушки воинственно размахивали книгами и указками, а Августа даже прихватила от аспидной доски коробку с мелками. Однако когда они миновали ряды стеллажей и шкафов, безошибочно ориентируясь на несмолкающий визг Кателлы, разбойника поблизости уже не было. А сама маркиза Зайбер с накрепко зажмуренными глазами сидела на высоком дубовом шкафу, где за сверкающими чистотой стеклами хранились самые ценные фолианты, и оглушительно визжала.

— Кати! — громко прикрикнула Дора. — Перестань орать! Он уже ушел.

— Я боюсь, — на миг смолкнув, всхлипнула ее светлость и снова завизжала, но немного тоньше и тише.

— Если замолчишь, я принесу лесенку и помогу тебе слезть, — строго объявила княжна, — а если снова завизжишь — просто сбегу. У меня от твоего крика голова кружится.

За стеллажами, куда умчались сестры Сарнские, раздался грохот, затем сердитая ругань Октябрины, и княжна, сочтя воину с разбойником более важным делом, чем поиск лестницы, бросилась туда. Вслед ей понесся тихий и несчастный всхлип, но визжать маркиза все же прекратила.

Возле сквозного стеллажа, выступавшего почти до середины комнаты, Дореня обнаружила кучу рухнувших с полок фолиантов, рассыпанные и раздавленные мелки и самих герцогинь Сарнских, стоящих спиной друг к другу. И одновременно — к находящемуся между ними стеллажу. Казалось, они подпирают его с двух сторон, и некоторое время изумленная княжна никак не могла понять, в чем дело. Но потом все же углядела тугой узел, связавший подолы слишком широких для худощавых герцогинь одеяний.

Располагался он между нижними полками, в совершенно невозможном, на взгляд Доры, месте, и дотянуться до нехитрой ловушки ни одна из сестер не могла. Но еще непонятнее было, как разбойник умудрился одновременно поймать их за платья и почему ни одна этого не почувствовала. Княжна сердито фыркнула, рванулась к подругам но неволе, намереваясь немедленно их освободить, и сдавленно охнула, ощутив, что не может сделать и шага. Кто-то крепко держал ее за косу, и девушка сразу сообразила, кто это может быть. Повернув, насколько смогла, голову, Дора торопливо огляделась, но никого поблизости так и не нашла. Зато рассмотрела свою косу, утянутую между книг на противоположную сторону стеллажа, и начала понимать, как глупо попала в ту же ловушку, что и сестры Сарнские.

Неподалеку раздался оглушительный грохот, и судя по звону, это были уже не книги. А потом тихо, но возмущенно рыкнул разбойник, и Дора втайне пожалела, что не имеет привычки носить с собой какое-нибудь оружие. Хотя бы ножнички. Или можно было прихватить из столовой один из ножей. Сейчас она могла пожертвовать даже частью истово взлелеянной косы за возможность очутиться по ту сторону стеллажа. Однако уже в следующую секунду княжна нашла решение своей проблемы и принялась сбрасывать с полки книги, стоящие на уровне ее глаз. Те, которые находились на противоположной стороне стеллажа, она просто вытолкнула, и как раз вовремя.

Битва была в самом разгаре, и стоящая посреди стола решительная шатенка с серо-зелеными глазами сдаваться пока не собиралась. Наоборот, крепко держала в руках свое главное

оружие, серебряную чернильницу, и бдительно следила за пытавшимся подобраться ближе разбойником, не стеснявшимся отвлекать внимание ее светлости ложными выпадами.

Тэри изредка умело пинала в противника стоявшими у ее ног пресс-папье и стаканчиками для карандашей и перьев, но он так же ловко уворачивался от этих снарядов, умудряясь с каждым разом оттеснять девушку все дальше от выгодной позиции.

— Чем это вы занимаетесь? — раздался вдруг глубокий, уверенный голос, несомненно, принадлежавший женщине, убежденной в своем праве задавать подобные вопросы.

Дореня моментально повернула голову в ту сторону и обнаружила даму, стоящую в проеме широко распахнутой двери кабинета. Темно-синее платье очень простого фасона не обмануло княжну, наученную бабушкой смотреть не на одежду, а на лица незнакомых людей. Вернее, на выражение этих самых лиц и особенно глаз.

«Запомни, дитя, — не раз слышала Дора наставление старой княгини, — одежда — это только шелуха. Если балаганный фигляр надевает княжеский камзол, то не становится же он от этого настоящим князем? Как бы ни пыжился, какие бы высокопарные монологи ни произносил, он так и останется лицедеем. Главное в князьях — родовая гордость, память о предках и ответственность перед людьми за слова и поступки. Истинно благородным людям нет нужды надевать бархатные штаны, чтобы доказать народу свою знатность».

Однако женщине, стоявшей на пороге кабинета, ничего и никому доказывать и не требовалось. Каждый житель Идрийского полуострова знал это слегка худощавое, красивое лицо с властным взором темно-серых глаз. Портреты ее величества Зантарии Риталены Селваронской висели над столом каждого градоначальника, а по большим праздникам выставлялись на специальных возвышениях под охраной почетного караула королевских гвардейцев.

— Ваше величество, у нас проверка умения вести себя в чрезвычайных ситуациях и защищаться от внезапных нападений, а также изучение действенных способов предотвращения ссор, — на миг вежливо склонив голову перед правительницей, нагло солгал разбойник.

Дореня даже задыхнулась от бесстыдства, с каким он вывернул наизнанку смысл происходящего, а королева доброжелательно кивнула и поинтересовалась:

— Ну и как, есть какие-то выводы?

— Разумеется, — кивнул разбойник и принялся уверенно перечислять: — Сестры Сарнские смелы и справедливы, но бороться привыкли кучкой и по отдельности сразу теряются. Дореня решительна, однако действовать предпочитает нахрапом, не просчитав прежде свои и чужие возможности. А коса Дореней — весьма удобное оружие против нее самой. Кателла азартна и сообразительна, но, как только начинает проигрывать, сильно расстраивается и пытается разжалобить окружающих невыносимым визгом. Тэрлина довольно ловка и быстро двигается, но подвержена внезапным вспышкам гнева. И не имеет никакого представления об элементарной тактике боя и способах защиты.

Тэри, не успевшая придумать, как незаметно и не роняя достоинства спуститься со стола, и потому так и стоявшая на забрызганной чернилами наборной столешнице, услышав о себе столь нелестные слова, вдруг ясно поняла, за что так яро его ненавидит. За ложь и подлость, а еще за оскорбления и бесконечные издевательства. Да ее до сих пор даже в вальсе партнеры так нагло не тискали, как этот разбойник, по какому-то праву взявшийся судить о

добродетелях и недостатках знатных девиц! Причем вовсе не о тех, какие требовало от будущих княгинь и герцогинь общество. Но раз королева до такой степени доверяет проклятому коменданту, то поздно об этом говорить и пытаться искать защиты у ее величества, как говорится, кто первый успел — тот и съел. По-видимому, придется дочери славного рода Дарве Ульгер соглашаться на договорной брак с каким-нибудь продувным искателем старинных гербов и потом всю жизнь помнить, чей хлеб она ест.

Обида и безысходность на миг захлестнули ее светлость, но способности размышлять она теперь не потеряла. Наоборот, с невесть откуда взявшимся хладнокровием прикинула расстояние до ненавистного коменданта, стремительно шагнула к краю стола и молниеносно выплеснула оставшиеся чернила прямо ему на голову.

Полюбовалась, как стекают черные струйки по стянутым в хвост русым волосам и широким плечам, и бросилась к другому краю стола, чтобы легко соскочить на кресло, а затем на пол. И тихо охнула, попав прямо в сильные мужские руки.

— А еще она мстительна, — спокойно продолжил комендант, не выпуская свою жертву, — и никогда не думает о возмездии, которое полагается за подобные выходы.

Посадил Тэри на стол, ловко перехватил за запястья и стер девичьими ладонями чернила со своей головы.

— Это — на память о моей доброте. — Разбойник отпустил ошеломленную маркизу и повернулся к остальным так хладнокровно, словно по его лицу не текли потоки черной густой жидкости. — Теперь о задании для всех светлостей. До ужина вы должны навести в библиотеке прежний порядок и придумать обоснованный ответ на вопрос, какое наказание получила бы Тэрлина, окажись на моем месте, допустим, герцог Цангре. Извините, ваше величество, мне нужно уйти.

Развернулся и невозмутимо вышел из библиотеки под полное молчание озадаченных девушек.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой проясняются некоторые тайны,

зато появляются новые, еще более загадочные

— А мы поговорим в моем кабинете, — с ледяным спокойствием произнесла королева, повернувшись к застывшим статуями девушкам спиной и первой прошла в комнату, откуда так неожиданно появилась несколько минут назад.

Величественно проследовала к креслу с высокой спинкой, стоящему возле еще более внушительного письменного стола, невозмутимо уселась и милостиво кивнула толпящимся у порога светлостям:

— Закройте двери и садитесь.

Помятые и растрепанные девушки поспешили исполнить это указание. Чинно пристроились на краешке дивана, постоянно одергивая на коленях непривычно короткие одеяния и не зная, куда деть перепачканные мелом и пылью руки. Тэри попросту завернула черные ладошки в пожертвованные Бетриссой платочки и сидела преувеличенно прямо, крепко сжав губы, чтобы случайно не заплакать. Девушкам ее положения не положено во время королевской аудиенции хлюпать носом, как каким-нибудь белошвейкам.

— Как всем вам известно из моего указа, — строго произнесла ее величество и обвела сидящих перед ней светлостей пронизательным взглядом, — нам было угодно выбрать вас для службы нашими фрейлинами. Однако служба вам предстоит незаурядная, вернее, абсолютно необычная. Потому и оплата за нее будет очень высока. Вы даже представить себе пока не можете насколько. Но отработать нужно не менее трех лет, и правила довольно жесткие. Точнее узнаете, когда изучите контракты, а пока я скажу вам коротко — вы станете моими тайными телохранителями и агентами.

Королева обвела девушек еще более испытующим взглядом, но ни одна не выразила ни малейшего желания задать вопрос. Хотя по их нерешительным взглядам и нахмурившимся лицам ее величеству было предельно ясно — вопросы есть. И их много.

— Мне понятны ваши сомнения, — сказала Зантария чуть мягче, и в ее голосе тотчас прорезались так пугающие придворных бездельников стальные нотки, — но изменить ничего уже нет возможности. Вас выбрали отнюдь не наугад. Несколько месяцев преданные мне люди собирали сведения обо всех знатных девушках, подходящих для этого важного дела по возрасту и способностям. А затем уже я сама с помощью тайных советников не одну декаду изучала эти документы, пока не сделала окончательный выбор. Он пал именно на вас. Это большая честь и очень важная работа, по окончании которой всех ждет щедрая награда. Вы получите исполнение заветных желаний и доступ к внушительным счетам, уже открытым в гномьем банке. У каждой из вас будет достаточно денег, чтобы выбрать мужа по душе, не торгуя собственной знатностью. Однако до окончания срока контракта обзаводиться женихами или возлюбленными насторого запрещено. Это самое главное и непререкаемое условие, но не волнуйтесь, особо трудным оно для вас не станет. Я об этом уже позаботилась. Исключение сделано только для герцогини Лаверно, но она не намерена слишком часто пользоваться своим правом навещать мужа.

— Раз в три года, — поддакнула Бетрисса с постным выражением лица.

— А кто такая герцогиня Лаверно? — изумленно вытаращила бледно-голубые глаза Октябрина.

Когда всего полмесяца назад она проводывала тяжело больного троюродного дядюшку Тайвора, он, как и прежде, оставался убежденным холостяком и составлял завещание.

— Это я, — кротко сообщила ей компаньонка Тэрлины и мечтательно улыбнулась. — Четверть часа назад подписала брачное обязательство. Его светлость так страстно желал немедленно соединить наши жизни священными узами, что осмелился подать ее величеству прошение о заключении брака по доверенности.

— Бетрисса, — Тэри сразу же поняла, как повезло ее наставнице, и попыталась ее обнять, — я так рада за тебя!

— Я тоже за себя рада, — ловко перехватив ее черные руки, довольно усмехнулась свежееиспеченная герцогиня. — И за всех вас тоже. Поверьте, ради тех благ, какие принесут вам эти контракты, стоит потерпеть три года.

— Моя бабушка говорила, что короли даже милостыню не раздают с убытком для себя, — рассудительно пробормотала Дора и покраснела, обнаружив, с каким вниманием слушает ее королева.

— Я помню эту замечательную особу, — задумчиво кивнула Зантария. — Она частенько высказывала очень мудрые вещи. Жаль, это не помогло ей сдержать пагубные наклонности мужа, просадившего все деньги рода на скачках. Однако сейчас мне некогда о ней беседовать,

меня ждут во дворце. Вот ваши контракты, изучайте и подписывайте. У вас пять минут. А на все вопросы, какие возникнут, вам позже ответит ваш главный наставник, граф Дирард Шаграйн. Он же — комендант этого замка.

Не менее пары минут из пяти, отпущенных ее величеством, девушки потратили на то, чтобы осознать и прочувствовать главную неприятность, камнем рухнувшую им на головы.

Проклятый разбойник, безжалостный и бесчувственный наглец, не имеющий ни капли уважения ни к их знатности, ни к слабому полу, постоянно изобретающий всевозможные гадости и ловушки, оказывается, получил право и дальше издеваться над ними в свое удовольствие. И можно не сомневаться — постарается сполна отомстить девушкам и за сегодняшнее нападение, и за чернила.

Их светлости по очереди с сочувствием покосились на Тэрлину, сидевшую с каменным лицом и закушенным воротом серого одеяния. Все знали, как трудно смываются изготовленные столичными алхимиками краски, и никто не сомневался: после того как разбойник отмоет свои ухоженные волосы и выбросит испорченный костюм, бедной маркизе Дарве Ульгер придется очень сильно пожалеть о собственной несдержанности. Ведь не зря же он намекнул на герцога Цангре, имеющего дурную славу жестокого самодура.

Бросив на Тэри еще по одному хмурому взгляду, ее соратницы наконец принялись за чтение контрактов. И лишь Бетрисса, положившая подписанный королевой документ в карман еще четверть часа назад, подметила, как исподтишка следит за этими переглядываниями ее величество, старательно делавшая вид, будто изучает какие-то бумаги.

— Тэри, — шепнула герцогиня Лаверно на ушко воспитаннице, не особо заботясь о том, чтобы ее совет остался незаметным для остальных, — подписывай, не сомневайся. Я внимательно читала и все тебе объясню. У тебя ведь останется один экземпляр, сможешь после изучать сколько угодно.

— Кстати, — кивнула ее величество, и не подумав скрывать свой интерес к этому приватному разговору, — с той минуты как вы подпишете контракт и до момента его окончания, комнаты, в которых вы живете, будут считаться вашей неприкосновенной собственностью, и ни один волосок оттуда не пропадет. По окончании обучения вы сможете оставить там эти документы — как вам теперь понятно, никто посторонний не должен узнать об их существовании.

— Меня интересует только одно, — в отчаянии глянув на наставницу, несчастно пробормотала Тэри, — сколько мы будем... учиться?

— Хороший вопрос, — неизвестно за что похвалила ее Зантария. — К сожалению, всего полтора-два месяца. На большее просто нет времени. Поэтому заниматься придется очень много, позже для этого не будет никакой возможности. Ну, кто подписал? Княжна Марьено и сестры Сарнские? Поздравляю, вы сделали прекрасный выбор. Маркиза Ульгер? Положите на край стола... я рада, что вы проявили благоразумие. Маркиза Зайбер... можете не сомневаться, вы не пожалеете. А теперь напоминаю пункт пятнадцатый. Ради пользы дела между людьми, проживающими в этом замке, на время подготовки отменены некоторые правила этикета. В том числе все звания и чины. Отныне вас будут называть просто по именам или коротко — кадетки. Вы первые ученицы секретного королевского кадетского училища для знатных девушек. С директором училища, Дирардом Шаграйном, вы уже знакомы. А теперь можете идти умываться и приступать к выполнению задания, выданного вам вашим наставником.

Тэри несчастно вздохнула и первой поднялась с дивана. Девушка больше ни на гран не

сомневалась, насколько длиннее остальных трех лет покажутся ей эти полтора месяца.

— Ваше величество, — догнал ее у двери вежливый вопрос Бетриссы, — можно последний вопрос? Нам разрешено переселяться в другие комнаты?

— В пределах первого этажа, — коротко ответила королева и, откровенно предупреждая новые вопросы, сухо объявила: — Со всем остальным обращайтесь к директору.

Дочери знатных родов, воспитанные строгими гувернантками, всеми силами старавшимися держать воспитанниц в рамках сурового этикета, отлично поняли этот намек и быстро покинули кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. На мгновение остановились посреди разгромленной библиотеки, оглянулись на Бетриссу, ища подтверждения своим догадкам, и, поймав красноречивый кивок в сторону двери, дружной толпой направились прочь.

— Тэри, пока ты умываешься, — тихо предупредила Бет, едва оказавшись в сумрачной прохладе проходного зала, — я схожу в крыло к девочкам, выберу нам комнаты и сразу вернусь. Удобнее жить рядом со всеми.

Тэрлина хмуро кивнула и послушно направилась в правое крыло. Разумеется, ей умывальня сейчас нужна гораздо более, чем остальным, но с каким удовольствием маркиза, лишенная не только всех вещей, но даже привычного обращения, вместо того чтобы тереть пемзой руки, попросту порыдала бы, засунув для надежности голову под подушку.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой происходят очень странные

и неожиданные события

Комната встретила свежеиспеченную кадетку тишиной и полумраком, и первым делом Тэри подошла к окну раздвинуть серые занавеси. Несколько минут смотрела сквозь решетку на раскинувшийся за ней хозяйственный двор, и постепенно смутная настороженность, зародившаяся при виде аккуратных построек, прилепившихся к замковой стене, и неизменно чистеньких каменных плит, становилась все сильнее. Любившая отгадывать различные загадки и докапываться до сути всех явлений маркиза некоторое время усердно пыталась найти причину своей тревоги, потом, случайно поднеся к лицу руку, вспомнила, как мало у нее времени, и поспешила в умывальню.

Всего через пять минут Тэри вынуждена была признать совершенную бесполезность горячей воды, простого мыла и жестких щеток. Хотя пышная пена довольно скоро перестала окрашиваться в черный цвет, ладони светлее от этого не стали. Конечно, можно было, как она предполагала сначала, потереть кожу пемзой, но очень скоро ее светлость осознала всю ошибочность и даже вредность этого способа. Нежная, холеная кожа очень быстро начала гореть, обещая появление болезненных пузырей, и пришлось отбросить пемзу подальше. Вряд ли злобный разбойник освободит ее от занятий из-за каких-то волдырей.

Тэри еще раз сполоснула ладони чистой водой, вытерла полотенцем и, убедившись, что от этого оно не стало ни на гран серее, решила прекратить издеваться над собой. В конце концов, руки ей теперь понадобятся здоровыми, да и в библиотеке полно работы. Не сваливать же все на новых подруг, ведь если вдуматься, виновата во всем именно Тэри. Если бы она так не рвалась в кабинет, то девушки не стали бы нападать на подлого коменданта. Как его там... граф Дирард Шаграйн? Интересно бы выяснить, откуда он такой взялся, никогда до сего дня маркиза не слыхала такого имени.

Ее светлость поспешила вернуться в свою комнату, выбрала в шкафу новый комплект серой одежды и торопливо переоделась. Заглянула в зеркало и решила наскоро переплести косу, изрядно растрепавшуюся во время их бесславной баталии. Как бы теперь ее ни называли и в какое бы тряпье ни рядили, но она урожденная маркиза и забывать об этом не собирается.

После нескольких движений гребня каштановые волосы, тяжелой волной спадавшие почти до середины бедра, заблестели торемским шелком, каким вышивают свои дивные ковры ханские невольницы. Тэри и сама на миг привычно залюбовалась, в последний раз проводя рукой по этому упругому шелку, но раздавшийся короткий стук в дверь заставил ее с досадой закусить губу. Бетрисса уже вернулась, а она все копается.

— Входи, — поспешно откладывая гребень, сразу отозвалась ее светлость и взглянула в зеркало, ожидая увидеть отражение входящей в комнату наставницы.

И растерянно замерла, рассмотрев застывшего в дверном проеме мужчину в ладно сидящем на его стройной фигуре темно-зеленом костюме. Ни на одежде, ни на безукоризненно причесанных и собранных в хвост волосах, ни на лице разбойника, в упор нагло изучающего Тэри, не было ни малейшего следа чернил.

По пренебрежительно изогнувшимся губам коменданта скользнула тень довольной ухмылки, и он уверенно шагнул в комнату. Почти мгновенно оказался рядом с маркизой, усмехнулся еще нахальнее и вдруг, чуть наклонившись, собрал волосы девушки в ладони. Оцепеневшая от его возмутительной наглости и неожиданности Тэрлина не могла и слова вымолвить, лишь с поднимающейся в душе паникой следила, как разбойник с загадочной улыбкой пропускает пряди ее волос сквозь тонкие, сильные пальцы.

— Жаль, но их придется обрезать, — пробормотал он наконец, глянул в настороженное лицо девушки и жестко добавил: — Всем вам. Вот зелье, смывающее любую краску. Достаточно капли на полстакана воды.

Поставил на стол темный флакон, развернулся и стремительно покинул комнату, даже не потрудившись закрыть за собой дверь.

— Как это «отрезать»? — ахнула Тэри, проводив его потрясенным взглядом. — Почему?

Она и сама не знала, с чего взяла, будто резать будут прямо сейчас, но ее душа тотчас восстала против этого злодеяния и потребовала немедленного действия. Бежать к Бетриссе, к подругам по несчастью, предупредить. И сообща придумать план спасения так истово обожаемых локонов. Тэри торопливо, путаясь дрожащими пальцами в длинных прядях, заплела косу, сколола тугим узлом на затылке, а сверху плотно повязала платочком, как повязывала кухарка замка Ульгер. И пока этим занималась, постепенно немного успокоилась и разозлилась. Просто до белого каления, как любил шутить папенька.

Да и как не злиться, если поливала разбойника чернилами одна Тэри, а лишит главного девичьего украшения он собирается сразу всех?

Девушка выскочила из комнаты и почти столкнулась со спешащей навстречу Бетриссой. Ойкнула от неожиданности и получила полный укоризны взгляд бывшей наставницы:

— Куда ты так бежишь?

— К вам. Разбойник сказал, волосы будут отрезать, — выпалила Тэрлина и стиснула зубы,

рассмотрев сочувствующий взгляд подруги.

— Нам тоже объявили... Фанья приходила. После обеда приведут темным путем цирюльника, он всех подстрижет, а маг будет править внешность. Я, например, хочу убрать морщинки и сделать талию поуже.

— Бет... — изумленно уставилась на нее Тэрлина, — откуда ты это взяла? Какую талию? Какие морщинки?

— Понятно, контракт ты так и не дочитала. Там ясно сказано — в награду за согласие с предложением ее величества сегодня нам авансом выполнят одно крупное или два мелких заветных желания. Остальные потом, по окончании работы. Мне казалось, у тебя тоже найдется какое-нибудь желание.

— Я подумаю, — поджала губы маркиза, отлично поняв намек.

Да и как не понять, если Тэри прекрасно знает свой главный недостаток. Каждый раз, заглянув в зеркало, первым делом видит именно его. Слишком заметный на ее узком девичьем личике крупный нос с фамильной горбинкой и широкими крыльями ноздрей. Все остальное Тэрлину вполне устраивало: и темно-серые, с загадочной прозеленью глаза в обрамлении длинных, пушистых ресниц, и в меру полные губы, и белая нежная кожа.

Но спешить она все-таки не собирается, сначала попытается выпросить у разбойника кое-что другое. И даже за волосы не станет бороться, в конце концов, за три года локоны должны отрасти.

— Тогда начинай собираться. Быстренько отнесем вещи и пойдем в библиотеку, — покладисто кивнула Бетрисса, направляясь в свою спальню, и уже с порога добавила: — Бери побольше одежды, там шкафы пусты. Сейчас придет служанка, она нам поможет.

«А разве тут есть слуги?» — невольно задалась вопросом маркиза, связывая узлом углы шали, в которую сложила запасы штанов и коротких балахонов.

До сих пор ей на глаза никто из прислуги не попадался, хотя, если подумать, обойтись без нее тут невозможно. И судя по всему, ее не так уж мало, ведь стелет же кто-то постели и моет полы, готовит и подает всевозможные блюда, убирает со стола. Да и двор вон какой чистенький, словно промытый весенним ливнем. Недавняя тревога зашевелилась в душе, и теперь Тэрлине становилось все понятнее, чем она вызвана.

Пустотой и тишиной этого замка, безлюдностью и чистотой двора и стен. Где часовые, охрана, конюхи и птичники? Почему не поют по утрам петухи и не бряцают по каменным плитам сапоги воинов, сменившихся с караула? И не слышно ни разговоров, ни смеха шустрых горничных, успевающих навести идеальный порядок в комнатках кадеток за время, проведенное теми на утренней прогулке.

— Выносите вещи, я привезла тележку, — объявила Фанья, заглядывая в распахнутые двери комнат.

— А Бетрисса говорила о служанках, — с самым наивным видом изумленно распахнула глаза Тэрлина. — Разве они не помогут?

— У меня как раз есть свободное время, — сухо вато сообщила домоправительница, водружая узел Тэри на бельевую тележку. — А в новые комнаты свои пожитки вы отвезете сами. Лестниц

и высоких порогов здесь нет.

Невозмутимо отвернулась и направилась прочь, держа прямо сухопарую спину.

— Ты слышала, Бет? Я как раз хотела тебя спросить, а ты вообще видела тут слуг или стражников?

— Так ведь Дора уже сказала, никакой прислуги нет, — безразлично произнесла Бетрисса, но глянула на воспитанницу с хитрой усмешкой, словно предлагая решить эту загадку.

— Днем и я не видела, — взявшись за ручку тележки, задумалась Тэри. — А ночью нас запирают. Кстати, а в левом крыле тоже стоит дверь с запором?

— Все точно так же, как и здесь. Только окна выходят в садик, потому я и решила перебраться. Все же приятнее смотреть на травку и цветочки, чем на бесконечный камень. Здесь ведь и на улице все серое.

Вскоре Тэри и сама в этом убедилась, с минуту постояв у окна комнаты, выбранной для нее подругой. Потом небрежно забросила в шкаф серый узел, спрятала в ящик секретера контракт и отправилась вместе с соученицами в библиотеку. Хочешь не хочешь, придется исполнять задание разбойника, раз он теперь для них назначенный королевой наставник и одновременно директор непонятно зачем придуманного ею же кадетского училища.

Разбойника девушки рассмотрели еще издали, он стоял у закрытой двери в библиотеку и небрежно похлопывал по сапогу неизменной тросточкой. И пока их светлости шагали к нему по натертым до блеска полам сумрачного зала, рассматривал свежее испеченных кадеток с самым скучающим видом.

А едва девушки подошли ближе и остановились на расстоянии трех шагов, свысока усмехнулся и задал неожиданный вопрос:

— Все готовы мыть и чистить?

Дружное молчание и стрелы хмурых взглядов стали ему ответом, но директора это ни грана не смутило.

— За дисциплинированность вы заработали поощрение, но за несообразительность я его снимаю со всех... кроме кадетки Бетриссы. Кадетка Бетрисса назначается старшиной вашей группы. Обязанности старшины просты: вечером взять у меня расписание занятий на следующий день и повесить в коридоре вашего крыла. Помогать кадеткам делать задания и подсказывать решения старшине запрещено. Отправляйтесь на второй этаж. Первая комната с правой стороны. Задание на доске.

— А вопрос задать можно? — осторожно осведомилась Дора.

— За необдуманные вопросы будете получать дополнительные задания, — с едкой усмешкой предупредил разбойник.

— Ладно, — упрямо вздернула голову княжна, — пусть будет задание. За какую несообразительность вы сняли с нас поощрение?

— Два дополнительных задания, — скучающе процедил граф Шаграйн. — Первое — за вопрос, второе — за обращение. Всех вас предупредили, что этикет и светское обращение тут

отменены. Почему — должны сообразить сами. Добавьте это задание к тем, что записаны на доске. Старшина! За полчаса до обеда соберешь работы и положишь в стол.

Щелкнул по сапогу тростью, развернулся и направился к выходу.

Девушки несколько мгновений с ненавистью смотрели ему вслед, потом нехотя поплелись к лестнице. После визита ее величества жизнь в этом странном замке не стала ни капли легче или понятнее. Тэри умышленно прошла мимо двери в библиотеку и дернула за ручку, попытавшись ее открыть. Тщетно, дверь оказалась запертой.

— Не нужно, — шепнула маркиза Зайбер и, прижавшись к локтю Тэри, еле слышно призналась: — Мне кажется, за нами все время следят. Даже в спальне.

— Вполне возможно, — подумав, согласилась Тэрлина и так же тихонько добавила: — Лучше поговорить в саду.

Комната, куда они пришли, была обставлена как гостиная, но возле кресел стояли небольшие круглые столики, а в простенке между камином и шкафом висела обычная аспидная доска. Да на столиках вместо ваз с печеньем и сладостями стояли небольшие письменные приборы и лежали стопки писчей линованной бумаги. Столов было ровно шесть, но, прежде чем выбрать себе места, девушки дружно ринулись к окнам, словно могли увидеть отсюда хоть немногим более, чем со стен, по которым гуляли по утрам.

Однако обнаружили точно такую же решетку, какие стояли на окнах в комнатах нижнего этажа, и это добавило им тоски. Ну а короткие вопросы, столбиком записанные на доске, и вовсе ввергли девушек в уныние.

— Ну откуда я могу знать, — тихо рычала Октябрина, записав первый вопрос, — «как встречают во дворце новых фрейлин», если из нашего дома уже почти полсотни лет никто во фрейлинах не служил? Сначала у семьи было довольно денег, и девушки выходили замуж, едва достигнув первого совершеннолетия. А потом...

Она махнула рукой и замолчала, но все и так знали на собственном опыте, что было потом. Пока в семье еще хватало денег на модные туалеты и драгоценности, родители считали унизительным устраивать дочь фрейлиной. Ну а после ей просто не в чем было ехать во дворец.

Тэри отложила первое задание про фрейлин и взялась за второй, уже знакомый ей вопрос. Только звучал он теперь по-другому. «Можно ли дерзить придворной знати?» Ну и что тут написать, если правильный ответ так и просвечивает сквозь вопрос?

Разумеется, нельзя.

Дерзить вообще неучтиво, некрасиво и просто неумно, это знают все хорошо воспитанные знатные девушки. Так ведь они никогда и никому и не дерзят, если их не пытаются оскорбить или унижить и не выводят из себя наглými выпадами и бесстыдными прикосновениями! Но как показал сегодняшний опыт, за эту вынужденную дерзость и попытку защитить свое девичье достоинство можно попасть в еще более скверное положение. И тогда оказывается, что у тебя нет никакого опыта, как из него выходить. И оружия или умения наказать гнусного наглеца тоже нет. Остается лишь выплеснуть ему в лицо все, что ты о нем думаешь, и вылить на голову бутылек чернил.

Тэрлина оглядела задумавшихся подруг, вздохнула и решительно обмакнула перо в

чернильницу. Не будет она кривить душой. В конце концов, королева ведь выбирала их по характерам. А о том, что маркиза Тэрлина Дарве Ульгер совершенно неспособна лукавить и изворачиваться ради похвалы или подарка, отлично известно в ее родном замке даже конюху. Ну а если разбойнику не понравятся ее ответы, то может отправить ее назад, все равно Тэри не верит в возможность ее величества выполнить ее заветное желание.

— А у меня была троюродная кузина, — вдруг тихо пробормотала Кателла, — графиня Ланселье. Она три года назад уехала в Карстад к тетке, и вскоре ее приняли во фрейлины. Больше года мы не виделись, потом случайно встретились на похоронах бабушки по отцовской линии. Она оставила всем небольшое наследство. Я с трудом узнала Жюстину, она стала грубоватой, настоженной и пристрастилась к вину.

— Но она же... — нахмурилась Дора.

— Да, отравилась, — мрачно кивнула маркиза. — Прошлой осенью. По слухам, она ждала ребенка.

— Моя бабушка всегда говорила, что дворец — не место для молодых девушек, если у них нет могущественного покровителя или мужа, — вздохнула княжна и вдруг в упор взглянула на Бетриссу: — Жаль, герцогиня Лаверно не может рассказать нам о жизни фрейлин.

— Почему это не может? — оторвалась от работы Августа, некоторое время недоуменно смотрела на старшину, потом сообразила: — Ну да, ей разбойник запретил! Но он сказал — запрещено помогать делать задания и давать советы. И вовсе не запрещал рассказывать о тех вещах, которых мы знать не можем.

— Не думаю, что разбойника удастся обмануть таким оправданием, — засомневалась Тэри. — Ведь он хитер, как хорек. Не нужно заставлять Бетриссу ничего рассказывать, лучше я расскажу вам то, что знаю от нее. Мне ведь ничего не запрещали. По словам Бет, ей очень повезло попасть в младшие фрейлины к королеве-матери. Ее величество к тому времени была уже стара и не любила пускать на свою половину мужчин. Только короля и его приближенных, и то ненадолго. И шумных развлечений тоже не любила, только прогулки, чаепития, чтения и рукоделие. Сама королева, как все знают, увлекалась живописью, но любителей рисования возле себя не терпела. Все ее старшие фрейлины были весьма солидного возраста, и королева их давно вымуштровала, а молодых держала только для различных мелких поручений, поэтому жили они относительно спокойно. Хотя слухи о розыгрышах и шуточках, принятых среди ловеласов и щеголей, стаями ходивших по новой части дворца и весь день проводивших в изобретении различных потех, доходили и до покоев старой королевы.

— Это только так называлось — «шутки», — невесело ухмыльнулась Бетрисса. — А на самом деле довольно жестокие ловушки. Во дворце целыми днями толкутся знатные молодые мужчины, а также сыновья и племянники советников, министров и глав гильдий. Любимые увеселения изнывавшей от безделья и скуки оравы — это охота, гонки яхт, скачки, балы и пикники, но устраивают их не каждый день. В остальное время все развлекаются соблазнением фрейлин, белощвеек и служанок, изобретением интриг, мелких пакостей и заключением пари. Скажем, спорили, будет ли рыдать новенькая фрейлина, если опрокинуть ей на юбку вазочку с горчицей. Иногда шутки были очень жестокие, например, однажды отвергнутый ловелас пробрался в спальню к неприступной девушке и насыпал ей в туфли битое стекло. Иногда шутники подсылали к жертвам лакеев, и те отрезали от платья юбку, оставив лишь несколько нитей. И потом, в самый разгар обеда или бала, шутник словно случайно наступал бедняжке на подол.

— Но ведь служанки должны были проверять... — возмутилась Кателла и тотчас смолкла.

— Служанок, особенно внимательных и преданных, новеньким фрейлинам никогда не достается, — вздохнула Бетрисса. — Сама понимаешь, таких переманивают те, у кого больше денег или связей. Конечно, можно привозить во дворец своих камеристок, но им там еще труднее, чем их хозяйкам. Да и не у всех есть деньги платить такое же жалованье, какое выдает королевский мажордом. Хотя фрейлины королевы и получают содержание и еще на булавки, но цены у столичных портних просто сумасшедшие. А ходить в одном и том же платье все время не будешь, заключают.

— В общем, я все поняла. — Тэри подвинула лист, где записала первый вопрос. — Пишу ответ: «Как стая кошек — мышку».

— Но это слишком коротко, — засомневалась Августа. — И недостаточно серьезно.

— Ну и пусть, — уперлась маркиза Дарве Ульгер. — Вопрос тоже не длинный и с подвохом. А на второй вопрос я отвечаю: «Нельзя. Но очень хочется». Ну а третий у нас... — Она оглянулась на доску и вслух прочла написанное рукой наставницы задание: — «Как правильно выполнить задание «уборка библиотеки».

— Пойти и помыть, — сердито фыркнула Кателла и состроила Тэрлине умильную рожицу: — Можно я спишу твои ответы? Мне понравилось.

— А ее потом накажут, — неодобрительно качнула головой Октябрина. — Или тебя.

— Но ведь списывать он не запрещал? И вопросы мы решили вместе, просто она короче ответ придумала, а я писать не люблю.

— Списывай, — не стала спорить Тэрлина, комкая лист с первоначальным вариантом ответа.

Оглянулась, куда бы бросить, обнаружила, что камин не горит, и сунула бумажку в карман, бросит в огонь позже.

— Ну и как можно убрать библиотеку, — задумчиво произнесла Дора, — если разбойник нас туда не пустил? Что же получается, он сам дает приказы, и сам их отменяет, а мы за это лишаемся поощрения?

— А мне помнится, — прокурорским взором уставилась на Бетриссу Октябрина, — когда мы умывались, к нам пришла Фанья и сказала про волосы, а через минуту наша старшина вместе с ней ушла за Тэрлиной. И теперь мне стало интересно: о чем они разговаривали по дороге? И не встретили ли кого-нибудь?

— Они говорили про мои вещи, — сразу вспомнила Тэри. — Фанья обещала прислать слуг, чтобы помогли перенести. Но потом пришла сама и привезла тележку, на ней мы все и перевезли.

— Мы с Августой тоже давно заметили, какие странные тут слуги, настоящие невидимки, если не хуже, — кивнула герцогиня Сарнская, оглянулась и, передернув плечами, тише добавила: — Мне в переднем зале иногда холодят спину чужие взгляды... оглянись — никого.

— А что может быть хуже? — изумилась Дора.

— Хуже может быть нечисть, — начала перечислять Августа, — вызванные духи, оборотни и

ведьмы. Это у нас они очень редки, потому и живем спокойно, а в Дройвии, говорят, оборотни запросто ходят по улице, как обычные люди.

— То есть, — прищурилась Тэри, — вы считаете, он нас не пустил в библиотеку, так как там уже убирали оборотни или духи? Но при чем тогда эти слова: «Как правильно выполнить задание?» Бет ведь была с нами, а у нее он поощрение не забрал.

— Не понимаю, — пожала округлыми плечами княжна. — Тут как-то не вяжется. Вот если бы Бетрисса сходила к разбойнику раньше нас и высказала ему какую-то догадку...

— Дореня, ты клад, — обрадовалась Тэрлина. — Бет могла повстречаться с разбойником. Точнее, не могла с ним не столкнуться. Он приходил за минуту до нее, принес зелье, оттирающее чернила, и сказал мне про волосы. Значит, они встретились, и Бетрисса все же задала ему вопрос. Вот как бы еще узнать какой?

Бетрисса взглянула на воспитанницу с показным сожалением и снова склонилась над своим листом.

— Мне кажется, — прикусила край ворота Тэри, — вопрос не мог быть каверзным или необычным. Ну давайте сами подумаем, о чем мы сами могли бы спросить разбойника? Причем именно про библиотеку? Ну, я бы спросила, где взять тряпки и ведра с водой. Или... куда выливать грязную воду.

— А я вообще не знаю, с чего начинать уборку, — виновато глянула на нее Кателла. — Наш дворецкий умеет находить недорогих служанок, и мне никогда не приходилось мыть полы.

— Ну, допустим, лично мыть полы и нам не приходилось, — кивнула Октябрина. — Мы обучаем простых девушек письму и правилам поведения в богатых домах, а за это они отрабатывают служанками. Но невозможно не знать, как это делается, если приходится проверять выполненную работу.

— Правильно! — обрадовалась Тэрлина пояснению герцогини Сарнской. — Бет тоже все это знает и мне постоянно напоминает, как легко обмануть того, кто ничего не умеет делать сам. А не могла ли она спросить у разбойника, кто будет проверять нашу работу?

Не поднимая головы от задания, Бетрисса тихо фыркнула, и Тэри мгновенно приуныла. Наставница всегда так делала, когда ответы воспитанницы были далеки от верных.

— Лично я спросила бы, — сердито блеснула голубыми глазами Дореня, — а какой смысл заставлять мыть пол знатных девушек, если тут такие вышколенные слуги? Все равно нам никогда не убраться так, как они. А мы лучше вышьем ему по платочку.

— Мне легче помыть всю библиотеку и еще где-нибудь... хотя я тоже плохо это умею, — помрачнела Тэри, припомнив, как нахальные пальцы разбойника играли ее волосами, — чем вышивать платочек. Особенно для этого наглеца.

Бросила косой взгляд на бывшую наставницу и прикусила язык. Слишком хорошо знакомо ей было ожидание во взоре, с каким Бетрисса смотрела на Дору, словно прося продолжить начатую мысль. И это означало только одно: Дореня случайно почти правильно ответила на вопрос, но вот насколько почти? Как она сказала? «Зачем заставлять девушек мыть пол, если есть слуги?» Все правильно... Но насколько Тэри знает Бет, та не станет молчать, если они угадают верный ответ. И каким же тогда должен быть правильный вопрос? Вроде крутится

мысль, но никак не удается выразить ее точно.

— А я не пойму, — посмотрела на примолкшую маркизу Октябрина, — почему мы должны в наказание за проступки мыть и вышивать? Поскольку нас приняли в кадетов... или как назвала ее величество — в кадеток? — так и пусть наказывают как кадеток. Заставят выучить какое-нибудь правило или отправят во двор рубить чучела. Ведь тайные агенты должны уметь держать в руках оружие, бегать, прыгать и многое другое.

— Вот так я и сказала, — с облегчением выдохнула Бетрисса. — Пишите быстро и идем умываться, сегодня обед на час раньше. Вот сегодняшнее расписание, он дал его мне, когда мы встретились.

Новоявленная герцогиня с виноватой улыбкой положила на стол лист обычной бумаги, исписанный довольно мелким, аккуратным почерком.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

принесшая знатым кадеткам кучу новых забот

и почти не прибавившая радости

— Все-таки он жулик и проныра, — возмущалась Кателла, спускаясь по лестнице рядом с Тэри. — Мог бы предупредить, что времени в обрез!

— Мы сами невнимательные, — с досадой отозвалась Дореня. — Он же сказал про расписание? Отчего мы решили, что оно будет только с завтрашнего дня?

— А почему Бетрисса нам не сказала про него раньше? — не сдавалась маркиза Зайбер.

— Бет непременно сказала бы, — решительно заступилась за наставницу Тэрлина, — если бы он ей позволил. Не пойму только, зачем ему это нужно — рассорить нас.

— А может, наоборот? — задумчиво буркнула Бет, и все притихли, пытаясь сообразить, как такое может быть.

В столовую кадетки явились точно в срок, серьезные и побледневшие. Смеяться и шутить не хотелось никому: чем меньше времени оставалось до получения наград и расставания с девичьими косами, тем сильнее разрасталась в душах тревога. Никому ведь не известно, чем все закончится. И никто не поручится, что за отрезанные локоны девушки получают нечто более ценное, чем зелье для отбеливания кожи или мазь от веснушек. Ведь магии у них на полуострове нет, и потому сильные маги здесь не живут. А те, которые случайно попали сюда из Дройвии, ничего сложного обычно не делают, слишком уж дорого обходится покупка у контрабандистов камней с накопленной на материке энергией.

— Снова эти супницы, — почти с отвращением выдохнула Кателла, глядя на идеально накрытый стол. — Думаю, я скоро возненавижу их на всю жизнь. Кто будет открывать?

— Я могу, — предложила Тэри, но наставница ее остановила.

— Сегодня я уже попробовала задать наглый вопрос, и это неожиданно принесло удачу, — пробормотала она и взялась за колокольчик.

Звон унесся под высокий потолок, затерялся в заставленных буфетами углах, и казалось,

попытка новоявленной герцогини не принесла никакого результата. Однако девушки упорно стояли в сторонке, предпочитая еще несколько минут не смотреть под вычурные крышки старинного столового сервиза.

— В чем дело? — Вместо ожидаемой кадетками Фаньи в проеме стоял их директор и раздраженно помахивал тросточкой.

— У нас вопрос, — спокойно сообщила Бетрисса. — Можем ли мы заранее заказывать блюда на обед и ужин?

— Вопрос от старшины или от всех?

— От всех, — поспешила ответить Тэрлина, и ее поддержало слаженное эхо.

— Тогда меняю его на вопрос задания. Где, как вы считаете, вам придется служить ее величеству через два месяца или даже раньше? Приступайте к трапезе.

Дверь закрылась быстрее, чем все успели сообразить, что в этот раз никого из них наказывать не будут. И только в следующий момент кадетки осознали, как зря рисковали. Освободить от сортировки блюд их никто не собирался.

— Ну и ладно, — буркнула Октябрина, направляясь к столу. — Теперь хоть понятно, ради чего мы страдаем.

Остальные хмуро промолчали, но через четверть часа неожиданно сорвалась Дореня. К этой минуте девушки слаженными усилиями натаскали на дальний конец стола самых простых и проверенных кушаний и наконец-то, рассевшись по уже привычным местам, взялись за вилки. И тут княжна вдруг отбросила приборы и, уронив голову на стол, горько зарыдала.

В первый миг никто из девушек ничего не понял, кто-то вскрикнул, кто-то уронил бокал. Первой вскочила с места Октябрина, бросилась к новой подруге, крепко стиснула ее плечи.

— Дайте воды... или лучше отвар ромашки. Выпей...

Дореня послушно лязгнула зубами о край бокала и отвернула лицо:

— Не могу-у...

— Можешь. Ты ведь сильная, Дора! Выпей и возьми себя в руки, мы же дочери знатных родов, нам не положено рыдать, как обычным кухаркам!

— Но жалко...

— Всем жалко, — под села с другой стороны Бетрисса, нежно погладила княжну по щеке. — Вот у меня коса намного хуже твоей, и ту жаль. А как вспомню, чего стоило вырастить ее заново... Я ведь после лихорадки была почти лысой. Сразу-то волосы не дала стричь, пожалела, как буду прически делать? А потом, когда в горячке колтунов накатила, лекарь приказал санитарке разобрать, она и разобралась по-быстрому, с помощью ножниц.

— Я не о том... — горько всхлипнула Дора. — Он просил... хоть разок распустить... посмотреть.

— Ну и негодяй! — немедленно возмутилась Августа, сразу догадавшись, о ком вспомнила княжна. — Такие вещи порядочным девушкам не предлагают. И радуйся, что не согласилась,

теперь чувствовала бы себя обманутой вдвойне.

— А я дома любила распускать волосы и играть в русалку, — мечтательно вздохнула Кателла. — Теперь не поиграю.

— Никто не поиграет, — мрачно буркнула сквозь слезы Дора.

— Ну почему же, — вдруг хитро прищурилась Бетрисса. — Разве нам запретили напоследок сыграть в русалок? Гребень у меня с собой, еще у кого есть?

И решительно принялась вытаскивать из прически шпильки.

Гребни нашлись у троих, и всего через пять минут девушки снова сидели за столом, только теперь на спины им спадали длинные шелковистые покрывала распущенных волос.

— Никогда раньше даже не догадывалась, — вдруг изумленно усмехнулась Октябрина, — что способна на такой безумный поступок.

— Я тоже, — отнимая от глаз салфетки с завернутыми в них ломтиками холодного мяса, смущенно улыбнулась в ответ Дора и, краснея, призналась: — И почему-то чувствую себя как в детстве — беспечной.

— Сегодня можно, — подмигнула ей Бет. — Исполнения желаний не каждый день на голову падают. Мне, например, за тридцать четыре года только два раза повезло, и то потом пришлось за них сполна отрабатывать. Но я не жалею. Так даже приятнее, когда знаешь, что сам заработал, а не кто-то более удачливый бросил милостыню.

Тэри молча кивнула, она была полностью согласна с бывшей наставницей, но пока никак не могла себе представить, как отреагирует на их выходку разбойник. Как посмотрит, когда они пойдут мимо, — едко ухмыльнется или по обычаю больно ужалит острым, как нож, словом? Если бы у нее была возможность выбирать, Тэри никогда бы не пошла мимо директора с распущенными волосами, хватит с нее и одного раза. Но остаться в стороне от новых подруг совершенно невозможно, вряд ли они потом простят ей такой поступок, если вообще не сочтут предательством.

— К этой прическе длинное бы платье, белое или голубое... — Кателла мечтательно повертелась перед зеркалом, оглядывая укрывавшую ее волну черных слегка вьющихся волос, и оглянулась на примолкших за столом кадеток: — А вы почему еще сидите? Или не наелись? Мне хочется пройти по залу, там зеркала в полный рост.

— Сколько тебе лет? — не выдержала Тэрлина, рассматривая маркизу Зайбер.

— Уже двадцать четыре, — сразу потухла та. — Просто я в мать, она тоже маленькая, со спины до сих пор кажется девушкой.

— Извини... Но ведь это неплохо — выглядеть моложе.

— Неплохо, пока не выйдут замуж все младшие родственницы. А потом чувствуешь себя обманщицей. На балах молодые мужчины сначала улыбаются, заговаривают, а потом, после того как приятели их просветят, стараются обойти по другой стороне зала. У меня ведь зубы кривые, ты не заметила? Лекарь предлагал вырвать и сделать из белого золота, но я не пожелала.

— Да ничего они не кривые, — укоризненно глянула Октябрина. — Это ты просто ищешь причину, почему на тебе никто не женится. А все просто — за графов или героев Донгера тебя не отдаст отец, а поймать холостого герцога или князя не так-то просто. Богатые все женаты, а бедные ищут приданое. Но ты права, сидеть нам тут нечего, раз решили поиграть в русалок, то идемте в зал. Во что там играют зеленоволосые? В догонялки или прятки?

— В охоту на разбойников, — желчно усмехнулась Августа и решительно поднялась со стула, отбросив за спину белые, как лен, волнистые пряди.

— Ну уж нет, — сделала размашистый знак оберега Дора. — С ним я больше не связываюсь. Он таких, как мы, на завтрак обед и ужин по десятке съест и не подавится.

Распахнула дверь и первой шагнула в притихший сумрачный зал, глядящий на мир полуслепыми от мелких решеток окнами.

На втором этаже бесшумно открылась незаметная дверца, и две темные тени скользнули к ограждающим галерею перилам. Несколько минут, встав возле колонны, молча смотрели сверху, как по залу с визгом и смехом носятся девичьи фигурки, облаченные в бесформенные туники и роскошные плащи распущенных волос. Потом одна тень, повыше и плечистее, резко отвернулась и так же бесшумно вернулась назад в комнату. Вторая постояла еще с минуту и с неслышным вздохом последовала за ней.

— Пора уже отправлять их к Годренсу, — глядя в открытое окно, сухо бросил граф, помолчал и вдвинул на место почти неслышно щелкнувшую потайным запором решетку. — Иди ты. Я напишу отчет.

— Как отвечать, если попросят слишком многого? — Сбросив похожую на паутинку накидку отвода глаз, Фанья села к столу, спокойно налила в бокал темного, пенного кваса и неторопливо сделала несколько глоточков.

— Сразу поставь условия. Желания только для себя и только те, какие можно исполнить здесь. Сама ведь все знаешь.

— Знаю, — не стала спорить женщина, сделала еще несколько глотков и встала. — Намного больше, чем тебе кажется.

— Так не задавай вопросов! — яростно огрызнулся граф Шаграйн, сразу став похожим не на скучающего повесу из орды придворных, а на взъерошенного оскалившегося зверя. Постоял, ожидая ее возражений, и примирительно добавил: — Чуть позже приду сам.

Фанья только опечаленно усмехнулась и выскользнула прочь, плотно притворив за собой потайную дверцу.

Еще немного постояла у перил, пасмурным взглядом следя за расшалившимися светлостями, потом натянула на лицо привычное безразличное выражение и решительно направилась к лестнице. Рад был прав: Годренс уже пришел, и нужно спешить. Без постоянной подпитки энергии его возможности постепенно слабеют, а работы у мага на сегодня предостаточно. Хотя он и предлагал исполнять желания постепенно, не в один день, но ее величество на это не пошла. И это, по сути, правильно: лучше потратить полдня и потом спокойно продолжать обучение, чем несколько дней наблюдать за томящимися ожиданием девицами, которые, кроме собственных глаз и носов, больше ни о чем не смогут думать.

— Старшина! — дойдя до нижних ступеней, строго окликнула Фанья девушек, цепочкой

петлявших между колонн в танце, изображающем весенние хороводы дриад. — Веди группу в левое крыло. Устраивайтесь в первой от входа гостиной и по очереди отправляйтесь к цирюльнику. Он будет работать в следующей комнате. После него пойдете дальше, там вам исполнят желания. Но просить можно только лично для себя. Старшина, напиши список и следи за очередью.

— Я хочу пойти первой, — нахально объявила Бетрисса.

— Решайте сами, — не стала спорить домоправительница, и кадетки, так и не разомкнув рук, вереницей побрели мимо нее к левому крылу.

Первыми шли костлявые белобрысые дылды Сарнские, за ними круглощекая, плотненькая княжна с разметавшейся пшеничной гривой невероятно густых волос. Потом гордо несла свой фамильный нос стройная, грациозная маркиза Ульгер, за ней опасливо двигалась маркиза Зайбер, изящная брюнетка с обыденным, невыразительным личиком. Замыкала цепочку худощавая дама не первой молодости с резковатыми чертами лица и умным, слегка настороженным взглядом стальных глаз. Молодая жена герцога Тайвора Лаверно, только вчера внезапно излечившегося от тяжелой болезни.

Фанья невесело усмехнулась, глядя в прямую спину Бетриссы. Герцогиня еще не догадывается, каким сокрушительным ударом стало чудесное исцеление ее мужа для его двоюродных племянников, уже паковавших вещи для переезда в фамильный замок.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

принесшая в жизнь свежеиспеченных кадеток кучу
неожиданностей и новых догадок, а также ручьи слез

— Я пошла, — бросила старшина, проходя мимо двери в первую комнату, и Тэри тотчас рванулась к ней:

— Бет...

— Не волнуйся, однажды я уже была почти лысой, и мне это даже понравилось, — мягко потрепав за щеку, успокоила ее наставница. — Намного меньше возни с мытьем и сушкой, а расчесывать вообще одно удовольствие. Напиши за меня список, и готовьтесь, я цирюльника надолго не задержу.

Тэрлина проводила ее взглядом и вернулась в скромно обставленную комнату. Диванчики у стен, несколько кресел между ними да стол с письменным прибором. Рядом с чернильницей лежала стопка бумаги, на другом конце стола — с десяток книг. Видимо, таким образом кадеткам намекали, чем можно занять свободное время. Тэри взяла перо, вписала первое имя — «Бетрисса» и посмотрела на притихших подруг.

— Кто пойдет за ней?

— Я, — сумрачно глянула Октябрина. — Не люблю растягивать неприятные дела. Все равно ничего не изменить, так зачем себя мучить.

— Потом я, — внезапно вскочила со своего кресла Кателла. — Мне очень хочется получить ровные зубы.

— Хорошо, — записала их маркиза Дарве Ульгер и тихо выдохнула: — А потом пойду я.

Октябрина права, не имеет смысла сопротивляться, раз они уже согласились стать кадетками. Не наивные же пастушки, чтобы считать, будто короли способны простить тех, кто решится с ними спорить. Особенно после того, как подписаны контракты.

— Тогда я за тобой, — решила Август, и Тэри дописала список, поставив Дору последней.

— Готово, — еще раз пробежав глазами столбик из шести имен, объявила она и положила лист на середину стола. — А кто-нибудь уже знает ответ на последнее задание разбойника?

— Судя по сервировке и количеству блюд, это скорее всего дворец, — пожала плечами Октябрина. — Но зачем во дворцах лысые девушки, я пока догадаться не могу.

— Чтобы никто не смог поймать за косу, — язвительно фыркнула Дора. — Разбойник пытается нам доказать, что женщину можно удержать только за волосы. А сам умудрился связать сестер подолами.

— А может, нас переоденут мальчиками? — загорелись глазки у маркизы Зайбер. — Это было бы очень интересно.

— Ну еще бы, — ехидно фыркнула Августа. — Куда как познавательно ходить в мужскую умывальню вместо женской!

— А разве... — растерялась Кати, неверяще оглядела ухмыляющихся подруг и жарко покраснела. — Но мы ведь могли бы ходить в женскую?

— Разумеется, — с почти неподдельной серьезностью кивнула Октябрина. — Но, боюсь, тогда придворные дамы нас неверно бы поняли.

— Это как еще? — насторожилась Тэри, чувствуя, как ее уши тоже начинают гореть.

— Забудь, — отмахнулась Дора. — Это совершенно невозможный вариант. Итак, мы будем во дворце, в торемской одежде и лысые... или нет, подождите! Я вспомнила, торемские женщины постоянно носят платки и длинные покрывала. Может быть, нам выдадут покрывала и волос не будет видно?

— А у ее величества как раз есть на море летний дворец, и она иногда приглашает туда знатных гостей, — одобрительно кивнула Октябрина и обернулась на скрип двери: — Фанья?

— Она все-таки пошла первой, — словно про себя пробормотала домоправительница и строго глянула на кадеток: — Список есть?

— Вот он, — подвинула лист старшая герцогиня Сарнская и, поднявшись с кресла, величественно глянула на Фанью с высоты своего роста: — Пора?

— Да, — коротко кивнула помощница директора, не пожелав замечать ноток высокомерия в тоне кадетки. — Идем.

И спокойно вышла прочь, прикрыв за собой дверь, словно давая герцогине время успокоиться или передумать.

Все невольно примолкли, провожая взглядами гордо шагавшую к выходу подругу, и в этот миг створка снова распахнулась. На этот раз резко, как от порыва ветра, и женская фигура,

возникшая в проеме, вызвала у кадеток не меньшее потрясение, чем внезапно выросший посреди центральной площади Карстада расписной торемский дворец.

— Бет? — ошеломленно пискнула Тэри и сама не узнала своего голоса, как не сразу опознала знакомую до последней ранней морщинки компаньонку.

— Не может быть... — еще неверяще бормотала Дора, а в ее синих глазах уже разгорался огонек надежды.

— Может! — ликующе ахнула Кателла и вдруг горько заплакала: — Скажите мне, что это не морок!

— Никакого морока, — гордо объявила Бетрисса, мечтавшая об этом мгновении все те нескончаемо долгие минуты, которые провела в уверенных руках мастеров, чувствуя себя безвольной тряпичной куклой.

Они взялись за нее вдвоем, тот самый маг, который отправил сюда их с Тэрлиной, и невысокая, смуглая, как копченый окорок, и ловкая, как фокусник, торемка.

— Моя имя тебе не нада, — заявила она в первый же миг, как только Бет ступила в комнату, где посредине стояла кушетка с высокой спинкой. — Мне твоя — тоже. Садись сюда, голова назад, моя делать красавис.

— Особое желание есть? — хмурясь, изучал ее вставший с другой стороны маг.

— Морщинки... талия... — неожиданно растерялась Бетрисса, а он вдруг мягко улыбнулся и вскользь коснулся рукой ее лба:

— Ладно, учту. А пока помолчи и не волнуйся, мы на самом деле собираемся сделать все, чтобы герцог Лаверно онемел от счастья, встретив свою жену.

«Долго же ему придется ждать этого момента», — хотела съязвить Бет и не смогла. Ее словно парализовало, язык не слушался хозяйку, и не только он. Онемела спина, и стали ватными руки и ноги.

Торемка уже звонко щелкала ножницами, а посуровевший маг принялся сосредоточенно водить руками вдоль тела кадетки, и вслед за его движениями по ее коже бежала волна колючего тепла. Бет оставалось только смотреть в угол между потолком и окном и молить изменчивую удачу о милосердии.

— Ну вот и все, — чуть охрипшим голосом пробормотал маг, отходя к столу. — Теперь можешь ровно минуту смотреть в зеркало, потом пойдешь звать следующую. Только не нужно падать в обморок и рыдать от счастья.

— Уж постараюсь, — чувствуя, как возвращается к телу гибкость, выдохнула с неперегоревшей еще обидой Бет и рывком поднялась с кушетки.

В первый момент ее не насторожила необычная легкость, с какой она это проделала, спохватилась новоявленная герцогиня, лишь сделав несколько шагов. В последние годы Бетриссе не сразу удавалось разогнуть застуженную в дни невзгод поясницу, и первые шаги она обычно делала, преодолевая сверлящую боль. А вот теперь недуг, о котором она не говорила даже Тэри, так как старенький лекарь маркиза все болезни лечил травяными

отварами собственного приготовления, вдруг не напомнил о своем существовании. Впервые за пять лет Бет выпрямила спину и добежала до зеркала, не ощутив привычной ломоты. А оказавшись перед толстым, синеватым стеклом гномьей работы, на миг отшатнулась, не поверив своим глазам.

Мелькнуло подозрение, что хитрый маг создал иллюзию, но вовремя вспомнилось утверждение старой королевы, что иллюзорный образ видят все вокруг, кроме самого зачарованного. И не важно, куда смотреть, на него или на его отражение в зеркале.

Ровно минуту Бет потратила на пристальное изучение новой внешности, отмечая все малейшие тонкости, и к концу отпущенного срока ни на гран не сомневалась — дело, придуманное королевой для кадеток, легким никому из них не покажется. Слишком хорошо за него платят и самим светлостям, и мастерам, которым доверено их преобразование. Да и сами мастера непомерно хороши, от такого чуда, какое они сотворили с Бетриссой, не отказалась бы ни одна принцесса.

И даже о потерянных локонах, которые торемка аккуратно сложила в одну из шести стоящих в сторонке шкатулок, плакать больше не хотелось. Хотя и точило душу сожаление, однако справедливость требовала признать, насколько подходит Бетриссе новая прическа. Короткие, не длиннее пяти пальцев, слегка вьющиеся волосы свободно спадали на виски и лоб, делая помолодевшее лицо герцогини Лаверно еще более юным. А румянец, окрасивший ее округлившиеся и посвежевшие щеки, напомнил Бет те далекие времена, когда она еще была фрейлиной старой королевы и наивно верила в мужские клятвы, произнесенные дрожащим шепотом и с огнем во взоре.

Бетрисса оглянулась на наблюдавших за ней мастеров, секунду поколебалась, потом поклонилась так, как положено склоняться только перед королевой, и молча выскользнула из комнаты. Зачем им слова, если они и сами все понимают?

— Это просто невозможно, — хмурилась Августа, оглядывая сияющую Бет таким подозрительным взглядом, словно ожидала, что вот сейчас морок спадет и все убедятся в новом мошенничестве разбойника. — Ты представляешь, сколько стоит такое колдовство?

— Представляю, — кротко улыбнулась старшина, не желая омрачать ни свою радость, ни их надежды безрадостными выводами, сделанными три минуты назад. — Но не мне судить ее величество.

— И не нужно считать сундуки в подвалах королевского дворца, — поддержала ее Дора. — Нам остается лишь радоваться, что свои обещания Зантария оплачивает, не скупясь. И я готова делать все, что скажут, за возможность получить такую внешность.

— Боюсь представить, каких услуг могут потребовать за такую цену, — мрачней, выдохнула герцогиня Сарнская и шагнула к порогу: — Мне пора.

— Октябрина! — остановил ее вскрик умоляюще смотревшей маркизы Зайбер, замершей с молитвенно сложенными перед лицом ладошками, но герцогиня молча покачала головой и исчезла за дверью.

— Не обижайся, Кати, но она права, — мягко произнесла Тэрлина надувшей губы брюнетке. — Если бы было все равно, кому идти, нас не заставили бы написать заранее список. Не знаю, зачем он нужен, может, разбойник просто ищет повод выдать нам новое наказание, но рисковать не следует. Да и ждать тебе осталось недолго, Бет пробыла там всего полчаса.

— Кто-то говорил, что в нашем королевстве у магов из Дройвии быстро кончаются силы, — пробормотала Кателла и вдруг жарко покраснела. — Простите. Я понимаю, как это некрасиво, но никогда не умела терпеть.

— Зато ты проявила смелость, — мрачно утешила ее Дора, — и получишь свои зубы раньше нас. А вот я поосторожничала и за это наказана. Нужно верить своей королеве.

— Ну почему наказана? — обернулась от зеркала Бетрисса, — Просто подождешь немного более других и успеешь продумать, чего попросить. Я там так растерялась, только и сумела сказать: «Морщинки и талия». А маг силен, я разных видела, когда служила покойной королеве. Сами понимаете, лечить ее величество приглашали самых лучших. А этот, как мне кажется, шутя заткнул бы всех за пояс. Он ведь излечил мне все старые болячки, прострел уже лет восемь как мучил. И очень верно сказала сейчас Октябрина — задаром такие подарки бедным бесприданницам, даже очень знатным, никто делать не будет. Потому-то с сегодняшнего дня я намереваюсь стать самой прилежной ученицей, и если разбойник прикажет целыми днями таскать на стены камни — буду таскать и слова не скажу. И все остальное тоже... не люблю оставаться в долгу. А кроме того, уже почти не сомневаюсь, что однажды эти навыки нам очень пригодятся.

— Бет, — задумчиво глянула на нее Тэрлина, — мы тут пытались угадать, где будем работать, и решили, что в летнем дворце, встречать важных гостей из Торема и Ардага. А как ты думаешь?

— Пока сомневаюсь. Для встречи гостей у ее величества достаточно гвардейцев, преданных слуг и шпионов. И среди этих шпионов есть довольно красивые женщины, умеющие делать из мужчин ручных котят. В постели, разумеется. Вас, да и меня, на такое не пошлют, вспомните пункт пятый — до истечения трех лет не заводить ни любовников, ни женихов, ни поклонников.

— А как же твой муж?

— Ты же слышала, встретиться с ним мне суждено только через три года. Но я и не расстраиваюсь, судя по сплетням, у него довольно скверный характер. А вот этот срок — три года, интригует меня сильнее всего. Какое такое событие должно случиться через три года, после которого мы сможем идти куда хотим?

— Через три года? — задумалась Августа. — Три года... три года... что-то крутится в голове... нет, не могу ничего припомнить, кроме совершеннолетия и коронации принца Альреда.

— Фьють! — невольно присвистнула Тэрлина. — Вот оно! Ничего больше придумывать не нужно. По слухам, лорды восточного побережья, те, чьи симпатии были на стороне Донгера, не хотят старшего принца в короли. Будто характер у него слишком легкомысленный, и боевым наукам он учиться не желает. Они ратуют за Фангерта.

— Да, я тоже это слышала, — кивнула Дора. — Так вы считаете, что нас отправят охранять принца? Неужели у него мало преданных телохранителей и друзей?

— Ему сейчас семнадцать, — усмехнулась Августа. — Как говорит наша маменька, самый сумасшедший возраст у подростков. Любая птичница может свести с ума.

— Так ты думаешь, это мы должны будем сводить его с ума? — недоверчиво нахмурилась Тэрлина.

— А я не против, — мечтательно проворковала Кателла. — Он довольно смазливый!

— И давно обручен с княжной Вартелли, — напомнила Бетрисса. — Она богата, красива и младше его на два года. Говорят, Альред чуть ли не каждый день шлет ей письма со стихами. Нет, ради того чтобы его очаровать, королева не стала бы придумывать училище кадеток и окружать его такой тайной. Кроме того, снова пункт пятый.

— Ты меня успокоила, — пошутила Тэри и серьезно добавила: — Но вот будущая работа тревожит все сильнее. И я с тобой абсолютно согласна, нужно постараться научиться всему, чему нас будут учить. Но все равно, знать, к чему надо готовиться, хотелось бы загодя. Иначе за эти два месяца изведемся жуткими подозрениями, будем от всего шаррахаться, как пуганые вороны. Помнишь, Бет, того воришку?

— Как не помнить, — усмехнулась ее наставница. — Целый месяц весь замок спал вполуха и с накрепко запертыми дверьми. Я так еще и кочергу рядом клала.

— А я папенькин кинжал из гостиной притащила, — Тэри тихонько засмеялась, — и каждый вечер училась им колоть невидимого врага. А когда увидела этого бродягу, сразу поняла, что зря тратила время. Поднять на него оружие я никогда бы не смогла.

— Такой жуткий был? — Глаза Кателлы, слушавшей их затаив дыхание, распахнулись еще шире в предвкушении ужасающих подробностей.

— Не столько страшный, сколько грязный и запуганный. В дом он попал довольно просто, приехал вместе с селянами, возившими дрова, напросился помогать, а потом спрятался в нише. А ночью собрал все, что казалось ему ценным, и потащил к выходу, но уйти не смог. Замки у нас гномьи, с секретами, и ему не поддались. А потом кухарка его спугнула, он и побежал к лестнице в подвал, а оттуда пробрался в единственный открытый вход в лабиринт. Воришка откуда-то слышал про подземные ходы замка Ульгер и надеялся уйти по ним. Но заблудился и блуждал в поисках потайного хода наружу несколько дней, не зная, что все выходы из подземелья ради безопасности давно замурованы. Но он не сдавался, вот и простучивал стены, пытаясь найти секрет запора. А по ночам иногда возвращался в подвал, набирал еды и вина, но вскоре кухарка заметила беспорядок и доложила папеньке. Он караулил три ночи — оказывается, в этот раз воришка в поисках выхода забрел слишком далеко и только чудом нашел дорогу назад.

— Вы его повесили? — нахмурилась Августа.

— Нет, ему и так хватило возмездия. Еще молодой мужик вылез оттуда полуседым зайкой. Когда его связывали, сам руки протянул и все бормотал что-то про привидений и светящихся пауков.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой смешаны неотделимо радостные и печальные

перемены в жизни бывших бесприданниц

— Кателла, — негромко позвали от двери. — Иди.

Пять девичьих голов резко повернулись в ту сторону, взметнулись, словно подхваченные ветром, распущенные локоны. Несколько мгновений в комнате властвовала полная тишина, которую никто из ошеломленных кадеток не решался прервать.

— Ну как? — не выдержав этой пытки, непривычно робко спросила Октябрина. — Я не пойму...

— Бесподобно, — выдохнула Бетрисса. — Ты прости меня за прямоту, но такого я даже не ожидала. Как будто даже ростом ниже стала... но вообще — красавица.

И она ни на гран не слукавила. Герцогиня Сарнская стала очаровательной, и тем не менее ни у кого не возникло бы сомнений в ее подлинности. Рост уменьшился совсем чуточку, зато исчезла сухопарость и угловатость фигуры, мягко округлились бедра и плечи, руки обрели плавные и изящные линии. Но самые поразительные перемены произошли с лицом Октябрины. Маг вернул его чертам прелестную юношескую припухлость, добавил густоты ресницам и бровям и поменял их соломенный цвет на каштановый. Голубые глаза стали больше и темнее, но самое главное — из них исчезла усталая безнадежность непоправимо старой девы. А сияние белокурого венка коротких, но пышных волос добавило новому облику герцогини легкости и задора.

— Я тоже не ожидала, — облегченно вздохнув, призналась Октябрина и направилась к зеркалу. — Он говорит, смотри и радуйся, только в обморок не падай... а я гляжу и не понимаю, почему я должна падать в обморок, если там отражается какая-то чужая девица?

— Маменька точно упала бы... от счастья, — невпопад проговорила Августа и глянула на маркизу Зайбер: — А ты почему еще тут? Думаешь, у нас так много терпения?

— Я боюсь... — Кателла бросила тревожный взгляд на новых подруг и нехотя призналась: — А вдруг я не стану такой же красивой?

— Так ведь тебе же вовсе не красота нужна? — притворно удивилась Дора. — А только ровные зубы?

— Не волнуйся, — ободряюще улыбнулась Октябрина маркизе Зайбер. — Даже если ты ничего не попросишь, они все равно сделают тебя хорошенькой. Как я начинаю подозревать все сильнее, эта красота нужна не столько нам самим, сколько ее величеству, и наверняка является важным условием ее тайного плана. А теперь беги быстрее, Тэрлина не меньше твоего хочет увидеть в зеркале красавицу.

Кателла кинула беглый взгляд на гордо выпирающий нос маркизы Ульгер и, не произнеся больше ни слова, покорно отправилась навстречу мечте. Тэри проводила ее невеселой усмешкой и подавила несчастный вздох. Святая правда, ей даже снилось иногда, как она подходит к зеркалу и видит — носа у нее больше нет. Но тут же понимает, что его нет вообще. Никакого. Сердце замирает от ужаса, когда девушка начинает осознавать, какая страшная утрата ее постигла. Ей хочется заплакать, закричать, но вслед за носом с лица исчезают и рот, потом глаза, брови...

Маркиза стиснула губы и постаралась выкинуть из памяти это видение, бывшее почему-то необычайно живым и ярким по сравнению с остальными ее снами, забывающимися через минуту после пробуждения. Оглянулась на подруг, занятых изучением причесок преобразенных кадеток, и отметила про себя, как сильно ошибалась раньше, искренне считая длину и пышность локонов самым важным украшением всех девушек. Бет и Октябрина стали невероятно хорошенькими с новыми прическами, схожими лишь в одном — ни один волосок не спадал ниже шеи.

Тэри пока не представляла, как такая стрижка будет смотреться на ее собственной голове, но это девушку не очень-то и волновало. Беспокоило совершенно другое: пояснение подруги, что от растерянности она не смогла даже поторговаться. А ведь в замке Ульгер всем известно умение ее наставницы быстро разбираться в любой ситуации и из всего извлекать если не

выгоду, то опыт. Да и герцогиня Сарнская, судя по всему, так и не сумела четко высказать магу свои просьбы. Выходит, обещание желаний, которые якобы можно выбрать по своему усмотрению, — просто ловкий обман, выдающий тайные мечты девушек за осознанные ими пожелания.

Кателлу принес разбойник. Молча прошел к диванчику, уложил на него бездвижную девушку и так же молча вышел, оставив в комнате следовавшую за ним домоправительницу.

— Я посижу возле нее, — неизвестно кому сообщила Фанья, опускаясь на край дивана и ставя на ближайший столик хрустальный стакан с каким-то отваром. — Кто следующий? Кадетка Тэрлина? Иди, тебя ждут.

Тэри дернулась, шокированная непривычным обращением, но тотчас взяла себя в руки и послушно поднялась с кресла. А проходя мимо дивана, на миг остановилась, всмотрелась в бледное, но хорошенькое личико кудрявой, как овечка, брюнетки и коротко кивнула самой себе. Так и есть, принцу или гостям Тальзии отныне не придет в голову отворачиваться с кислым видом, встречаясь с королевскими фрейлинами. Ну а ее величество получит неподдельную благодарность и преданность не только самих бесприданниц, но и их родителей, домочадцев, слуг и подданных.

Дверь в соседнюю комнату Тэри открыла чересчур резко, пряча за показной дерзостью тревогу и тоску, охватывающие ее все сильнее. И едва войдя, сцепила задрожавшие пальцы и с вызовом уставилась на мага, сидевшего у небольшого столика.

— У меня одно желание, и, кроме него, мне ничего не нужно.

— Понимаю, — проникновенно, как добрый волшебник, улыбнулся он, и внезапно Тэрлину охватило странное спокойствие. — Другой носик. Сейчас сделаем, устраивайся вот здесь.

— Нет, — тихо пробормотала Тэри, всеми силами стараясь вырваться из пут липкой, как паутина, неуверенности, непонятно почему вдруг сковавшей ее душу. — Не надо мне нос. И вообще, чем ты меня околдовал? Этого не было в договоре... я против!

С каждым словом говорить становилось все легче, и уже через минуту сверкавшая возмущенным взглядом маркиза могла смотреть в усталое лицо мага абсолютно свободно.

— Зачем спорим, милая? — Невысокая улыбчивая торемка мягко, но настойчиво потянула Тэрлину к кушетке. — Скоро будешь совсем красавис!

— Не хочу, — рванулась в сторону кадетка. — У меня особое желание.

— Так чего же ты хочешь? — снова шлепнулся на стул маг и подтянул к себе стакан. — Я весь внимание.

— Сюзи... сестренка... — Волнение на миг перехватило горло девушки, и она вскинула голову выше, торопясь с ним справиться. — Она хромая... никто не смог помочь. Ей всего четырнадцать, и раньше она обожала танцевать... а ты очень сильный маг...

— Но она в замке Ульгер, а я здесь, — сухо напомнил Годренс, стараясь не морщиться от бьющего в виски чужого безнадежного отчаяния. — И не знаю, скоро ли туда попаду. Да и ваши желания я взялся выполнять только в этом месте.

— Но ведь это должно быть именно мое желание, — с упрямством обреченного все тише возражала Тэри. — А я хочу здоровья Сюзи!

— Не стоит зря спорить, — веско заявил граф Дирард Шаграйн, внезапно возникший в проеме двери, ведущей в соседнюю комнату. — Королева приказала исполнить заветные желания кадеток, а воля ее величества для нас закон. Всем девушкам положено по два небольших желания, и как раз в этом случае высказанная кадеткой просьба и ее тайная мечта укладываются в установленные ее величеством пределы. Только с исполнением главного желания придется немного подождать, в ближайшие дни маг должен будет отдохнуть. Начинай, Год.

По обыкновению резко развернулся и ушел туда же, откуда возник так неожиданно, породив в душе Тэри подозрение, не следит ли он исподтишка за всем происходящим в соседних комнатах.

Короткого движения пальцами, тайком сделанного магом в ее сторону, Тэрлина не заметила, ощутила лишь, как покидает ее смятение и недоверие, словно и в самом деле сваливается с души куча тяжелых камней. А вместе с ними пропала и смутная вина за свою настойчивость, хотя пустословной бузотеркой Тэрлина никогда не была, а если и спорила, то лишь в тех случаях, когда твердо верила в собственную правоту.

Все последующие действия мага и торемки маркиза восприняла с безучастием статуи, ничуть не сомневаясь в искусности мастеров и в их желании угодить наказам ее величества. А получив разрешение встать и посмотреть в зеркало, учтиво улыбнулась потрудившимся над ее внешностью людям и с очаровательной улыбкой объявила, что и без всяких проверок совершенно уверена в чуде, которое они сотворили. И потому выражает им свою глубочайшую признательность.

Ослепительно улыбнулась еще раз и ушла, не бросив даже мимолетного взгляда в сторону зеркала, стоящего в простенке между окон.

— Ну и выдержка, — уважительно пробормотал маг, поспешно хватаясь за коробочку с накопителями.

В нишей на магическую энергию Тальзии камни уходили, просто как вода сквозь сито. Спасало лишь особое свойство этого места, тайну которого могли ощутить только одаренные.

— Ильяса, — стремительной тенью скользнул в комнату Дирард, — погоди, не запирай ее шкатулку. Дай мне одну прядь.

Торемка молча исполнила его просьбу, затем захлопнула магический замочек, стараясь не замечать мелькнувшего во взгляде мужчины сожаления.

— Что ты будешь с ней делать? — хмуро поинтересовался Годренс, потягивая бодрящий отвар, куда добавил несколько капель какого-то зелья из фиала темного стекла.

— Отдам тебе... попозже, когда ты полностью восстановишь силы, — прозрачно намекнул граф, аккуратно заворачивая добычу в платочек. — Ну, удачи вам. Сюда идет следующая пациентка.

И снова исчез за дверью в соседнюю комнату, не желая тревожить своим присутствием кадеток, с неизменным упорством дружно величавших его разбойником.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

полная приятных сюрпризов,
неожиданных откровений и открытий,
несущих девушкам новые заботы и разочарования

— Все герцоги и принцы будут твоими, — без обиняков постановила Дора, рассмотрев преобразившуюся маркизу Дарве Ульгер.

— Зачем они мне теперь? — пожала плечиками Тэри, направляясь к зеркалу.

Хочешь не хочешь, а изучить свою новую внешность придется. Хотя бы для того, чтобы не здороваться с собственным отражением, случайно заметив его в одном из высоких зеркал нижнего зала.

Возле синеватого стекла маркиза на несколько секунд озадаченно замерла, только теперь со всей полнотой осознав, как справедливы были слова благодарности, сказанные ею магу. Уменьшившийся едва ли не вдвое фамильный нос выпустил на свободу, словно волшебный занавес, все те черты девичьего лица, которые до сего момента скрывались в его тени. В больших серо-зеленых глазах появились глубина и загадочность, губы стали ярче и пухлее, а уложенные надо лбом косой волной шелковистые каштановые волосы казалась изящной норковой шляпкой, оттеняющей белизну кожи.

Тэрлина поймала в зеркале отражение недоверия, застывшего на круглощечком лице стоящей рядом княжны, и нехотя пояснила:

— Ну посуди сама, за последние полчаса я сама не стала лучше или хуже ни на гран. Изменился только мой нос. И если герцоги и принцы начнут теперь оказывать мне знаки внимания, то получается, самым главным во мне являлся именно он? Не были важны ни знатность старинного рода, ни воспитание, ни глаза, волосы или фигура. И даже характер и привычки ни для кого не имели никакого значения. Только нос! Как я теперь начинаю понимать, мне его благодарить нужно — за проверку. Ведь иначе я бы уже давно сделала непоправимую ошибку. Всем известно, ради своей цели мужчины могут завалить девушку комплиментами, букетами и красивыми словами.

— Просто он пока не встретился тебе, тот, кто смог бы разглядеть тебя, а не маленькую оплошку природы, — вздохнула Бетрисса, искренне ненавидевшая всех посещавших замок Ульгер женихов, не рассмотревших за носом воспитанницы саму Тэрлину.

— А теперь уже может и не встретиться, — язвительно пробормотала Октябрина и оглянулась на зеркало. — Нам придется накрепко запомнить, что все те, кто теперь начнет виться вокруг наших юбок, еще вчера прошли бы мимо с кривыми ухмылками.

— Вот именно, — возвращаясь в свое кресло, кивнула Тэри. — Гостившие у нас в замке господа наивно считали, будто я не замечаю разочарования, вспыхивающего в их глазах при моем появлении, и не понимаю их переглядываний и многозначительных жестов. А еще они не знают, что я отлично помню их имена и физиономии.

— Я тоже всех помню, — тихо пробормотала хорошенькая, словно куколка, Кателла, получившая вдобавок к кудряшкам удлинённый, как у олененка, разрез больших карих глаз, — и никому не прощу прошлого унижения. Ведь я на каждом балу и приеме старалась... даже вспомнить неприятно... быть самой милой и веселой среди девушек. Но когда начинались

танцы, меня приглашали только старые и толстые вдовцы, а все самые завидные кавалеры проходили мимо. Вам всем известна горечь этой обиды.

— Ну разумеется, — жестко усмехнулась Октябрина. — И больно было не столько за себя, сколько за матушку. Она тратила столько сил и здоровья, готова нам одежду, обувь и украшения к этим выездам, что все мы мечтали отлынуть любым способом. Изображали хромых и больных, а для достоверности пили зелья и мазали лица всякой дрянью ради появления сыпи или небольших волдырей. Марта однажды додумалась натереть щеки жгучим перцем, и пришлось вызывать лекаря. А потом у нее полгода облезала кожа, и все лицо было в розовых пятнах. Вы не представляете, как мы ей завидовали.

— А вот и я, — возвестила появившаяся в дверях Августа, одной рукой стянула балахонистое одеяние на спине, подчеркивая тонкую талию и высокую роскошную грудь, и гордо задрала вверх носик. — Потребовала все, о чем мечтала, — раз все равно придется отрабатывать, то нечего стесняться.

Тэрлина хотела было сказать, что и она торговалась, как кухарка на ярмарке, но в последний момент прикусила язык. Не настолько она верила слову разбойника, чтобы начинать хвастаться заранее. Вот получит Сюзи обещанное — тогда будет видно.

— Пошла я, — поднимаясь с кресла, доложила Дора неожиданно дрогнувшим голосом и на миг сбилась с шагу, услышав в ответ дружное:

— Удачи!

После того как скрылся за дверью пышный шлейф золотых волос княжны, девушки почему-то примолкли, видимо, сказывались усталость и нервное напряжение. Рассеянно листала книжку Бетрисса, задумчиво изучала себя в зеркале Кателла, о чем-то своем шептались сестры Сарнские.

Тэрлина стояла у окна, рассматривала через решетку серые плиты двора и пыталась вообразить, как воспримут в родном замке выздоровление Сюзи. Но у нее ничего не получалась: лицо матери привычно кривила обреченная полуулыбка, а сама Сюзи смотрела жалобно, как в тот день, когда Тэри собиралась в столицу.

Маркиза подавила огорченный вздох и вернулась в свое кресло.

— Я бы уже что-нибудь съела, — откладывая книгу, мельком глянула на нее Бет. — Кто из вас догадался, для чего тут лежат фолианты с описаниями способов охоты, рыбной ловли и разных видов оружия?

— Я пока могу сказать только одно, — оглянулась Августа. — Просто так разбойник ничего не делает. Похоже, нам придется сопровождать королеву или принца на охоту и турниры, и мы должны разбираться в тонкостях этих развлечений.

— Про охоту мой старший брат нам все уши прожужжал, да и всяческие поединки — тоже его любимое развлечение, — сообщила Тэри и задумалась. — Но дамы, насколько я помню, присутствуют там только в качестве украшения. Как бантик на подарке.

— Мы не дамы, а кадетки, — напомнила Бетрисса и снова вздохнула: — А есть все же хочется. Может, попросить Фанью принести по пирожку?

— Она принесет... с зелеными червями! — непримиримо фыркнула Кателла.

— То были гусеницы-медовки, — отмахнулась Бет. — Я после вспомнила. Они очень сладкие, и богатые торемки их просто обожают. И едят именно живыми — уснув, гусеницы быстро прокисают.

— Фу, какая гадость, — передернула плечами брюнетка. — Не стану их есть, даже если буду умирать от голода.

— Да никто тебя и не заставляет, — успокоила ее Октябрина. — Думаю, нас просто приучают не визжать и не убегать, если на столе окажется подобное живое угощение. И это значит, нам все же придется встречаться с гостями из-за Восточного хребта.

Кадетки снова притихли, задумавшись, и только звук открывшейся двери заставил их встрепенуться.

Девушка, стоявшая на пороге, несомненно, была Дорой, и едва ли она изменилась сильнее остальных. Но тем не менее стала почти неузнаваемой. Пропала, стаяла, как ранний снег, пухлость щек и фигурки, и проявившиеся черты оказались яркими и обаятельными. А золотая корона крупных, слегка вьющихся локонов добавила облику княжны горделивости и вместе с тем грациозности.

— Красавица! — восхитилась Бетрисса и тут же погрозила Доре пальцем: — И не смей теперь даже вспоминать своего охотника за приданым! Он и раньше мизинца твоего не стоил, а теперь и целовать ступени, по которым пройдешь, не имеет права.

Девушки осыпали цветущую смущенными улыбками Дору комплиментами, но долго восхищаться подругой им не дал возникший в проеме разбойник. Как всегда решительно вошел в комнату, оглядел кадеток и сухо объявил:

— Согласно седьмому пункту ваших контрактов все вы получили оговоренный соглашением задаток в виде исполнения заветных желаний. С этого момента договор считается вступившим в силу и расторжению по вашему требованию не подлежит. Одновременно закончился ознакомительный этап, и отныне вы будете заниматься подготовкой к заданию с раннего утра и до отбоя. Чтобы избежать всяческих вымыслов, я намерен пояснить, почему было принято решение остричь ваши косы. Причин несколько, и пока я назову не все. Попробуйте догадаться сами, такие загадки помогают развивать сообразительность, а в вашей работе это одно из главных умений. Сейчас вам довольно и двух причин, и первая — нехватка времени. Вам нужно научиться очень многому: бегу, борьбе, плаванию и прочим важным для кадеток умениям. После таких занятий положено купаться, а сушка и расчесывание длинных волос — нелегкий труд и отнимает время у отдыха. Второй повод — неудобство. Во время тренировок и учебного боя косы будут мешать, они могут распуститься или зацепиться, и ловкий противник обязательно сделает их своим орудием. На сегодня объяснений достаточно, по расписанию через полчаса у вас вечерние занятия. Старшина! Веди группу на полдник, потом жду вас в тренировочном зале. Дорогу покажет Фанья.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой на долю Тэрлины выпадает таинственное

и необъяснимое происшествие

Домоправительница пришла в столовую со стопкой серых косынок, выдала их Бетриссе и, взяв одну, повернулась к кадеткам боком:

— На занятия борьбой и тренировки повязывайте голову вот таким способом.

Низко надвинула косынку на лицо, завязала концы на затылке и потянула за уголок назад, так что ее лоб оказался плотно обтянут тканью.

Проверила, как справились с этой задачей девушки, помогла Доре спрятать пышные локоны и повела группу в подвал. До этого момента никто из девушек даже не догадывался, что одна из дверей нижнего этажа ведет не в кабинет или гостиную, а на лестницу, круто уходящую вниз.

Зал, куда они попали, освещали лишь редко висящие по стенам колбы с ведьминым мхом, пол густо устилала свежие опилки, а в центре высилось сразу же привлекающее внимание девушек странное сооружение. Громоздкое и изящное одновременно, оно было похоже на причудливо оплетенный гигантскими лианами громадный пень, источенный такими же огромными жучками.

— Чувствую себя так, словно разом стала маленькой, как мышка, — рассматривая это невероятное устройство, пробормотала Бетрисса.

— Это старинный тренажер, — коротко пояснил вышедший из тени разбойник, и девушки онемели от его вида.

Сейчас граф Дирард Шаграйн, их главный наставник и комендант этого замка, был одет в точно такой же костюм, как и кадетки, даже голову повязал косынкой одинаково с ними. Вот только штаны сидели на нем как-то особенно ладно, словно шил их лучший портной, да туника была на ладонь короче женской.

— Вас выбрали, — строго глянул разбойник, подождав, пока его подопечные немного придут в себя, — по многим причинам, и думаю, ее величество это уже пояснила.

— Мы не отказались бы услышать еще раз и поподробнее, — не смолчала Октябрина.

— Хорошо, только коротко, — хмуро глянул на нее комендант. — Главным было знатное происхождение, к девушкам вашего круга в обществе особое отношение. Затем возраст, слишком юным светлостям свойственны наивность и доверчивость. Третьим условием была бедность ваших семей. Эту причину вы и сами могли бы угадать. Ну и последнее — качества характера. Здесь на первое место ставились честность, преданность, сообразительность и упорство. А теперь о тренировках. Самый большой ваш недостаток — это неумение защищать самих себя. Только не думайте, будто в защите самое главное — быстро махать кулаками и оружием. Порой гораздо важнее вовремя смолчать, иногда — просто сбежать или спрятаться. Но во всех этих случаях необходимы выносливость, ловкость и сила. Именно их вы и будете тренировать. Вот это сооружение — лабиринт, в котором сейчас открыт только один вход и один выход. Но есть и подсказки, маленькие оконца, через которые можно проверить, где находишься. Вы отправитесь туда друг за другом с разницей в пять минут, и надеюсь, к ужину все вернетесь назад. Итак, кто первый?

— А что там внутри? — засомневалась Августа. — Какие-нибудь ловушки или гадости есть?

— Пока нет, сегодня в нем закрыта половина проходов, — ехидно ухмыльнулся разбойник и, миг убрав с лица улыбку, сухо скомандовал: — А теперь иди.

— Слушаюсь, — дерзко усмехнулась в ответ герцогиня и направилась к округлой дверце, похожей на вход в жилище гнома.

— Старшина, уточни, кто за кем пойдет, и доложи Фанье, — приказал Бетриссе комендант и строго глянул на кадеток: — Те трое, кто по списку будут последними, за это время сходят в тот конец зала и осмотрят остальные тренажеры. Этот здесь не единственный.

— Последние Октябрина, Дора и Кати, — взглянув на подруг, назвала Бетрисса, и они послушно отправились на разведку.

Общество разбойника девушек порядком настораживало, они подсознательно не ожидали от него ничего хорошего.

— Следующая, — подождав в полном молчании пять минут и сверившись с висящими на стене часами гномьей работы, кивнул комендант Бетриссе, и старшина, бросив воспитаннице настороженный взгляд, почти бегом направилась к входу.

— Почему ты не сказала подругам про сестру? — подождав, пока за ней захлопнется дверца, тихо осведомился разбойник.

— Примета такая — ничего наперед не загадывать, особенно в важных делах, — неохотно пробормотала не любившая оправдываться Тэри. — Да и маг ведь туда не скоро доедет?

— Добираться-то ему быстро, — загадочно обронил комендант, глянул на девушку с неожиданным сомнением, словно о чем-то сожалел, и вдруг достал из-за пазухи висевшую на цепочке тонкую монетку, самую мелкую из славного семейства серебрушек. — Угадай, где я ее взял?

Подождал, наблюдая за нахмурившимся девичьим лицом, оглянулся на неумолимые стрелки гномьих часов и спрятал разочарованный вздох:

— Тебе пора, иди.

Тэрлина растерянно кивнула и побежала к округлой дверце, почему-то чувствуя себя обманутой.

Створка захлопнулась за ней с сухим шелестом, равнодушно предупреждая отсутствием всяких ручек и щелей о невозможности вернуться этим путем, и ее светлость немедленно забыла о заданной разбойником загадке, думая лишь о том, сумеет ли пройти этот лабиринт и не задержать подруг.

Первые шаги Тэри делала опасливо, предварительно носком ботинка прощупывая перед собой пол. Где-то в глубине души ей хотелось верить словам коменданта о запертых ловушках, но девушка уже успела убедиться в его хитрости и коварстве. Оттого и предпочитала не торопиться. Лучше оказаться слишком подозрительной, чем вляпаться в какую-нибудь мерзкую ловушку. Если у графа так много редких гусениц и червяков, что может помешать ему рассыпать всю эту гадость по уголкам лабиринта?

К счастью, здесь не было той полной темноты, какую крайне не любила маркиза Дарве Ульгер. Кое-где в верхней части узкого округлого прохода тускло светились небольшие пятна, похожие на очень короткий мох или плесень. А вот понять, из чего сооружен этот тренажер, ее светлости так и не удалось. Вроде бы стены и потолок похожи на деревянные, однако слишком кривые и шишковатые, словно их никогда не касался инструмент плотника. Но на выточенные из камня или ракушечника гроты, галереи и беседки, которые ей доводилось видеть в садах подруг и дальних родственников, тем более не похоже, абсолютно не ощущается присущей камням прохлады, когда нечаянно касаешься ладонью стенок. Наоборот, на ощупь их

поверхность приятно бархатистая и почти теплая.

«И придумал же, как назвать трухлявый пенек, пронизанный ходами», — сердито сопела Тэри, протискиваясь через следующую, еще более узкую дверку. Полагает, будто его знатные ученицы никогда не видели настоящих устройств для тренировок! Как бы не так, в оружейном зале замка Ульгер стоит не менее десятка тренажеров, и ни один ничем не походит на этот муравейник. Там все просто и понятно: бревна, стенки, ремни, цени и мешки с песком. А тут чем дальше, тем хуже.

Девушка застыла в раздумье перед двумя совершенно одинаковыми дверками, потом осторожно пнула левую. Та немедленно сдвинулась в сторону. Тэри пнула правую. Теперь открылась, плавно, но медленно уйдя в стенку, и она, зато за это время закрылась первая. Ее светлость нахмурилась и пнула левую дверку посильнее, однако та явно больше не собиралась сдвигаться с места.

Маркиза перевела взгляд на правую и озадаченно нахмурилась, обнаружив, что теперь задвинулась и эта. Стараясь не поддаваться отчаянию, Тэри по очереди попинала дверки, но их заклинило намертво, видимо, либо сломались пружины гномьего механизма, либо иссякла магия в отпирающем амулете. Кадетке очень слабо верилось в желание Годренса тратить тут драгоценную энергию, но нужно же было как-то объяснить себе странное своеволие здешних дверей?

Она развернулась и направилась назад, с опаской припоминая слова разбойника — вход один и выход тоже. Значило ли это, что возвращаться нельзя даже на несколько шагов? В этом Тэри пока сомневалась, правда, недолго.

Дверь, несколько минут назад легко пропустившая ее в этот отводок тоннеля, теперь была несокрушима, как скала.

Душу девушки обдало холодком, а лоб и ладони мгновенно покрылись испариной. Вот такой подлости от этого пенька она и близко не ожидала. Тэри замерла на месте, припоминая все слова коменданта, и вдруг вспомнила про оконца, через которые он разрешил выглядывать из лабиринта. Может быть, через них получится позвать на помощь?

Торопливо оглядевшись, ее светлость снова не сдержала удрученного вздоха: если оконца и были, то где-то в другой части тоннеля. Отвернувшись от не выпустившей ее дверцы, Тэри снова пошла вперед, едва сдерживая все растущее в душе отчаяние.

Вот зачем она пинала двери, разве не могла сразу пойти туда, куда пускали? И что с ней будет, если она так и не сумеет выйти?

Не пожалеет ли разбойник, что приказал магу вылечить Сюзи? Возможно, заберет свое обещание, ведь вряд ли королева разрешит выполнять желания кадеток, не справляющихся с заданиями наставника. Тэри вдруг припомнилось его хмурое лицо, и невынутой занозой кольнул полузабытый вопрос, где же он все-таки взял ту монетку и почему носит на шее. Заговоренная она у него или просто память о чем-то?

Занятая своими размышлениями, Тэрлина рассмотрела строптивые двери, лишь оказавшись перед ними, и встревоженно замерла, не поверив своим глазам. Корявые створки по-прежнему оставались закрытыми, но теперь их стало три.

Новая, чуть более узкая и низкая дверка появилась на боковой стене, однако открыла ее Тэри

не сразу. Сначала подергала первые две, убедилась в их незыблемости, с досадой вздохнула и протиснулась в непонятно откуда взявшуюся третью, ведущую в значительно более тесный проход, чем прежний. Здесь кадетка могла двигаться, лишь сильно пригнувшись и временами касаясь плечами стен. Зато светильников стало больше, и девушка имела возможность заранее рассмотреть каждый поворот тоннеля. Первое время ей казалось, будто он сворачивает все время в одну сторону, однако вскоре Тэри вынуждена была признать свою ошибку.

Повороты сменялись без какого-либо признака очередности, то уведя ее пять раз вправо, а затем тоннель мог три раза свернуть налево. В некоторых местах потолок опускался так низко, что приходилось чуть ли не ползти, в других — тоннель резко спускался вниз или вел вверх.

Очень скоро Тэрлина перестала понимать, где находится, просто упорно двигалась вперед, радуясь единственному обстоятельству: больше никаких дверей на ее пути не было. Хотя не появлялось и обещанных окон, даже намек на них не встретилось. Не имела она никакого представления и о том, сколько прошло времени и где находятся ее подруги. Перед началом этого испытания Тэрлину волновало, как они вшестером поместятся внутри гигантского пенька и не столкнутся ли в одном из тупиков, но теперь она начала догадываться, насколько на самом деле необычен этот тренажер.

Из-за стен не доносилось никаких звуков, ни шорохов, ни голосов или скрипа открывающихся дверок. Тэри словно странным образом оказалась в одиночку где-то очень далеко от горного замка, и на нее все чаще накатывали короткие приступы отчаяния. После них девушка пробиралась дальше еще упорнее, пытаясь добраться хоть до оконца, пока не впала в полное безразличие или истерику.

Ход к этому времени стал похож на нору небольшого зверя, и кадетка ползла, извиваясь, как змея, и приподнимая голову только для того, чтобы глянуть вперед. Странные светильники в этом месте тоже измельчали и теперь больше походили на крупные пуговицы, чем на блюдца. И света давали совсем немного. Однако глаза уже привыкли к полумраку, впрочем, и рассматривать тут было нечего.

Поэтому узкое отверстие, залитое маняще-ярким светом, девушка заметила еще за несколько шагов и устремилась к нему из последних сил. Ей очень хотелось, чтобы это было оконце, но дыра оказалась всего лишь лазом в более просторный проход. С трудом протиснувшись сквозь невероятно тесное отверстие, кадетка очутилась в широком и высоком проходе, всего в одном шаге от овальной, надежной на вид двери.

Створка была тут всего одна, и торопливо поднывавшаяся с пола Тэри бросилась к ней, но, уже прикоснувшись рукой, почему-то оглянулась назад. Дыра, в которую она вылезла всего несколько секунд назад, уменьшалась на глазах, и через пару мгновений бесследно исчезла.

Получив весомое подтверждение зародившимся подозрениям, маркиза крепче сжала губы и решительно толкнула дверь. А уже в следующий момент, обнаружив перед собой колонны и каменные своды просторного тренировочного зала, озадаченно застыла ледяной статуей, лишь теперь начиная понимать, насколько несложным оказалось пройденное ею испытание.

— Молодец, пришла первой. Теперь иди к Фанье, — суховато похвалил возникший рядом комендант, и Тэрлине почему-то слышалось изумление в его уверенном голосе.

Девушка бросила быстрый взгляд на невозмутимое лицо разбойника, рассмотрела загадочно прищуренные желтовато-карие глаза, кривящую губы усмешку и рассердилась на саму себя. Вот почему она все время пытается найти в людях те качества и чувства, которых там никогда

не было?

— Слушаюсь, — холодно отозвалась кадетка, дерзко усмехнулась и резко свернула в сторону длинной скамьи, где сидела перед невесть откуда взявшимся столиком домоправительница.

— Ты молодец. — Улыбка Фаньи была по-настоящему теплой, и непонятная обида, вскипевшая в душе Тэри, начала понемногу таять. — Чего хочешь вначале, выпить чаю или умыться? Здесь хорошая умывальня, с горячей водой, но ты пока не купайся. Немного отдохнешь, и пойдём к тренажерам, проверять, какой из них тебе нужнее.

— А как это проверяют? — бдительно уставилась на домоправительницу кадетка, не желая упустить удобный момент и выяснить хоть немного больше о предстоящем задании. — И зачем нам эти проверки? Разве мы будем работать не во дворце?

— Мы будем работать везде, — мягко подчеркнула женщина, подвинув к Тэри стакан с чаем. — Невозможно заранее предположить, где подстерегает нас опасность. А королева желает, чтобы никто из вас не пострадал, думаю, ты и сама можешь сказать, по каким причинам. Поэтому готовиться нужно к любым случайностям. И особенно натренировать те умения, каких у вас пока нет. Вот тебе, например, нужно научиться плавать.

— Я хорошо плаваю, — покраснев, обиженно буркнула Тэри. — Просто не ожидала оказаться в воде и ничего не знала про магические пути. Мне в тот момент вообще казалось, будто над нами проводят ритуал жертвоприношения.

Неподалеку послышался странный звук, словно скрипнула старая дверь, и Тэри молниеносно оглянулась в надежде увидеть вышедших из лабиринта подруг. Но обнаружила только стоящего в трех шагах от себя разбойника, внимательно изучавшего загадочный пень. Девушка поджала губы и поспешила отвернуться, чтобы ненароком не привлечь его внимание. Только теперь она рассмотрела желтоватую труху, которой были обильно усыпаны ее руки и одежда, и поняла намек Фаньи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

немного приоткрывающая сокровенные тайны

горного замка и некоторых его обитателей

Услышав удаляющиеся шаги, Дирард слегка повернул голову, провожая взглядом уходящие в сторону умывальни серые фигурки. Разжал накрепко стиснутые кулаки и помчался в другую сторону. Первый вызов мага он проигнорировал, занятый встречей Тэрлины, и пару секунд назад получил второй, более настойчивый. Трудно представить, какие события могли заставить забеспокоиться всегда уверенного в своих силах Годренса, но это, несомненно, было нечто очень важное и из ряда вон выходящее.

Неприметная дверка, расположенная в тени колонны неподалеку от входа, открылась, как и все потайные двери этого замка, от прикосновения зеленого камушка, заключенного в каст простого кольца, и граф ступил на узкую лесенку, ведущую в потайную каморку, расположенную слева от входа. Отсюда, чуть ли не из-под потолка, через прикрытое амулетом иллюзий стекло отлично просматривался почти весь зал за исключением самых укромных и темных уголков.

А в висевшем над узким столиком призрачном макете старинного растения, приспособленного ими под главный тренажер, виднелись желтенькие колеблющиеся пятнышки, ползущие по

различным проходам.

— Бетрисса почти у выхода, — пробормотал необычайно бледный маг, и комендант внутренне содрогнулся, рассмотрев его запавшие глаза и заострившиеся скулы. — Мне нужно срочно уйти, он как взбесился — вытянул весь резерв. И накопителей не осталось, но я постараюсь вернуться как можно скорее.

Годренс поднялся со стула, шагнул к лесенке, ведущей прямо во двор замка, но пошатнулся и вынужден был схватиться за стену. Крепкая рука графа тут же обхватила друга за пояс, помогла преодолеть полтора десятка ступеней и распахнула дверцу, которую снаружи можно было принять за ставни одного из полуподвальных окон.

— Спасибо, — скупое усмехнулся Год, коснулся камней браслета и словно растаял в призрачном свете гаснущего заката.

— Да не за что, — ворчливо фыркнул комендант и поспешил назад, встречать старшину.

Никто не знает, как будут чувствовать себя кадетки после этой проверки, все-таки ползанию, да еще и в одиночку, по запутанным ходам лабиринта не учат ни одну знатную девушку. Вполне возможно, у кого-то начнется истерика, а кому-то станет плохо. Но и отменить задание нельзя: почти все королевские дворцы, особенно построенные еще прадедами принцев, просто кишат не только тайными ходами, но и разными переходами, галереями и тупичками. Все потомки тех, кто рисовал первоначальные планы и возводил грандиозные здания, непременно перестраивали их, расширяя собственные покои и любимые помещения, и обычно делали это за счет проходных залов и широких коридоров.

Бет осторожно толкнула правую дверь, заглянула в открывшийся перед ней кусок прохода и устало шагнула вперед. Несколько нехитрых опытов убедили ее в бесполезности попыток выбора. После того как свежее испеченной герцогине пришлось пару раз возвращаться и идти в тот проход, который она сначала отвергла, старшина просто шла туда, где дверка казалась ей хоть немного шире или выше. И только если вход в выбранный тоннель не хотел открываться, направлялась туда, куда вела воля создателя этого хитроумного сооружения.

Очередная дверца была всего одна, и бывшая компаньонка, ничуть не колеблясь, шагнула к ней. В случае чего вернуться назад она всегда успеет. Однако эта створка распахнулась сразу, и Бетрисса даже не поверила своим глазам, обнаружив перед собой простор тренировочного зала и высокую фигуру разбойника, прихлопывающего себя по ноге неизменной тросточкой.

Старшина облегченно выдохнула, слава богам, все неприятные дела когда-то заканчиваются, и торопливо шагнула из лабиринта:

— Кто-нибудь уже вышел?

— Да, Тэрлина. Вон там на столе чай, Фанья покажет, где можно умыться.

— А Тэри где?

— Изучает малые тренажеры, — тростью указал в конец зала комендант, исподтишка разглядывая помолодевшую и похорошевшую компаньонку маркизы Ульгер.

Похоже, для нее прогулка по лабиринту не стала особым испытанием, во всяком случае,

никаких следов волнения не заметно. Видимо, и в самом деле работа фрейлины, как сито, отсеивает слабых, зато закаляет сильных. Жаль только, далеко не всем из них удается сохранить такие важные для людей душевные качества, как честность, преданность и способность к состраданию.

— Бет! — уже мчалась к ним Тэрлина, и комендант поспешил отступить, уйдя в тень колонн, подальше от всевидящих глаз Фаньи.

Разумеется, напарница заметила его ловкий маневр, осуждающе поджала губы и демонстративно отвернулась, но граф ни на секунду не засомневался в ее молчании и преданности. Как бы сильно ни расходились их мнения о различных вещах и событиях, Фанья никогда не станет докладывать об этом своей повелительнице.

Августа выбралась из таинственного пенька через четверть часа после Бетриссы, злая, вымазанная трухой и зеленоватым клейким веществом, похожим на крыжовенный кисель.

— Он же обещал, что там не будет никаких ловушек, — вплотную подступаясь к Фанье, сверкала она глазами. — А я влезла в целое болото и едва выкарабкалась.

— Любые вещи можно сломать, если очень постараться, — загадочно буркнула домоправительница и торопливо повела девушку в купальню, незаметно кинув хмурый взор в ту сторону, где находилась потайная комнатка. — Тем более такие сложные. А вы все наверняка дергали и пинали дверки с досады, вот ты и попала не туда. Иди ополоснись и надень чистую форму, там в шкафу найдешь по своему размеру.

Августа, успевшая к этому моменту заметить две знакомые серые фигурки, уныло бродящие по кругу, держась за длинную жердь, спорить не стала, мгновенно сообразив, куда ее отправят вместо купальни.

Однако знакомиться ближе с малыми тренажерами ей все же пришлось, как и Октябрине с Дорой. Только Кателла, так и не сумевшая выбраться сама и принесенная из лабиринта разбойником, сидела у стола закутанная в одеяло, прихлебывала горячий чай и горько плакала.

Утешать брюнетку разбойник никому из кадеток не позволил, отправив их лупить кулаками мешки с опилками и крутить колесо, похожее на те, какие целыми днями таскают старые клячи. Он и сам шел следом за девушками, время от времени отпуская колкие замечания и меняя задания. Из тренировочного зала суровый наставник отпустил подопечных только с первым ударом гонга, извещающего о наступлении времени вечерней трапезы, и почти тотчас, пользуясь легкой суматохой, исчез, словно растворился в сумрачных уголках зала.

Потирая ноющие с непривычки поясницы и кулаки, их светлости нестройной толпой направились к маркизе Зайбер, желая выяснить, отчего она не сумела добраться до выхода. Ну и утешить, не без этого, хотя все уже начинали понимать, что простая жалость только распалит ее еще сильнее.

— Ну и чего ты заливаешь ценным ингредиентом казенную рубаху? — шлепнувшись на скамью, поинтересовалась Бетрисса, подтаскивая ближе блюдо с подсохшим хлебом. — Эх, жаль, еды тут маловато, я бы сразу в постель отправилась. Зато как хорошо я теперь понимаю лошадей! Раньше обижалась, почему это некоторые так и норовят цапнуть тебя за руку. Да будь я на их месте, не только руки — и головы бы мучителям отгрызла!

— Он такой грубый, — горько всхлипнула Кателла. — И рычит, как тигр!

— Кто это? — не поняла Тэри, но тут же разглядела на молодом лице своей хорошенькой соседки знакомую ехидную усмешку наставницы.

— Так вот почему ты так упорно там сидела, — без обиняков заявила старшина маркизе Зайбер, жарко вспыхнувшей от этого обвинения. — Понравилось, когда тебя на ручках носят! А не забыла, что не имеешь права ни с кем заводить особых отношений? Или полагаешь, раз разбойник наш наставник, то на него это правило не действует? И о том, сколько потеряешь, пытаясь обмануть Зантарию, тоже не подумала?

— Бет, ну зачем ты так... — попыталась защитить снова залившуюся слезами маркизу Дора, но получила в ответ язвительный взгляд и смолкла.

— Я ей добра желаю. Или вы сомневаетесь, как легко сможет тот маг отобрать у нас все, чем оделил? Я только теперь сообразила, это же тот дроу, которого королева назначила придворным магом всего несколько месяцев назад, Карлу кто-то тайком шепнул, а он — нам. Неужели кто-нибудь из вас хочет вернуться в беспросветное прошлое? Ну и, разумеется, беспокоюсь о себе. Ведь чем меньше нас останется, тем труднее будет справляться с заданием, ради которого ее величество потратила столько сил и денег.

Девушки хмуро промолчали. Все сказанное Бетриссой каждая из них в глубине души если не знала точно, то подозревала, только не решалась выразить вслух так безапелляционно. Но и Кателлу все понимали точно так же. Невольно примешь за особое отношение любой, самый безобидный знак участия, после того как все завидные женихи столько лет обходили тебя вниманием.

И как бы ни права была Бетрисса, всем его истово хочется, этого самого внимания, особенно теперь, когда судьба подарила невероятный шанс сполна получить все недоступное раньше.

— Кати, — подседа Октябрина к миниатюрной маркизе, — ты сейчас рыдаешь не из-за его рыка, вовсе нет. Рывкает он на всех нас, и мы постепенно начинаем к этому привыкать. На самом деле ты плачешь оттого, что обманулась, приняла за мужской интерес простую заботу наставника об ученице. А теперь представь, как обидно было бы всем нам, если бы ты не ошиблась! Кому из нас не знакома эта горькая, как отравы, боль — наблюдать за чужими свиданиями со стороны, не имея ни права, ни возможности даже мечтать о подобном? Поэтому трижды права Бетрисса: если мы хотим выжить и сохранить полученную внешность, то должны дать друг другу обещание запереть сердце на замок и до окончания этой проклятой работы не обращать на мужчин никакого внимания.

— Это будет очень трудно, — тяжело вздохнула Дора, — но другого пути я тоже не вижу. Поэтому готова дать клятву.

— И я, — хмуро поддержала ее Августа. — Хотя у меня насчет разбойника есть некоторые подозрения. Он ведь может и нарочно нас испытывать таким способом, это вполне в его духе. Поэтому единственное, что я хотела бы получить от королевы еще, — это амулет, который поможет сдержать эту клятву. Я слышала, есть такие, называются «холодное сердце».

— Все амулеты, какие вам понадобятся, у вас будут, — твердо пообещала неслышно подобрываясь к кадеткам Фанья. — А теперь поспешите. Через полчаса дверь в столовую закроется, это распоряжение коменданта.

— Змеев разбойник, — ругнулась Бетрисса, поспешно вскакивая со скамьи. — Бежим, девушки! Сегодня я голодна, как стая волков.

Подхватила под руку еще расстроено сопящую маркизу Зайбер и повела к выходу из подвала. Остальные кадетки потянулись за ними. Тэрлина шла последней, радуясь, что не успела рассказать подругам о странном вопросе коменданта. А теперь даже словечком не обмолвится. К чему себе-то лгать, Кателла не одинока в своих мечтаниях, у Тэри тоже вспыхнул было в душе робкий огонек надежды. Угасший в тот самый миг, когда она увидела выходящего из лабиринта хмуро усмевавшегося разбойника, бережно несшего на руках крепко вцепившуюся в его шею брюнетку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

начавшаяся с абсолютно неожиданной новости и

закончившаяся не менее внезапным и важным событием

— Тэри! Открой же наконец, где ты там пропала?

— Иду, — сонно пробормотала ее светлость маркиза Дарве Ульгер, уже начинавшая привыкать отзываться на оклик «кадетка Тэрлина».

Дошлепала по холодноватому полу до двери, щелкнула засовом и сердито уставилась на старшину:

— Ну отчего ты не даешь выспаться? Прибежала спозаранок, даже гонг еще не пробил.

— Да он, может, сегодня и не пробьет. Часы в столовой уже время второго завтрака отзвонили. Да не смотри ты на меня так подозрительно, лучше в окно выгляни, солнце уже над стеной показалось. И это было бы замечательно, давненько я так не высыпалась. Но есть новость похуже — мы в замке одни. Совсем. Нет ни Фаньи, ни разбойника, и на стол не накрыто.

— А может, это новое испытание? — нахмурилась Тэри.

За последние две декады кадетки успели убедиться в изобретательности и коварстве разбойника, неумоимо устраивавшего им всевозможные проверки и испытания. Девушки лазали по веревочным лестницам и переходили по узеньким досточкам невесть откуда взявшиеся траншеи, под присмотром Фаньи преодолевали вплавь холодное озерцо, обнаружившееся в глубинах скал, на которых стоял замок. Так почему бы разбойнику для разнообразия не проверить, как будут действовать его подопечные, оставшись без присмотра? А заодно и без обеда.

— Все может быть, — задумчиво посмотрела на нее Бетрисса и повернулась к выходу. — Но ты все же одевайся и приходи на кухню, все остальные уже там.

Тэрлина торопливо натянула свою серую форму, мазнула гребнем по смятым за ночь волосам, не удержалась, несколько секунд полюбовалась на свой аккуратный, симпатичный носик и только теперь вдруг сообразила, почему так взволновались ее новые подружки. Разбойник исчез еще вчера в обед, и Фанья весь вечер была намного мрачнее и строже, чем обычно. На вечерней тренировке заставила всех кадеток обойти по стенам три круга и поднять наверх по шесть камней, причем носить зараз можно было только по два и без всяких корзиночек.

Потому-то девушки и свалились спать сразу после ужина, даже не устроив перед сном маленького чаепития, какие постепенно вошли у них в привычку и стали чем-то вроде небольшой отдушины от бесконечных занятий.

Продолжая обдумывать случившееся, Тэри сделала несколько торопливых шагов по пустынному коридору и вдруг остановилась так резко, словно уперлась в невидимую стену. Случайная обмолвка Фаньи, которой вчера маркиза Дарве Ульгер не придала никакого значения, сейчас внезапно по-новому осветила сообщение Бетриссы о загадочном исчезновении наставника и его помощницы.

Кадетки еще в первые дни сообразили, кем является Фанья на самом деле. Вовсе не домоправительницей, как она им представилась, и уж точно не кухаркой, хотя именно Фанья каждый раз отпирала и запирала столовую. Не была она и ключницей или кастеляншей.

Как выяснилось довольно скоро, помощница коменданта умела почти так же ловко, как и сам разбойник, драться на ножах и в рукопашном бою, ходить по переброшенной через ров узкой доске, спускаться по веревочным лестницам и многое другое. Точнее было бы сказать: знала столько способов защиты и нападения, как далеко не всякий опытный гвардеец.

— Телохранительница, — тихо сказала Бетрисса подругам примерно на десятый день их пребывания в этом замке. — Очень хорошо обученная, умная и опытная. Только самые богатые и знатные люди могут нанять таких, и контракт с ними заключают пожизненный, скрепив его кровной клятвой. У старой королевы был такой, служил для вида секретарем. Некоторые дурочки, едва заметив, как он буквально с одного взгляда, с полуслова понимает желания ее величества, начинали придумывать про них грязные байки... и вскоре исчезали из дворца навсегда.

— Нам батюшка рассказывал, — согласно кивнула в ответ Октябрина. — Его нанял для старой королевы еще консорт Ларсайдн, после того как на его жену было совершено покушение. Нашему покойному королю тогда было всего десять лет, и он еще не подозревал о существовании Зантарии.

С тех пор девушки нашли десятки подтверждений сделанным Бетриссой выводам и больше не смотрели на Фанью как на безобидную служанку, готовую в знак расположения подарить подсказку или помочь с житейской проблемой. И научились, беседуя о своих делах, постоянно поглядывать по сторонам: Фанья умела подкрадываться неслышно и незаметно, и уследить за ней в одиночку никому из них не удавалось.

А вот вчера, отправляя кадеток на ужин, мнимая домоправительница тихо буркнула, словно про себя, странную фразу:

— Надо бы их научить готовить еду... на всякий случай.

«Похоже, нас ждет столько разных случаев, — ехидно подумала тогда едва передвигавшая от усталости ноги Тэри, — что изучить придется не менее полусотни разных ремесел, от охотничьего до гончарного».

А вот теперь вдруг ясно поняла, как зря издевалась над словами телохранительницы. Та еще вчера знала, что не сможет сегодня вернуться в замок, потому и намекала на вероятность подобного испытания. И значит, где-то далеко, там, куда маг увел их наставника, произошло нечто очень серьезное, иначе разбойник с верной помощницей никогда бы так надолго не оставили подопечных, обучению которых отдавали столько времени и сил.

Тэри тряхнула короткими волосами и помчалась дальше, спеша поделиться с подругами своими соображениями.

Кухней называлась просторная, почти как зал, полуподвальная комната в противоположной от

входа в тренировочный зал стороне, потому-то девушки и нашли ее далеко не в первые дни своей службы. А обнаружив, постепенно полюбили собираться перед сном именно здесь, где вся обстановка живо напоминала знатным бесприданницам об их собственных, так внезапно покинутых домах.

Огромная печь с различными духовками, сушилками, печурками и коптильнями занимала центр дальней части помещения, вдоль стен тянулись столы, шкафы и сундуки, а на стенах висели полки, кастрюли и сковороды, дуршлагаи и сита, противни, жаровни и гусятницы. Здесь же находился вход в винный погреб и холодную кладовую, где рачительные хозяева хранят, защитив особым амулетом, множество разнообразных припасов, от молочных и мясных до овощей, фруктов и сладостей.

Сейчас эта дверь, обычно закрытая на внушительный замок, была отперта, и из-за нее доносились знакомые голоса кадеток. Однако не успела Тэри пересечь кухню в стремлении присоединиться к ним в выборе продуктов, как навстречу шагнула расстроенная Кателла.

— Это не проверка, а издевательство, — забыв поздороваться, возмущенно объявила она маркизе Ульгер. — Там абсолютно голые полки! Ну ладно, я могла бы понять, почему пустует винный погреб, нам на стол никогда не ставят ничего крепче кваса. Но почему в кладовой нет даже заваливающего куска сыра или хотя бы яблока?

— А в буфетах? — еще надеялась на чудо Тэрлина, вспоминая вазочки с печеньем и фруктами, которые они находили там по вечерам.

— Только бадейка муки и пол котелка масла. Ну и немного меда. Бет обещала испечь лепешки, если мы не найдем ничего другого.

«Значит, Бетрисса заранее догадалась, какой сюрприз ждет их в кладовой, — тотчас сделала вывод Тэрлина, — и повела туда подруг только для того, чтобы они во всем убедились своими глазами».

Выходит, хитроумная Фанья сначала якобы проговорила о новом испытании, а затем, дождавшись, пока кадетки уснут, убрала все продукты. Вряд ли это было для нее тяжелой работой, если помогала та сила, которая содержит в идеальном порядке весь дворец.

Но даже если Фанье и пришлось побегать, убирая провиант в тайники, зато теперь кадетки заняты заботой о собственном прокорме и изобретением блюд из скромного набора продуктов. И не станут строить ненужных предположений и мучиться в неведении, размышляя о судьбе наставников.

— Доброе утро, Тэри, — приветствовала маркизу поднявшаяся из подвала Августа. — Сегодня у нас праздник. Отдыхаем от разбойника, его шпионки и от всяких медовых червяков.

Тэри открыла было рот, готовясь вывалить на кадеток собственные открытия, и тут же захлопнула, решив сначала поделиться неприятными новостями с Бет. Совет старшей подруги никогда не будет лишним, к тому же ничего это сообщение не изменит, кроме настроения. Все-таки права Августа: разбойник и его сюрпризы порядком всех измотали, и не стоит портить подругам такое светлое утро.

— Только учтите, кухаркой я никогда не служила, — сразу предупредила кадеток Бет, — и готовить умею всего три-четыре несложных блюда. Когда почил старая королева, мне пришлось несколько месяцев жить в пансионе и ради экономии самой готовить себе завтрак.

Яичница, гренки и лепешки, ну еще простая каша — вот и все мои таланты. И теста больше чем на одну лепешку я никогда не месила, так что придется вам всем помогать.

Отказываться кадетки не стали, хотя никто из них, кроме Октябрины, питавшей к кухне особые чувства, представления не имел, как делаются лепешки.

— Я однажды забралась на кухню, — призналась Кателла, — и подсмотрела, как кухарка лепит из белых шариков пирожки, а потом жарит их на сковороде. Мне это понравилось, и я попробовала подобраться поближе, но тут кухарка меня обнаружила и подняла шум. Кричала, что воспитатели не следят за ребенком, а если он обожжется, наказывать будут ее. Ну вот... потом я получила наказание — два часа сидеть в папенькином кресле и думать, почему умным девочкам нельзя ходить на кухню.

— Как знакомо, — фыркнула Дора, закатывая рукава серого одеяния. — Командуй, старшина, к выполнению особого задания королевские кадетки готовы.

Еще через полчаса с плиты наконец была снята первая — кособокая и дырявая — лепешка. Одна сторона у нее слегка пригорела, зато другая радовала глаз золотистым румянцем. И пока Бет укладывала на сковородку второе тянущееся во все стороны изделие, ее подруги торопливо поделили первый результат своих трудов и мгновенно съели, помакав для вкуса в мед.

— По-моему, чего-то не хватает, — задумалась Августа. — Соли или сахара?

— Не придирайся, — мгновенно встала на защиту их общего труда Октябрина. — А то в следующий раз сама печь будешь. Бет, не пора перевернуть?

— Уже, несите следующую. Мне кажется, огонь слишком сильный, может, задвинуть кружки?

— Наша кухарка как-то сдвигает дрова вглубь, — сообщила Октябрина. — Я видела. Если вы не против, могу попробовать.

— И сожжешь последние волосы, — не сдалась старшина, снимая вторую лепешку. — Лучше отойдите в сторонку, сковородка тяжеленная, не дай боги, не удержу...

Однако все у нее получилось, и Бет раньше всех поняла это, едва подняв сковородником толстую, чугунную посудину шириной с хороший бочонок. Меньше чем за месяц ее руки незаметно приобрели силу и ловкость, не потеряв при этом ни грана женственного изящества. А ведь еще совсем недавно даже небольшой дорожный сундучок с одеждой был для графини Форсье нелегкой ношей.

— А давайте, — внезапно предложила Дора, когда чайник закипел, а стопка лепешек поднялась на высоту пол-локтя, — пойдем пить чай в сад? Мне так давно хочется там посидеть!

Это предложение понравилось всем, садик в замке был просто восхитительный, но вот погулять в нем кадеткам пока не довелось. Лишь украдкой любоваться пионами и лилиями, да, пробегая мимо, вдыхать дивные ароматы расцветающих деревьев и кустов, большего разбойник им не позволял.

А Тэри, сколько себя помнила, всегда любила сады и рощи. Обожала бродить под старыми, разросшимися яблонями и кленами, вслушиваясь в шелест листьев в вышине, рассматривать грозди весенних цветов и вдыхать их горьковатые ароматы. А еще наблюдать, как день за днем растут, наливаются соком крошечные зеленые шарики, постепенно превращаясь в сочные груши, розовобокие яблоки и фиолетовые сливы. А вот персики были мохнатыми с самого

начала, и в далеком детстве Тэри путала их с вербой, каждый год искренне огорчаясь, что ни один плод на облюбленном дереве так и не вырос.

Каменная ограда, отделявшая садик от площади хозяйственного двора, в котором не бегало даже кошки, не говоря уже о более крупной живности, была невысока, но перелезть через нее никто не пожелал. Сегодня им вдруг захотелось хоть немного побыть собой — знатными, благовоспитанными девушками, ходившими на прогулку в сад только через калитку и только по дорожкам.

И первая часть этого намерения превосходно удалась: кованая ажурная калитка, которую все давно уже заприметили, безропотно распахнулась перед кадетками. А вот никаких дорожек за ней не оказалось. Только травка, мелкая, курчавая, усыпанная крохотными белыми, розовыми и лиловыми цветочками.

— Не могу ее топтать, — вдруг заявила Кателла и решительно сбросила короткие и неказистые, зато легкие и удобные ботиночки. Встала на травку, сделала шаг, другой и вдруг взвизгнула тоненько и восторженно: — Щекотно!

— Прямо дриада-искусительница, — глядя, как дружно принялись разуваться подруги, вздохнула Бет и сбросила ботинки. — Но учтите: если простынете, разбойник лично будет вам припарки ставить.

— Мы недолго, — пробормотала Тэри, чувствуя, как стремительно поднимается настроение и от внезапно подступившего к горлу счастья хочется прыгать, танцевать и визжать, как Кати.

Но больше всего петь, и это довольно странно: вот уже больше месяца у маркизы Дарве Ульгер и близко не возникало подобного желания.

— Я нашла беседку, — объявила Октябрина, тащившая корзинку с едой, и все побрели в ту сторону, на свежем воздухе чуть задобренный кусочком лепешки голод напоминал о себе все острее.

К удивлению девушек, беседка была не каменной, как все остальное в этом замке, и даже не кованой. Причудливо переплетенные цветущие лозы клематисов смыкались тенистым сводом над круглым столом, который огибала необычная скамья из тонких, неошкуренных стволиков и веток.

На вид она выглядела грубоватой и жесткой, но, как скоро выяснилось, это было обманчивое представление. На самом деле сидеть здесь оказалось невероятно удобно, а чай с медом и травами и еще теплые лепешки превратили этот нечаянный пикник в самый настоящий праздник.

Кадетки, не успевавшие в последнее время даже взглянуть на небо, чтобы полюбоваться облаками или закатами, вдруг заметили все то, мимо чего торопливо пробегали в эти дни, занятые каким-нибудь из заданий, на которые был так щедр разбойник.

И синеву почти летнего неба, и белизну далеких горных пиков, и свежесть ветерка, приносящего пьянящие ароматы цветущей сирени и яблонь. Тэри вдыхала их, прикрыв глаза, и видела другой, более скромный и обветшавший замок, густые кусты крыжовника вдоль посыпанных речным песком дорожек, любимые качели в тени огромного дуба...

Первые слова старой баллады непрощенно всплыли в памяти и сами слетели с девичьих губ, как лепестки отцветающих вишен под дуновением ветерка, негромкие и печальные. Тэрлина и

сама не знала, почему ей вспомнилась именно эта песня, похожая на горький плач юной невесты, тоскующей но уведенному русалкой любимому. Просто пела куплет за куплетом, забыв обо всем, и была сейчас не здесь, а в ночном лесу на берегу темной недоброй речки.

— Тэри! — пробился сквозь наваждение настойчивый голос Бетриссы, дергавшей девушку за плечо. — Ты давно мечтала посмотреть, как мы рыдаем?

— А? — распахнула глаза маркиза и смутилась, разглядев заплаканные лица подруг. — Я не хотела...

— Не извиняйся, — всхлипнула Дора. — Это было... так... ну просто как наяву.

И все остальные согласно закивали.

Мужчина, последние две минуты безмолвно стоящий за ближайшим кустом, сердито фыркнул, пообещав про себя намылить шею одному хитрецу, и решительно крутнул камень порталного браслета, переходя прямо в беседку. Жаль, конечно, зря истраченной энергии, но не выдавать же девушкам невольного подглядывания? Или, точнее сказать, подслушивания.

— Ой! — взвизгнула Кателла и смутилась, поймав укоризненные взгляды подруг. — Я нечаянно.

Годренс сделал невозмутимое лицо, хотя был бы не прочь выяснить, в чем дело. Последние дней десять она действительно визжала очень редко, и никто, кроме кадеток, не знал почему. Так уж вышло, разговаривали обычно девушки на вершине башни, где отдыхали, притащив камни, а там у него не было следящих амулетов.

— Быстро вставайте вокруг меня и крепко держитесь за мой пояс и друг за друга, — скомандовал маг и довольно усмехнулся, обнаружив, с какой скоростью их светлости выполнили его приказание.

За время пребывания в этом замке дочери самых знатных домов Тальзии стали намного сообразительнее и шустрее, чем прежде.

— А ботинки? — забеспокоилась догадливая старшина.

— Не пригодятся, — отмахнулся Годренс и решительно повернул камень.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

показавшая тайным кадеткам, как мало они еще знали

и как о многом могли бы догадаться заранее

Маг не солгал, однако девушки поняли это лишь позже. А сначала, оказавшись стоящими на чем-то мягком в центре незнакомого, сумрачного помещения, полуслепые после яркого света летнего полудня, сбились тесной кучкой и встревоженно пытались осмотреться.

«Правильно, между прочим, встали, — хмуро отметил скользнувший в сторону Годренс. — Локоть к локтю, спина к спине. Так проще рассмотреть врага, если он есть».

Но тут никого не было, так он им и объявил.

— Этот дом сняли для вас на одну ночь, и прислуги здесь нет, — сухо пояснил маг, не желая показывать королевским кадеткам всей своей осведомленности. — Спокойно устраивайтесь, умывайтесь и начинайте переодеваться. Ваши сундуки в гардеробной, а позже придет Фанья.

Торопливо договорил последние слова и стремительно исчез.

— По-моему, это гостиная, — воспользовавшись надежным методом закрыть на минутку глаза, а потом вновь их распахнуть, сообщила Бетрисса, — и довольно богатая. И никаких серых штор.

Все кадетки и сами уже успели рассмотреть непривычно цветастую обстановку просторной комнаты. Красочный, затейливый узор пышного ковра, бархатные диваны вдоль стен, кружево и шелк пышных занавесей. Одну стену комнаты занимали три широких окна, за которыми буйно разрослись какие-то кусты, в трех остальных стенах виднелось несколько дверей.

— Ну и где тут умывальня? — направилась к ним Октябрина. — Я собираюсь умыться, прежде чем надевать новые вещи.

— Новые? — удивилась Тэри, провожая взглядом устремившихся к дверям подруг, и, еще сомневаясь, что правильно поняла слова герцогини Сарнской, помчалась следом за ними.

— Сундуки! — Восторженный взвизг Кателлы все восприняли как сигнал и ринулись на этот пронзительный звук.

— Кати, ну ведь договорились, — просто ради порядка пожурила подругу Бет, и та ответила чистосердечным сиянием шоколадных глаз:

— Я последний раз, вот честное слово! Но ты посмотри, шесть сундуков, и все с гербами! Вот этот мой... как тут открывается?

Бет только на миг подняла к небу взор — ну что с ней поделать? Хотя всем понравилась идея, пришедшая старшине пару декад назад на вершине одной из башен, где они присели на минутку передохнуть, притащив очередную порцию камней.

Кателла, решившая осмотреть окрестности, протиснулась в узкую бойницу и, лежа на животе, отважно заглянула вниз. Испуганный взвизг улетел куда-то за башню и вернулся назад через несколько долгих мгновений, проясняя кадеткам причину этого крика.

— Знаешь, Кати, — сказала ей тогда Бетрисса, — а ведь это оружие. Довольно сильное, но, что самое главное, невероятно редкое. Поверь мне, я столько раз слышала, как визжат пойманные скучающими бездельниками служанки и белошвейки, и не всегда это было понарошку. Но так, как у тебя, не получалось ни у кого. Я думаю, нам нужно взять это на вооружение. Продумать все случаи, когда твой визг станет сигналом для нас или средством спугнуть какого-нибудь злоумышленника. Но тебе придется научиться сдерживаться и кричать только в нужных случаях, а не по пустякам, иначе вся сила этого орудия потеряет смысл.

Кателла неверяще оглядела соратниц, не заметила ни в чьих глазах усмешки или лукавства и вдруг густо покраснела:

— Ну, раз вы так считаете, то я постараюсь... но, боюсь, получится не сразу. Я ведь нарочно училась так визжать... от обиды. Когда тебя столько лет никто не замечает, хочется хоть как-то выделяться из толпы сидящих у стен бесприданниц и старых дев.

— Это же... — не веря себе, Октябрина гладила пальцами тончайшую белоснежную пену

оборки и мечтательно улыбалась, — торемское кружево! Вы не представляете, как мне всегда хотелось иметь хоть воротничок из него, хоть бантик!

— Отлично знакомы с такими мечтами, — серьезно кивнула Бетрисса, помогавшая Тэрлине застегивать пуговицы дорожного платья. — И о том, как сюда доставляют это кружево, тоже знаем. Торемцы ведь не торгуют с Тальзией... легально. И это очень выгодно контрабандистам, незаконные товары всегда приносят тройную выгоду. Но мне казалось, ее величество не одобряет контрабанду, или я не знаю каких-то тонкостей.

— Вот именно, — никто не заметил, откуда появилась в комнате Фанья, — не знаешь. Три месяца назад королевские егеря захватили группу контрабандистов, переправляющихся через пролив на небольшом суденышке. Весь их товар был отправлен гильдии торговцев, а они перепродали лавочникам и портникам. Поэтому этим летом платья с кружевными оборками будут у всех столичных модниц. Надеюсь, вы не жалеете, что не стали единственными обладателями такой диковинки?

— Конечно, жалею, — фыркнула Дора. — Ведь тогда на нас даже табличку вешать не потребовалось бы. Каждый кому не лень мог бы ткнуть пальцем и заявить: «Вот девушки, которым королева прощает нарушение всех своих законов». Ты лучше скажи, куда мы попали?

— А вы сами еще не догадались?

— Куда-то на юг, слишком тут жарко и вон на кустиках плоды уже крупные, а у нас яблони еще только отцвели. Но чтобы сказать больше, нужно выйти из дома.

— Это Руфот, маленький портовый городок на южном побережье. Здесь сходятся несколько дорог, и потому никого не удивишь проезжающими дамами, — сдержанно улыбнувшись, начала объяснять Фанья. — Вы прибыли сюда вчера поздно ночью, и начальник охраны снял вам этот дом, а сам со своими людьми поселился в соседней гостинице, обед вам готовят там. Можете прогуляться или приказать накрыть в этом доме. Отправиться дальше решено после обеда, отсюда до королевского имения Беленгор всего восемь часов езды.

— Слышала о таком, — задумчиво пробормотала Бетрисса. — Насколько мне помнится, он стоит на берегу небольшой Лазурной бухты, там прекрасный дворец и замечательный сад. А кто еще будет жить в том месте кроме нас?

— Сейчас там только прислуга и охрана. Но королевский обоз уже в пути, прибудет в Беленгор дня через два-три. Бетрисса, держи королевский указ, без него вас в поместье не пропустят. А это распоряжение для домоправительницы, в каких комнатах вас следует поселить. Тоже подписано королевой. Как устроитесь, постарайтесь получше изучить сад и дворец, в вашем положении любопытство — вполне естественное чувство и прислугу не насторожит.

— А разве там могут быть не преданные королеве люди? — засомневалась Тэри.

— Как показывают последние события, уверенными сейчас можно быть только в себе, — хмуро глянула на девушек Фанья, непритворно сожалея о нехватке времени. Им еще хотя бы месяц... — Поэтому ваше первое задание — наблюдение и вживание в роль фрейлин. Будьте предельно осмотрительными, но вид делайте беспечный, почти легкомысленный. Теперь я могу сказать, почему вам первым делом изменили лица, сделав их моложе и привлекательнее. Красота — сильное оружие, а вместе с мнимой юностью — мощнее вдвое. Однако необходимо, чтобы никто не рассмотрел за вашими хорошенькими личиками истинных чувств и способности к серьезным рассуждениям.

— Не переживай, — прервала ее Бетрисса, — мы и сами об этом уже подумали. Лучше скажи, как быть с прическами?

— А вы еще не все сундуки перевернули? — искренне изумилась домохозяйка. — Тогда ищите, там должны быть шкатулки с париками из ваших собственных волос. По три для каждой. Рассмотрите их внимательно, это не только прически. В каждом есть небольшой тайничок, и там лежит тревожный набор номер один.

— Ого, — присвистнула Августа. — Ну вот за этот подарочек и локонов не жаль!

Тэри была полностью согласна с подругой: в такие наборы входил тревожный вестник, крохотный ножик, такая же отмычка и несколько горошин различных зелий, ни об одном из которых до обучения в горном замке их светлости даже не подозревали.

— Если у вас больше нет вопросов, я ухожу, — предупредила Фанья и, скупой улыбнувшись, пообещала: — В Беленгор приеду с обозом. Постарайтесь продержаться эти два дня, возможно, кто-то из приглашенных знатных господ приедет раньше нас. С ними и их прислугой ведите себя поостороже, впрочем, кого я учу? Дочерей самых знатных родов Тальзии! И еще. Запомните: ни меня, ни графа Шаграйна, ни придворного мага Годренса вы никогда ранее не встречали.

— Не понимаю... — задумалась Кателла. — А как же указания и задания?

— Ее величество сама вам все объяснит, — качнула головой Фанья. — Теперь вы подчиняетесь только ей. Ну и, разумеется, все мы — тоже.

Хрупнула тускло блеснувшей вещицей и исчезла, оставив кадеток в полной задумчивости.

— Как интересно, — оглянувшись на дверь, еле слышно буркнула Октябрина и оглянулась на Бетриссу: — Как считаешь, стоит это обсудить?

— Сначала осмотримся и обдумаем все беспокоящие нас вопросы и предположения, потом будет видно, — так же тихо ответила старшина и с усмешкой сказала чуть громче: — Но одно мне теперь совершенно ясно, ваша светлость, — об удобных домашних платьях серого цвета придется забыть надолго.

— Кстати, — всполошилась Дора, — а куда их спрятать?

— В шкатулку из-под парика, — немедленно нашлась Тэрлина, уже отыскавшая на самом дне сундучка несколько шкатулок разного размера. — Бет! Ты взгляни сюда! Это же мои драгоценности... но выглядят намного более новыми... вот тут застежка была сломана, я связывала ниточкой, хотела в столице отдать в починку.

— Тсс! Не забывайте, уши у стен могут появиться в любой момент, — укоризненно прошипела герцогиня Лаверно и невесело усмехнулась: — Кто-то позаботился о нас, и если подумать, в этом нет ничего удивительного. А сейчас лучше поспешить — близится время отъезда, а мы еще не нашли столовую.

Намек все поняли сразу и примолкли, поспешно приводя в порядок себя и свои новые сундуки, но затаенные счастливые улыбки по-прежнему блуждали на губах фрейлин, когда их руки бережно касались жемчужных пуговок или кружевных оборок.

Мелодичный звон, раздавшийся за дверью, подхлестнул кадеток, как кнут, все заспешили, засуетились, но Бетрисса, успевшая запереть свой багаж раньше всех, уже стояла у выхода, с

нарочитой медлительностью отодвигая засов:

— Ну кто там?

— Ваша светлость, завтрак готов, — учтиво отозвался невидимый мужчина, сразу же опознанный Тэрлиной по голосу.

— Пфф, — прошипела Октябрина, сердито засопела Дора, яростно крутнула ключ в скважине сундука Кати, и маркизе Ульгер стало предельно ясно: Майзен, неуступчивый капитан егерей, хорошо знаком не только им с Бетриссой.

— Прикажете, пусть накроют здесь, маркиза Зайбер неважно себя чувствует, — властно распорядилась Бетрисса и лукаво подмигнула подругам.

— Почему я? — надула было губы Кателла, но Августа спокойно развернула ее лицом к зеркалу.

— А как должна чувствовать себя маркиза, у которой голова наперекосяк? Садись, я поправлю тебе парик, смотри, вот тут незаметный крючочек, он должен быть на затылке и всегда прикрыт локонами.

— Спасибо, — смущенно порозовела Кати. — Я как-то успела отвыкнуть от пышных причесок.

— Я тоже, но надеюсь, в карете будет не жарко, — поправляя золотые локоны, вздохнула стоящая у зеркала Дора и вдруг, оглянувшись, встревоженно шепнула: — А ведь амулеты нам так и не дали!

— Я сама в эти дни побуду таким амулетом, — спокойно пообещала Бетрисса, прислушиваясь к происходящему за дверью.

Затем многозначительно прижала на миг палец к губам и распахнула двери перед служанками из гостиницы, нагруженными подносами и корзинками.

— Ваши светлости желают завтракать в столовой или накрыть на веранде? — уважительно спросила стоявшая впереди всех женщина.

— В столовой, — уверенно обронила Бетрисса, отвернулась и важно прошествовала к дивану. — И передайте охране, пусть грузят багаж.

— Будет исполнено, — вежливо отозвался шедший за служанками капитан, и ни одна из кадеток не заметила и тени усмешки ни в его взгляде, ни в голосе.

Хотя наблюдали все очень пристально, ведь это был первый знакомый девушкам по прошлой жизни мужчина, который увидел их новые лица. Однако удивления он почему-то не выказал, и это можно было расценивать двояко. Либо егерь хорошо осведомлен о тайнах ее величества, либо умеет так искусно владеть собой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

ведущая секретных королевских кадеток навстречу

интригам, тайнам и опасностям придворной жизни

— Вполне вероятно, есть и третий вариант, — вздохнула Тэрлина и покосилась на сладко

спящую на переднем сиденье Кателлу.

У маркизы Зайбер обнаружилось очень полезное для путешественника качество: в карете ее неодолимо клонило в сон. Не прошло и четверти часа, как вертевшаяся на своем диванчике брюнетка не в первый раз прикрыла платочком невольный зевок и виновато попросила простить ее за неучтивость и позволить немного подремать.

— Мне кажется, ты немного переигрываешь, Кати, — усмехнулась Бетрисса. — Тут за нами никто не наблюдает, а если ты поспишь сейчас, то определенно будешь бодрее всех по приезде.

— Ты правда так считаешь? — откровенно обрадовалась Кателла, тут же сбросила дорожные туфельки и устроилась поудобнее. А еще через минуту сладко засопела, да так и спит до сих пор.

— Возможен и четвертый и пятый, — пожала плечами Бетрисса в ответ на слова воспитанницы. — Но одно мне кажется явным: о том несчастье, которое случилось или должно случиться, королева узнала уже в пути. И тут же вызвала нашего разбойника, поэтому я могу сделать еще один уверенный вывод. Ее величество не просто доверяет ему важные тайны, все значительно серьезнее — она всецело полагается на него, когда речь идет о самом главном. Потому Фанья и предупредила, чтобы мы себя не выдавали, и, думаю, теперь я могу точно сказать, в чем будет заключаться наша работа. Ну, по крайней мере, важнейшая ее часть. Мы будем королевскими шпионками.

— Какое ужасное звание, — поморщилась Тэрлина.

— Ну, пусть будет «разведчицы», — фыркнула Бет. — Не придирайся к словам. Лично мне эта работа даже нравится, похоже на игру в фанты. Главное, не заиграться и помнить — противник очень хитер, раз ее величество решилась на такие меры. Как только приедем и найдем укромный уголок, сверим наши выводы, но мне кажется, сестры и Дора думают так же.

— А меня беспокоит, не заинтересует ли этот враг, почему мы приехали все вместе?

— Думаю, ее величество уже обмолвилась, словно случайно, разумеется, — насмешливо пояснила Бет, — как обрадовались первому жалованью ее новые фрейлины и тут же упростили позволить им заказать у белошвеек Ганрельского монастыря несколько нарядов. Как всем известно, королева питает особую слабость к обители, где провела в обучении несколько самых лучших лет жизни.

— А как мы будем отвечать, если начнут спрашивать, например, какая погода в предместьях Ганреля? — нахмурилась Тэри. — Может, нужно заранее договориться?

— Не может! — категорично отрезала Бетрисса. — Ты не пойманный с поличным воришка и потому никогда и никому не отвечай на подобные вопросы. В крайнем случае, если беседа зайдет в присутствии королевы или принцев, отшутись и переведи разговор на другое. Но того, кто будет слишком интересоваться подробностями, стоит запомнить.

— Чем больше я тебя слушаю, тем сильнее убеждаюсь, что ничего у меня не выйдет. Мужчины всегда казались мне чуждыми и слишком непонятными существами... не такими, как папенька. А ведь враги будут стараться нас нарочно запутать, менять одежду и все такое.

— Тэри, а вот сейчас ты не права. Фанья ведь не зря по вечерам заставляла нас решать

головоломки и искать отличия в картинках, тренируя внимание. И ты на этих уроках ни разу не отстала от Октябрины и Августы, поэтому я не сомневаюсь, для тебя не составит особого труда определить того, кто проявит неестественный интерес.

— Как бы мне еще отличить, какой интерес странный, а какой самый обычный, — невесело хмыкнула Тэрлина и, давая понять, что желает помолчать, отвернулась к окну, за которым уже отгорал яркий южный закат.

Легко говорить про мужчин и их привычки Бетриссе, после того как она несколько лет отслужила фрейлиной и всякого наслушалась, да и повидала. А вот как ей, Тэри, определить с уверенностью, говорят мужчины комплименты от чистого сердца либо пытаются выведать королевские тайны? Или, и того хуже, просто ловят в свои сети глупую бабочку?

Если она даже случившееся два месяца назад сочла мелочью и о монетке, показанной ей разбойником, вспомнила лишь сегодня утром, в саду, когда запела старинную песню?! Да и то не сразу поняла, откуда пришло назойливое ощущение уже пережитого: сад, старая песня, неожиданно возникший прямо перед ней мужчина...

Все сложилось в уме гораздо позднее, когда они уже катили в этой карете вслед за экипажем, уносившим в королевский летний дворец сестер Сарнских и княжну. Теперь Тэри абсолютно уверена — это именно разбойник был тогда в саду ее родного замка, в старых сапогах и обтрепанном капюшоне, низко надвинутом на бородатое лицо.

— Эх и дивно же вы поете, ваша светлость, — низко кланяясь, расхваливал ее невесть откуда взявшийся незнакомец. — Даже сам не заметил, как перелез через ограду! Помилуйте бедного паломника, не велите казнить...

— Да кто собирается тебя наказывать? — возмутилась Тэрлина, оглянулась в ту сторону, куда указывал грязный палец бродяги, и увидела бежавших к ним сторожа и конюха, грозно махавших вилами. — Никто тебя не тронет. Лови вот да иди своей дорогой, а в следующий раз будь повнимательнее!

Достала из кармана одну из двух мелких монет, которые носила на всякий случай, и бросила пилигриму. Тот поймал дар с удивившей маркизу легкостью и стремительно исчез за кустами, заставив девушку запоздало засомневаться в правдивости его слов. Но тут прихромала печальная Сюзи, и Тэри, как всегда при виде сестренки, вмиг отмела все собственные заботы, напрочь забыв про странного путника.

В Беленгор кадетки прибыли незадолго до полуночи и вопреки опасениям Тэрлины, пытавшейся рассмотреть королевское поместье при бледном свете фонарей, надолго у ворот не задержались. Что послужило причиной покладистости, несвойственной придирчивым королевским егерям, фрейлин не интересовало, все устали, проголодались и жаждали умыться. Несмотря на распахнутые в каретах оконца, спасения от жары эта мера не приносила.

— Надеюсь, здешняя домоправительница еще не спит, — бормотала Дора, бредя к крыльцу вслед за Августой. — Иначе придется устраиваться где-нибудь в гостиной.

— Не может такого быть, — успокоила ее Бетрисса. — Когда прибывают важные гости, королевская охрана обычно подает мажордому сигнал или отправляет посыльного. Эти правила завела ее величество Зантария и наказывает ослушников очень строго.

И она оказалась права. Не успели кадетки преодолеть широкое крыльцо, как дверь

распахнулась, и появилась женщина средних лет в простом платье и со связкой ключей у пояса.

— С прибытием! — радушно заулыбалась она, вмиг определив знатность и состоятельность девушек по их нарядам и украшениям. — Я Аньята, домоправительница. Проходите, ваши светлости, комнаты для вас уже готовы.

— Для вас письмо ее величества. — Бетрисса подала ей конверт и кротко опустила взгляд.

И тут же подняла, принявшись внимательно изучать просторный приемный зал, в который они попали, едва войдя во дворец. Все как обычно: высокий потолок, внушительная арка, ведущая в следующий зал, и по обе стороны от нее рукава ведущей на второй этаж лестницы. По периметру второго этажа зал опоясывала внутренняя галерея, опирающаяся на широкий круг колонн и защищенная резными перилами.

— Простите... — расстроенный голос домоправительницы чуть дрожал, — это моя вина... не поняла распоряжение ее величества... сейчас отправлю служанок готовить вам другие комнаты, на третьем этаже. А пока могу предложить умыться и перекусить в гостевых спальнях второго этажа. Но если пожелаете провести там одну ночь...

— Мы готовы подождать, показывайте, где умывальня, — стрельнув в нахмурившуюся Августу предупреждающим взглядом, так же кротко улыбнулась старшина и первой двинулась за направившейся к лестнице домоправительницей. — Кстати, я герцогиня Бетрисса Лаверно.

Эти слова оказали на Аньюту неожиданное действие — она споткнулась о ковер, отпрянула в сторону и схватилась за стену.

— Что с вами? — нахмурилась Октябрина. — Вам плохо?

— Нет... я просто задумалась, — лепетала женщина, но посеревшее лицо выдавало неискренность ее утверждения. — Извините, пожалуйста, ваша светлость. Проходите на второй этаж, пользуйтесь любой умывальней, там пока все спальни свободны. А ужин сейчас накроют в соседней с этим залом столовой. Я пришлю за вами горничную.

Развернулась и, чуть пошатываясь, побрела в обратную сторону.

— Мне кажется, нужно с ней поговорить, — не выдержав, бросилась вдогонку Тэрлина.

Догнала Аньюту и, ухватив за локоть, заглянула ей в лицо.

— Вы пытаетесь от нас что-то скрыть, — укоризненно пожурила маркиза домоправительницу, обнаружив, что ее щеки залиты слезами. — Или боитесь, что мы пожалуемся королеве? Успокойтесь, пожалуйста, никто из нас и слова не скажет.

— Спасибо... но я не из-за этого, — поспешно вытирая платочком лицо, принялась оправдываться та. — Просто расстроилась... когда-то моя семья и я сама служили у герцога Лаверно, и я очень уважала и родителей его светлости, и его самого, пусть будет милостива к нему Святая Тишина. Хороший был человек.

— Что это значит? — пораженно нахмурилась догнавшая воспитанницу Бетрисса. — Мой муж умер? Когда? И откуда вам это известно?

— Как... муж? — ошолбенела домоправительница. — Он же был болен...

— Все ясно, — вынесла вердикт подошедшая Октябрина. — Вы просто друг друга не поняли. Дядюшка Тайвор выздоровел, женился и теперь пребывает в самом прекрасном расположении духа. А я герцогиня Сарнская и просто мечтаю получить хоть стакан молока и булочку.

— Ох, простите! — Аньята исчезла с необыкновенной для ее возраста скоростью, а кадетки побрели наверх, поглядывая на непривычно задумчивую Бетриссу.

— Какой странный, однако, человек мой муж, — пробормотала она, входя в первую же комнату. — Одни считают, что у него невыносимый характер, другие чуть ли не в обморок падают, узнав о мнимой смерти его светлости.

— Ты еще не знаешь точки зрения его троюродных племянников, — едко заметила Августа. — Могу поспорить, они сейчас всей толпой проклинают дядюшку за неожиданное выздоровление.

— Вот как? А вы с Октябриной?

— Мы не кровные родичи, нам из его наследства и монетки бы не перепало, — устало отмахнулась Октябрина. — Кроме того, наш папенька искренне ценит своего троюродного кузена, а мнению его светлости герцога Сарнского мы верим.

— Приятно слышать. Хотя я и не собираюсь встречаться с дорогим супругом в ближайшие три года, но хотелось бы заранее знать, чего ждать от этой встречи, — беззаботно усмехнулась Бет, но Тэрлина не поверила этому наигранному легкомыслию.

Но вслух ничего говорить не стала, ведь и действительно, смешно в их положении волноваться о каком-то неведомо где живущем муже.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

заполненная морем, солнцем, новыми знакомствами

и первыми тревогами

Проснулась Тэри от радостного чириканья птичек за окном, недовольно скривилась и попыталась снова уснуть, натянув на голову покрывало. Но сон исчез бесследно, когда она поняла, чего именно бессознательно ожидает. Пронзительного и настойчивого звона, ставшего неотъемлемой частью начала каждого дня. Можно не сомневаться, сейчас часы показывают ровно семь, время, когда в горном замке принято вставать.

Девушка с неожиданной тоской вспомнила те дни, когда самым страшным для них было не пройти с первого раза извилистую тропку, небрежно начерченную мелом на плитах площади. Простая на первый взгляд задачка, особенно если не держишь в руках поднос с доверху налитыми водой кружками и ничего не знаешь о невидимых ловушках, притаившихся точно за чертой.

А здесь нет ни безопасных дорожек и лестниц, ни мостков, по которым можно перебраться через залитую жидкой грязью канаву. Все поместье, вместе с великолепным дворцом, синей бухтой и окружающими ее живописными холмами и скалами, для неопытных в любовных играх бесприданниц — одна огромная, опаснейшая ловушка, поджидающая невинных жертв тайными капканами и коварными искушениями.

Всего два дня фрейлины вели себя с беспечностью самых легкомысленных простушек.

Разгуливали нарядной толпой по саду и берегу, шалея от изобилия воды, неба, солнца, зелени и ароматов. Позабыв о возрасте, этикете и собственных правилах, ахали и повизгивали, когда на тувфельки накатывала шаловливая волна, и до одури бултыхались в солоноватой воде бухты, заняв вшестером всю королевскую купальню. Так здесь именовался огромный участок пляжа и моря, тщательно огороженный со всех сторон от любопытных взглядов. Накупавшись, кадетки лениво валялись под солнцем на плетеных кушетках, прикрыв шляпками и зонтиками лица и плечи, неторопливо пили холодный сок и ели огромных горячих морских раков, едва ли не впервые в жизни чувствуя себя непривычно свободными от всех условностей и обязанностей.

Разумеется, забыть до конца о приближающемся обозе никто не старался, да и разговоры все время возвращались к королеве и сопровождающим ее придворным. Но праздничное настроение упорно не покидало их, делая ожидание приезда ее величества не столь тревожным и тяжелым, каким представлялось это кадеткам в первый вечер.

Тэри вздохнула и поднялась с постели. За эти два дня девушки убедились: на побережье лучшее время для прогулок и развлечений — это утренние и вечерние часы. Ночами налетает прохладный ветерок, а днем безжалостно печет солнце. Поэтому к полудню все местные жители прячутся в тень, спят или пьют чай и неторопливо беседуют, возвращаясь к делам лишь на закате.

И значит, разбойник заранее знал, куда отправятся его подопечные, и неспроста заставлял их подниматься спозаранок и бродить по сумрачному двору, ежась от предрассветной прохлады. Тэрлина представила, как он въезжает во двор, и поспешно помотала головой, отгоняя это назойливое видение. Права была королева, запрещая им даже безобидный флирт, хотя дочери знатных родов на такое и не способны в силу строгого воспитания. Даже представить страшно, что можно нарушить почти священные правила приличий и преступить категоричные запреты, уподобившись простым служанкам и белошвейкам.

В комнату решительно постучались, обождали пару секунд и стукнули еще пару раз, и Тэрлина заторопилась — это кто-то из подруг. Накинув пеньюар и торемские вышитые туфли без задников, прошла к двери и отодвинула засов.

— Тихо, — первой проскользнув в комнату, шепнула Бет. — У нас новость.

Следом быстро и бесшумно вошли остальные кадетки, заперли замок и толпой направились в гардеробную Тэрлины. Как они выяснили еще в первый вечер, это было самое удобное место для бесед на секретные темы. Маркизе Ульгер достались угловые комнаты между спальнями Бетриссы и Кателлы, и лишь гардеробная этих покоев не имела выхода в общую гостиную, обращенную окнами и широким балконом к морю. И значит, никто не мог подслушивать у двери.

— Рассказывай, — требовательно уставилась на Доренею старшина, едва кадетки расселись по сундукам и пуфикам, — ради чего подняла нас с постели?

— Приехали, — выдохнула княжна, оглянувшись на дверь и тише пояснила: — На рассвете появились первые гости.

Все молча смотрели на нее, ожидая продолжения, ведь не мог же так встревожить обычно уравновешенную Дору обычный приезд нескольких придворных?

— Их поселили на втором этаже, как раз под нами, — слегка покраснев, пояснила княжна. — А я к тому времени уже проснулась, привыкла в замке подниматься без четверти семь. Вы же знаете, если встать чуть раньше, тот противный звонок смолчит. И вдруг услышала мужской

смех, у меня открыта дверь на балкончик, люблю шум моря. Сначала я даже испугалась, потом догадалась, кто это может быть, и пошла закрывать дверь. А они как раз стоят на своем балконе, любят морем и обсуждают нас.

— Ты уверена? — с сомнением наморщила хорошенький носик Тэри.

— Ну разумеется. Молодой человек с рыжеватыми кудряшками, связанными в хвост, сказал, что никто из дам еще не приехал и потому сегодня можно весь день провести на берегу. Но второй, у которого темные волосы и хрипловатый голос, не согласился. Он слышал, будто фрейлины, набранные королевой в свиту Альреда, уже в Беленгоре. Тогда третий, светловолосый, ехидно засмеялся и заявил: «Королева придумала для сыночка очаровательную шутку, собрала по Тальзии самых некрасивых старых дев». Рыжеватый спросил: «Тимул, а ты-то откуда знаешь, что они девы? Сам проверял?» Тут они дружно захохотали и начали подшучивать над блондином. Тот огрызнулся и предложил рыжему самому выяснить, не лгут ли слухи. «А я и не отказываюсь, — нагло заржал тот. — Пусть бедняжкам повезет хоть раз в жизни». Тут они снова засмеялись и ушли с балкона, а я побежала вас будить.

— Тимул? — задумчиво нахмурилась Октябрина. — Может, Тимуальд Бризен? Граф, двадцать семь лет, не женат, имеет неплохое поместье, доходы с которого прожигает в столице.

— Ты его знаешь? — изумилась Тэрлина.

— Если ты имеешь в виду, представлена ли я ему, то нет. А вот заочно... Теперь я могу вам сказать, раньше просто не было нужды. От скуки, ну и чтобы не попасть впросак, мы с сестрами составили картотеку на всех знатных и просто богатых мужчин Идрийского полуострова. Молодых и не очень, холостых и женатых, так, на всякий случай, ведь жены не вечны. Я была ее главным хранителем, а потом постепенно выучила все карточки наизусть и теперь знаю все обо всех мужчинах от двадцати до шестидесяти лет.

— А о разбойнике? — тут же заинтересовалась Кателла.

— Вот о нем — ничего, — развела руками Октябрина. — Иначе я уже давно бы вас просветила. Но это не значит, что он взялся ниоткуда. Все сведения для картотеки о вновь пожалованных титулах, назначениях на должность и разводах мы брали из трех мест. Большинство — из рассказов тетюшек и подруг, остальные — из столичного справочника адресов именитых людей и из вестника королевских указов, издаваемого раз в год. А поскольку он выходит осенью, а весной королева пожаловала несколько титулов героям Донгер-Карритской кампании, то вполне возможно, что имя графа Дирарда Шаграйна будет в этом вестнике.

— Да разве сейчас это самое главное? — вскипела Дора. — Эти наглецы... вы как хотите, а я не имею никакого желания с ними встречаться. Поэтому решайте, как поступим.

— Прости, но мне кажется, — словно очнулась Бетрисса, — ты не совсем права. Мало ли какими подвигами хвастаются между собой знатные господа, нас с вами это задевать не должно. Мы ведь знаем о себе совсем другое! Мы молоды, красивы и через три года получим хорошее приданое. Вот про него постарайтесь никому ни в коем случае не проговориться, иначе на нас откроют самую безжалостную и грязную облаву. Ну а сегодня я предлагаю небольшое развлечение. Воспользуемся тем, что, кроме этих троих, тут пока никого нет, и сами первыми откроем сезон охоты. Нужно же проверить силу своей красоты? А заодно выясним, откуда Тимул так хорошо осведомлен о королевских делах. Только не заигрывайтесь!

— Мне нравится, — хищно прищурилась Августа. — Чур, рыжий будет мой.

— Тогда я попробую очаровать блондина, — мечтательно протянула Кателла и тут же поджала губы, услышав дружное «нет!».

— Не забывай, ты наше секретное оружие. А сегодня силы попробуют самые старшие, — пояснила ей Бетрисса. — Пусть блондином займется Окти, а темноволосым — Дора. Я буду работать вашим амулетом, а вы с Тэри следите, чтобы эти весельчаки не делали друг другу никаких условных знаков. Слышала я кое-что о мужской солидарности. А теперь быстро идем одеваться. Не забудьте прицепить вуалетки, нельзя убивать дичь наповал с первого же шага.

— И сразу показывать ей свои намерения тоже не стоит, — буркнула Тэрлина. — Как говорит мой брат, лучше всего охотиться из засады и стараться ничем себя не выдать, пока звери не подойдут поближе.

— Очень благоразумный совет, — усмехнулась Дора. — Надо взять на вооружение.

— Маркиз Карлант Дарве Ульгер, двадцать восемь лет, холост, привлекателен и серьезен. Живет в столице, служит старшим лейтенантом в гвардейском инженерном полку. Наследует фамильный замок и небольшое запущенное имение, имеет родителей и двух сестер, Тэрлину двадцати двух лет и Сюзалию четырнадцати, — заученно отрапортовала Октябрина и виновато улыбнулась маркизе Ульгер. — Извини, но твоего брата мы никогда не рассматривали как возможного жениха. На него облизываются невесты с хорошим приданым.

— А мне, наоборот, хотелось бы познакомить его с вами, — совершенно серьезно вздохнула Тэрлина. — Но, к моему сожалению, Карла сюда не пригласят.

Всего через полчаса в столовую второго этажа впорхнула стайка нарядных девушек, весело щебечущих о совершенно неинтересных, на мужской взгляд, вещах. О прическах, заколках, оборках и прочей дамской мелочи.

Столовая была почти пуста, лишь трое молодых людей, по всей видимости, отлично знакомых с южным распорядком дня, сидели у распахнутого окна и любовались притихшим утренним морем. Входящих девушек они увидели сразу и, с усмешкой переглянувшись, тут же дружно отвернулись к окну, словно на спокойной водной глади происходило нечто необычайно интересное. Однако исподтишка в сторону королевских фрейлин все же поглядывали и были слегка разочарованы, когда девушки прошли мимо них к дверям на террасу, даже не заметив за своими разговорами новых обитателей Беленгора.

Едва кадетки оказались на террасе, к ним торопливо направилась домоправительница в накрахмаленном ситцевом платье с белым воротничком. В руках у нее были кофейник и небольшая корзинка со свежими булочками и кусочками ягодного пирога.

— Доброе утро, ваши светлости, — преданно улыбнулась она, глядя только на Бетриссу. — Не слышали, ночью был небольшой ливень?

— Доброе утро, Аньята, — откинув короткую вуаль, улыбнулась в ответ старшина. — Нет, мы все проспали. Зато теперь погода просто замечательная, и мы намерены позавтракать на берегу. Прикажи, пожалуйста, принести туда что-нибудь посытнее, а эту корзинку мы заберем сами, когда выпьем по чашке кофе вон в той беседке.

— Бет... а ты ничего не перепутала? — Едва оказавшись в беседке, Кателла возмущенно уставилась на герцогиню Лаверно. — Мы же вроде собирались очаровывать этих молодых людей? Кстати, одного из них, темноволосого, я несколько раз встречала на вечерах у

двоюродной тетушки, это барон Итель Габерд. Но вряд ли он меня запомнил, забежал на несколько минут с визитом вежливости и тут же исчезал.

Устраивающиеся за столиком кадетки перевели заинтересованные взгляды на Октябрину.

— Барон Ительниз Габерд, — проговорила та четко, словно видела перед собой карточку. — Двадцать восемь лет, третий сын в семье, ничего, кроме титула, не наследует, хотя родители живы и здоровы. Имением и состоянием уже несколько лет безраздельно управляет его старший брат, средний служит младшим советником у градоправителя Карстада и женат на его племяннице. Сам Итель слывет отличным мастером меча и зарабатывает на жизнь уроками, что позволяет ему дружить с самыми знатными и влиятельными господами. Кроме того, он очень нравится женщинам, и многие завидные невесты с удовольствием отдали бы ему свое сердце вместе с весомым приданым.

— Как интересно, — прищурившись, протянула Бетрисса, отпила кофе и обнаружила, что сидит под обстрелом пяти пар разноцветных глаз. — Извините, сейчас объясню. Знакомство и завязывание флирта с теми, кого вы выбрали на роль дичи, — это очень тонкое искусство, особенно если у охотника нет горячего желания предельно сократить эту часть спектакля и перейти к более тесным... отношениям. Поскольку нам такие вольности запрещены, я о них умолчу, скажу лишь о самом знакомстве. В нем участвуют две стороны, женщина и мужчина, и обе с первого же взгляда показывают свою заинтересованность в этом действе. Мы показали полное равнодушие, и это непременно должно было их задеть. Но они успели ответить прежде, чем поняли наш маневр, — дружно отвернулись к окну, едва перед нами раскрылась дверь. И потому пока мы в равном положении, но теперь первым шаг к сближению сделает тот, кто сильнее в этом заинтересован. Я понятно объясняю?

— Вполне, — разочарованно вздохнула Тэри. — Но больше никогда не попытайся мне доказывать, будто ничего сложного во флирте и вообще в отношениях с мужчинами нет. Мне легче выучить все названия всех речушек и горок на карте Эркады, чем эти премудрости.

— Не переживай, на самом деле ничего трудного тут нет. На обычный язык их жест переводится просто — «вы нам неинтересны». Но и мы одновременно с ними сказали то же самое. Теперь ход за ними, и если они подойдут первыми и начнут разговор, а мы станем охотно отвечать, это будет означать, что мы приняли роль дичи.

— А если не отвечать, то и охоты никакой не получится, — огорченно протянула Кателла.

— Наоборот, — добродушно фыркнула Бет. — Судя по сведениям Октябрины, эти мужчины привыкли к роли охотников, и, значит, наше нежелание с ними общаться их только раззадорит. И чем больше мы будем сопротивляться, тем сильнее они завязнут. Вот тогда они незаметно для себя окажутся дичью, и условия игры будем диктовать мы.

— А если они не подойдут? — скептически поджала губы Августа. — Ты же слышала, у них и без нас хватает развлечений.

— Могут и не подойти, — невозмутимо пожала плечами Бетрисса. — И именно поэтому мы должны запастись ледяным спокойствием и терпением. Я услышала в словах Окти главное — по меньшей мере двое из них привыкли к роли победителей, и чем дольше мы будем их игнорировать, тем сильнее раздражим. Скучать их милости не привыкли, а кроме нас, в Беленгоре пока нет ни одной знатной дамы. Ну а охотиться на служанок в имениях ее величества в последние годы становится накладно, как говорят, Зантария придумывает таким наглецам незавидные задания подальше от столицы.

— И правильно делает, — кровожадно похвалила королеву Тэрлина и тут же заметила, как старшина одним небрежным движением опустила на лицо вуаль.

Осторожно повернув голову, маркиза окинула взглядом дворец и невольно выпрямила спину, садясь так ровно и изящно, как предписывают правила знатным дамам.

По лесенке террасы, лениво озирая скучающими взглядами клумбы, лужайки и беседки королевского имения, неторопливо спускалась в парк троица вновь прибывших гостей.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

несущая кадеткам первый опыт в неизвестном,

но заманчивом деле охоты на охотников

— По-моему, Тимул, твои сведения не вполне соответствуют истине, — буркнул Мишеле, исподтишка провожая взглядом толпу нарядных девушек, и потянул тонким носом оставшийся после них запах свежести и дорогих духов. — Мне они дурнушками не почудились.

— А личики прикрыли, — огрызнулся блондин. — Стыдятся нам показывать.

— Мне все равно, красивы они или нет, — небрежно обронил Ительниз, откидываясь на спинку стула, — но ты не прав. Они уже вошли с вуалями на лицах, хотя ничего о нас не знали. Кроме того, здесь все дамы ходят либо в шляпах, либо под вуалью, не хотят стать черными, как торемки.

— Я и говорю, — победно глянул на Тимула рыжеволосый Мишеле, — кто-то все перепутал или подшутил над тобой. Судя по фигуркам и платьицам, эти фрейлины вполне достойны нашего внимания.

— Я бы лучше поваялся где-нибудь под деревом, — лениво отказался брюнет. — Скоро должен прибыть королевский обоз, и там будет предостаточно придворных красавиц.

— Судя по моим сведениям, — сердито глянул на друзей блондин, — обоз на полдня задержался в Рошле и потому придет только завтра утром или в крайнем случае поздно ночью. Но нас ведь никто не привяжет к этим старым девам, если мы с ними познакомимся? Просто проверим, кто прав.

— Задело? — с насмешливым участием хмыкнул Ительниз. — Ну раз тебе так горит — идем. Но одно условие: как только я подам знак — уходим все вместе.

— А вот рыжего мальчишку я, кажется, хорошо знаю, — тихо пробормотала Бетрисса, рассматривая сквозь вуаль неспешно бредущих в их сторону мужчин. — Это Мишеле, внук графа Римуальда Хангро. Лет с пятнадцати вертится во дворце, сейчас ему около двадцати четырех.

— Мишеле Хангро — граф, двадцать шесть лет, среднего роста, строен и ловок, — быстро просветила подруг Октабрина. — Весельчак и интриган, ждет наследства от престарелого дедушки, а пока занят охотой, поединками и флиртом. Входит в число придворных, с которыми любит проводить свободное время старший принц.

— С ним мне придется разбираться самой, — предупредила подруг герцогиня Лаверно. — Вам

он не по зубам.

— Доброе утро, прекрасные дамы, — сияя преувеличенно любезной улыбкой, раскланялся граф Хангро, не дойдя до беседки нескольких шагов. — Приятного аппетита! Извините за...

— ...незнание этикета? — едва заметно повернув в его сторону голову и не поднимая вуали, ледяным тоном предположила Бетрисса и положила в рот малюсенький кусочек пирога.

Предназначенный стать вовсе не средством насыщения, а откровенным намеком на нежелание фрейлины продолжать беседу с назойливым придворным бездельником.

— За так порицаемую этим самым этикетом невольную навязчивость, — мигом состроив на лице печальное выражение, кротко пролепетал Мишеле. — Но будьте милосердны, примите во внимание исключительные обстоятельства! Ведь здесь нет ни одного человека, который мог бы нас представить!

— За это я бы вас простила... — Бетрисса задумалась на пару минут, словно не замечая, как с каждой секундой мрачают лица стоящих перед ней мужчин, затем пояснила таким сухим тоном, как будто выносила приговор: — Если бы у вас были более важные причины для нахальства, чем обыденная скука. И, разумеется, если бы это не было вашим правилом.

— Что вы имеете в виду, говоря о правилах? — предвкушающе прищурившись, ринулся в бой Мишеле, еще не заметивший торопливо, почти бегом приближавшуюся к ним Аньюту.

Зато Бетрисса увидела прислугу еще минуту назад и именно ради нее так долго тянула эту паузу.

— Все готово, ваша светлость, — ловко обогнув придворных, почтительно замерла перед девушками домоправительница. — Позвольте вас проводить.

— Большое спасибо, Аньята, — с искренней теплотой поблагодарила ее Бет. — А помогать не нужно, сами справимся.

Грациозно поднялась со стула, прихватила корзинку и величественно проплыла мимо придворных, с показной учтивостью отступивших с ее дороги. Следом за ней так же безмолвно и горделиво шествовали остальные фрейлины, делая вид, будто не замечают ни сверлящих их разочарованных взглядов, ни кривящихся в едких усмешках мужских губ.

Внезапный порыв прилетевшего с моря легкого ветерка на мгновение нарушил этот похожий важностью на церемонию момент. Беззастенчиво раздул легкие юбки, обрисовав стройные ножки их светлостей, и взметнул вверх невесомые вуали, на миг явив неудачливым ловеласам целый букет прелестных девичьих лиц. Не ожидавшие от природы подобного щедрого подарка придворные от неожиданности даже растерялись, а через пару секунд было уже поздно.

Придерживая непослушные юбки и одергивая вуали, девушки дружной толпой прошли мимо, и никто не решился бежать за ними следом. Оглянувшись на уходящую в другую сторону Аньюту, Итель криво ухмыльнулся и направился в осиротевшую беседку. Не стоит о чем-либо расспрашивать живущих тут слуг. Всех, кто мог бы за пару монет рассказать о чем угодно и кому угодно, ее величество, твердой рукой наводившая в Тальзии порядок после гибели супруга, выставила из своих поместий еще несколько лет назад.

— Ну а теперь рассказывай, кому я должен набить рожу за твои верные сведения? — Шлепнувшись на стул, Мишеле свирепо уставился на Тимула. — Какой гад поставляет тебе

такую ложь? Ты хоть одну успел рассмотреть? Где старые, где дурнушки?

— Я не утверждал, будто они некрасивы. — Тимул вяло попытался отбиться от напористых обвинений рыжего, — Я сказал лишь — старые девы.

— Ты хоть сам понимаешь, о чем говоришь? Когда это красивые девушки оставались в старых девах?

— Ну... если они нищие бесприданницы... или характер отвратительный. Да, скорее всего, они не замужем именно из-за характера, вон как она тебя отхлестала!

— Не смешно, — мрачно оборвал его Итель. — И неверно. Характер красивых и знатных девиц можно изучить только после того, как возьмешь в жены, до этого все они белые и чистые, как Элторна. А вот об одной вещи ты умолчал нарочно... или и сам не осознал всей важности полученной информации. Попытайся припомнить, тебе сказали просто «знатные» девы или «самые знатные»?

— А разве это имеет значение? — хмуро буркнул Тимул, широко известный среди придворной молодежи именно умением узнавать важные новости раньше всех.

— Огромное, — пренебрежительно глянул на него Мишеле. — Можно подумать, ты и сам не знаешь, что светлостями в Тальзии зовут только маркизов, герцогов и князей, а всех остальных — ваша милость? А Аньята назвала ту даму светлостью... следовательно, она не менее чем маркиза.

— Можно подумать, — передразнил его раздосадованный Тимул, — это обращение делает старых дев моложе или богаче. И вы знаете не хуже меня, сколько у нас в Тальзии маркиз, герцогинь и княгинь.

«Все верно», — хмуро усмехнулся Итель, слушая эти жалкие попытки графа оправдаться, герцогов и князей на их полуострове больше, чем на всем восточном континенте. Впрочем, как и графов с баронами, так уж сложилось еще тысячелетия назад. Разумеется, в значительной степени в этом виновна природа полуострова, изрезанного сотнями крупных и мелких речушек, берущих начало в ущельях Северного хребта, защищающих полуостров от холода зимних ветров. Все эти реки делят Тальзию на множество плодородных долин, разбросанных между холмами. И почти на каждом из этих холмов стоит старинный каменный замок или даже крепость. Предки нынешних знатных семей не только умели приумножать свои богатства, но и весьма не любили ими делиться.

Однако в рассуждениях Тимула есть и очевидная нескладность: именно тем из старинных семей, которые были богаче и мощнее, мудрый Эстальд, первый король Тальзии, больше тысячи лет назад собравший полуостров в единое государство, пожаловал титулы князей, герцогов и маркизов. Все остальные владельцы достаточно больших имений и замков стали баронами и графами. Тогда же первые советники первого короля написали свод законов Тальзии и правила этикета.

С тех самых пор степень знатности имеет для королей большое значение при назначении подданных на важные посты, и не принято приглашать во фрейлины герцогинь и княжон. Ну разве только в совершенно особых случаях. Выходит, Мишеле прав. Их белобрысый приятель, так гордящийся своим всезнайством, в стремлении стать первым не заметил очень важной детали, пропустив слово «самые».

И этой небрежностью поставил спутников в крайне некрасивое положение, заставив

приставать к знатым девушкам, которым придворным этикетом насторого запрещено разговаривать с незнакомыми мужчинами. И не важно, состоятельны их светлости или и в самом деле бедны. Скорее даже наоборот, бесприданницы еще строже, чем их богатые подруги, блюдут свою честь, ведь это единственное, что они могут принести мужьям в приданое.

Сделав этот вывод, Итель мрачно хмыкнул — все-таки не стоило соглашаться на авантюрное предложение рыжего пройдохи. Лучше бы он поступил так, как намеревался с самого начала, — устроился с книгой на диванчике самой тенистой беседки, сегодня последний день, когда можно отдохнуть спокойно. Завтрашнее утро придется начать с тренировки их высочеств, королева очень ловко сумела вынудить его подписать контракт на обучение своих сыновей. А потом к нему потянутся старые друзья и ученики, и у каждого будет важное дело, не терпящее никакой отсрочки.

— Итель! Ты меня слышишь?

— Слушаю, — вынырнул из своих размышлений барон, взял со стола изящную чашечку с почти нетронутым напитком и выпил, наслаждаясь ароматом и вкусом.

— Они пошли в купальню, — сообщил Мишеле, предвкушающе блестя глазами. — Почему бы и нам не пойти туда?

— Зачем?

— Купаться, разумеется. Плавать, нырять...

— Женская купальня находится с левой стороны от пристани для яхт и павильона, — с сочувствием пояснил барон, — а мужская — с правой. Причем павильон специально построен так хитро, что невозможно не только проникнуть на женскую половину или проплыть под пристанью, но и рассмотреть женский пляж в подзорную трубу. Некоторые ловкачи ради этого даже залезали на башни дворца. Бесплезно, кроны эвкалиптов и крыша павильона надежно загораживают тот участок бухты.

— Да знаю я это, но мы ведь можем выйти из купальни одновременно с ними? Там есть одна блондинка с необыкновенными глазами... не вздумайте за ней ухлестнуть.

— Она с тобой и разговаривать не станет, — с привычной ехидцей фыркнул Тимул, — если и вправду герцогиня.

— Мне и не нужно, чтобы она разговаривала, — самоуверенно отмахнулся Мишеле. — Пусть просто слушает.

— Никуда я не пойду, — наотрез отказался Ительниз. — Мне не к спеху. Успею познакомиться, если захочу, раз их пригласили фрейлинами к принцам.

— А ты не забыл, сколько герцогов и маркизов сопровождают обоз? — насупился рыжий. — Может, не догадываешься, как рьяно все они ринутся на наших фрейлин? Вот тогда нам уже можно будет смиренно сидеть в сторонке.

— С какой стати они уже наши? — лениво дернул плечом барон, признавая верность рассуждений графа Хангро, но не его выводов. — И лучше слишком не надоедать девушкам, не желающим тебя видеть. Если кто-то из них тебя заметил, то непременно даст шанс

представиться. А кроме того, к обеду они и сами вернутся, сидеть в полдень на солнцепеке не станет ни одна здравомыслящая девица.

— Вы так уверены в их благоразумии? — попытался еще раз съязвить Тимул, но ни один из собеседников даже не обратил внимания на его выпад.

Впрочем, близкими друзьями они Тимулу не были никогда, просто шапочное знакомство. Да и спутниками в этот раз оказались лишь по воле случая. И теперь их не интересовали его рассуждения, приятели уже успели составить о новых фрейлинах принца свое собственное мнение.

— Наверное, ты прав, — разочарованно буркнул Мишеле, следя за бароном, сосредоточенно доедающим чью-то булочку, — но я просто озверею, поджидая, пока они вернутся. Да и моря давненько не видел... идем хоть искупнемся? Просто так. Обещаю, не буду нырять через всю бухту.

— Это было бы не просто глупо, но и самоубийственно, — мстительно ухмыльнулся всезнающий блондин. — После гибели короля подводную часть купален обнесли гномьими стальными сетями.

— А разве король погиб в Беленгоре? — засомневался Мишеле.

— Нет, в Дилонге. Но королева приказала защитить сеткой все купальни, — продолжал просвещать спутников Тимул, — и все балконы верхних этажей.

— И я ее вполне понимаю, — поднимаясь с места, сухо обронил Итель и кивнул рыжему другу:

— Ну раз тебе так хочется, пойдём купаться. Только предупреждаю, никаких авантюр!

— Обещаю, — просиял Мишеле. — Но если ненароком... всё-всё! Просто на всякий случай!

— На всякий случай запомни, — твердо отрезал Итель, — никаких нечаянностей быть не должно!

— Бет, — обернулась к старшине Дора, едва за ними закрылись двери женской половины павильона для переодевания, — это мы чего-то не понимаем или у тебя не получилось поговорить с господами придворными так, как намечала?

— И то и другое, — спокойно призналась герцогиня Лаверно, проходя к выходящему на море высокому окну. — И я вам сейчас все поясню. Только давайте устроимся вон в той беседке, я вижу там скатерти и какую-то еду... после беседы с рыжим пройдохой у меня проснулся аппетит.

— И у меня, — вздохнула Кателла. — Я почему-то страшно испугалась, что он меня узнает.

— Ты о бароне? — сочувственно глянула на нее Октябрина. — Тогда нужно держаться от него подальше.

— Не знаю, — распахивая дверь, задумчиво проворчала Бетрисса, — мне вдруг пришло в голову, что мы не все понимаем верно. Вернее, понимаем не до конца, и лишь оттого, что один вредный разбойник слишком хорошо умеет хранить королевские тайны, просто камень, а не человек. Невольно начинаю его уважать, немногие на его месте сумели бы ничем себя не выдать.

К беседке переодевшиеся кадетки шли молча, раздумывая над ее словами и вспоминая момент неудачного знакомства с намеченной для тренировки дичью. Однако не избалованным мужским вниманием девушкам оказалось не так просто сообразить, можно ли считать на этом эксперимент законченным или последует продолжение.

— Боюсь, так мы скоро растолстеем, — оглядывая накрытый стол, ужаснулась Тэрлина и подозрительно глянула на наставницу: — И скажите, мне одной кажется, что Аньята выслуживается перед герцогиней Лаверно?

— А мне кажется, так она пытается загладить свою вину, — пожала плечиками Кателла и уставилась на Бетриссу своими загадочными глазищами: — Ну давай объясняй уже!

— Да все просто, я вдруг вспомнила одну мелочь, напрочь позабытую за десять лет. Этот рыжий мальчишка еще тогда был известен своим умением втянуть в разговор даже самого отъявленного молчуна и скромника, проделывая это на спор. А я допустила ошибку, сказав про правила. Хотела уколоть его, напомнив о некоторых случаях, когда над ним потешался весь дворец, но не учла его таланта заядлого зубоскала. Вот и ждала, пока подойдет Аньята, чтобы сбежать, не допустив поражения.

— Ох, боги! — Тэрлина подняла к небу страдальческий взгляд. — Я чувствую себя сельской пастушкой, попавшей на прием торемских дипломатов. Все слова знакомы, но смысл их туманен и чужд.

— А мне все ясно, — огорченно вздохнула Дора. — Ты их так напугала, что они теперь и близко не подойдут.

— Не думаю, — усмехнулась Октябрина. — Тот ветерок сыграл нам на руку, взгляды у них были хоть и ошарашенные, но я заметила определенный интерес. Полагаю, в обед их милости попытаются повторить попытку.

— Вряд ли они захотят еще раз получить в лицо чашу холодной воды, — засомневалась Кателла. — Все же они знатные господа и друзья принца...

— Да и мы не позволим им унижаться, — кивнула ей Бетрисса. — Большинство мужчин довольно ранимы и долго помнят оскорбления. А некоторые даже мстительны, и заранее никогда не угадаешь этого по их поведению. Поэтому тебе придется признаться барону Ительнизу в вашем знакомстве и представить его нам.

— А вдруг он меня не узнает? — побледнела Кати. — Я сама себя не всегда узнаю...

— Но ты же теперь не просто маркиза, а королевская кадетка и секретное оружие нашего взвода! Неужели тебя нужно учить тому, как напомнить барону о встречах у твоей тетюшки?

— Ладно... я постараюсь...

— Вот и замечательно, — ободряюще улыбнулась герцогиня Лаверно. — Позже, если захотите, могу рассказать вам про забавные проделки графа Мишеле Хангро, а сначала, возможно, кто-то желает искупаться? Сама я, к сожалению, сегодня лишена этого удовольствия.

— Мы быстро, — с сочувствием пообещала Августа, сбрасывая пеньюар и оставаясь в очаровательных синих панталончиках и коротенькой сорочке, зашнурованной, как корсет, самом модном в это лето купальном костюме. — Не скучай!

— Я останусь с ней, — заявила Тэрлина, подчиняясь незаметному приказу серых глаз. — Тем более вода с утра холодновата... я люблю потеплее.

— Тэри, — осторожно заглянула в лицо воспитанницы Бетрисса, дождавшись, пока их светлости добегут по прилизанному прибоем песку до воды и с визгом ринутся в прохладные волны, — я очень ценю и люблю новых подруг и, как мне кажется, поняла главное качество, за которое их выбрала ее величество. Но с тобой мы прожили рядом восемь лет, ты бежала ко мне и с радостями и с горестями... и стала мне стократ ближе, чем двоюродные сестры и племянницы, уже давно позабывшие о моем существовании и ни разу не поинтересовавшиеся, имею ли я кусок хлеба на обед и уголок для ночлега. Как бы ни повернула жизнь, ты всегда будешь занимать в моем сердце особое место, и твои беды всегда будут и моими. Я никогда этого не объясняла, да и сейчас говорю не просто так... в последние дни с тобой что-то творится, и у меня ноет сердце. Ты не можешь хотя бы намекнуть? Я пойму.

— Бет, — роняя слезы, прижалась к ней воспитанница, — прости... но это и в самом деле так запутанно...

— Ну хоть попытайся рассказать, в чем ты запуталась? Тут как-то замешан разбойник?

— Ну да... — всхлипнула Тэрлина, не в силах больше в одиночку тащить тяжкий груз своих сомнений и страхов. — Все началось, когда нам отрезали волосы... я сказала — не хочу нос, пусть вылечат Сюзи.

— Господи, — охнула Бет. — И чего же он с тебя за это потребовал?

— Ничего, — сквозь слезы пробормотала Тэри. — Но я не знаю, вылечили они Сюзи или нет. Маг должен был туда поехать... но разбойник показал мне монетку...

Путаясь и всхлипывая, она рассказала наставнице и о полузабытой встрече в саду, и о странном поведении коменданта.

— А после того раза он с тобой больше ни о чем таком не заговаривал? — пытливо заглянула в заплаканное личико воспитанницы Бетрисса, припоминая странности, которым своевременно не могла найти объяснений.

Особенно невероятную ловкость воспитанницы при прохождении проходов вредного пенька, как они дружно звали между собой загадочный лабиринт. Разбойник загонял их туда еще три дня, и каждый раз результат был один и тот же — первой выходила Тэри, даже если шла самой последней.

— Я и сама не знаю, почему так получается, — расстроено оправдывалась она в ответ на шуточные обвинения подруг в утаивании секретного слова, которым можно задобрить пенек. — Просто иду и иду, никуда не сворачивая.

Тогда Бетрисса сочла это простым везением, хотя до этого особой удачливостью Тэрлина не отличалась. Смешно назвать везучей девушку, которую к ее годам ни разу не пригласили на свидание и не подарили хоть одного цветочка. Полевые букеты, собранные сельскими детьми, не в счет.

— Нет. Смотрит сквозь меня и усмехается, да ты и сама видела, привычка у него такая.

— Тэри... а ты сама как к нему относишься?

— Я его боюсь, — виновато призналась ее светлость. — Меня вообще настораживают люди, которых я не понимаю. А как я должна относиться?

— Ну вот, например, Кателла... ей он очень нравился.

— Боюсь, он всем нравится, — бледно улыбнулась Тэрлина с неожиданно взрослой, женской печалью. — Но я запомнила слова, которые Окти сказала Кателле. Нельзя делать больно подругам, с которыми потом придется делить и тайны и опасности.

— Я должна радоваться и гордиться тобой, ты выросла такой честной и справедливой, — невесело вздохнула Бетрисса, достала пудреницу и принялась приводить в порядок лицо воспитанницы. — Но за тебя мне особенно тревожно и больно. Что-то он темнит, наш изверг, особенно с Сюзи. Если ты разрешишь, я сама спрошу... тайком, разумеется.

— Спасибо, Бет. — Тэри немного помолчала, раздумывая, виновато глянула на наставницу и твердо отказалась: — Но лучше не делай этого. Подожду приезда ее величества. Если и она ничего не скажет, значит, я потребовала непомерно большое желание, и нужно стараться служить ей так, чтобы заработать здоровье для Сюзи.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой придворных господ ждут

выяснения отношений, надежды и разочарования,

а также неожиданные подарки судьбы

— Ну вот зачем тебе понадобилась та раковина? — раздосадованно ворчал Мишеле, в нетерпении метавшийся впереди приятелей по чисто выметенной дорожке из бело-розового ракушечника. — Из-за нее упустили девушек.

Итель неторопливо шагал к летнему дворцу, разглядывая свой трофей и не обращая никакого внимания на эти обвинения. Ну проворонили они момент, когда фрейлины ушли с пляжа, так ведь сразу договаривались, что идут просто купаться. Хотя глупо спорить, идея выйти из павильона одновременно с девицами была весьма неплоха. Даже если не надеяться на знакомство, можно рассмотреть их поближе и попытаться подслушать разговоры. Нет, девичьих тайн ему не нужно, избави боги от головной боли. Но имена, титулы...

Итель был знаком со многими знатными семьями Тальзии, в одних служил учителем мечного боя, с другими встречался на турнирах, куда его вот уже четыре года приглашают как судью. Не может быть, чтобы он никогда не встречался ни с одной из таинственных незнакомок или хотя бы с их братьями, кузенами.

— Как только прибудет обоз, я назову вам не только имена и возраст наших недотрог, но и размер их приданого, — словно угадав мысли Ительниза, пообещал Тимуальд. — Хотя уверен заранее, ни одна из этих фрейлин не входит в число самых завидных невест.

— А зачем мне нужно знать про ее приданое? — едко огрызнулся рыжий шутник. — Я пока жениться не собираюсь. А если и решусь, то на девушке, а не на ее деньгах! Это вы как с ума посходили, все меряете количеством сундуков и коровников, а потом жалуетесь на плохой нрав жены.

— Какой жены? — возмутился Тимул. — У меня пока даже невесты нет!

— Будет, — зло пообещал расстроенный Мишеле. — Она уже тебя где-то ждет, твоя пышногрудая мечта со стадом из тысячи коров, тремя маслобойнями и тридцатью тысячами золотых.

— Ты сегодня невыносим, — обиделся блондин. — И было бы из-за кого! Из-за каких-то высокомерных выскочек! Как будто сам не знаешь, через месяц они станут покладистыми, как объезженные кобылки, и будут по первому знаку прибегать в любую спальню.

— Тимул, — граф Хангро остановился и резко повернулся на каблуках, оказавшись лицом к спутникам, — а тебе известно, кто учил меня обращаться с оружием?

— Ты уже всем уши об этом прожужжал, — примирительно буркнул граф Бризен, — но я не вижу повода...

— Зато я вижу! И если ты не смолкнешь сам, то я тебя заткну. Сталью.

— Все, смолк! Но ты все-таки не прав... они по тебе потоптались...

Негромко лязгнул вытасченный из ножен кинжал, и Итель вмиг забыл про роскошную, завитую в рог раковину, за которой нырял в подводные расщелины. В одну секунду оказался рядом с другом, крепко стиснул его вцепившиеся в рукоять пальцы, заглянул в веснушчатое лицо:

— Миш!

— Я ведь его попросил!

— А теперь я тебя прошу!

— Он назло...

— Я сам ему скажу! А ты убери оружие на место и иди вперед. И не спорь, королева нас не простит, если по приезде обнаружит тут свеженький труп. Ведь выбросить его в море стража не позволит — уверен, они уже следят за нами со всех башен.

— Умеешь ты испортить настроение. — Мишеле с демонстративной небрежностью не глядя швырнул кинжал в ножны и, разумеется, попал, за пять-то лет наловчился обращаться с оружием.

— Тимул, — устало глянул на спутника барон Габерд, — пугать и бить тебя я не собираюсь. Но если услышу еще хоть одно злобное замечание — просто выведу из Беленгора и прикажу больше не пускать.

— А ты имеешь право? — прищурился блондин.

— Ну ты же отлично знаешь, что я наставник принца? Поэтому могу выставить отсюда всех, кого сочту недостойными общения с ним. И чтобы ты не придумал какой-нибудь новой сплетни, скажу по секрету — это не приказ королевы, а мое условие.

Барон Ительниз Габерд со своим рыжекудрым другом уже скрылись за поворотом дорожки, укрытой аркой пышно цветущих вьющихся роз, а граф Бризен все не двигался с места, злобно кривя пухлые губы и стискивая в бессильной ярости кулаки. Его недавний попутчик был прав: не стоит задевать, хотя бы невзначай, саму королеву и принцев или преданных им людей. Ее величество с каждым годом все строже наказывает сплетников и любителей позлословить, с

мужской прямолинейностью причисляя их к числу врагов королевства, а не своих собственных.

Значит, придется помалкивать и удовольствоваться ролью приглашенного из милости, сделал вывод Тимул и от расстройства зло пнул ближний куст, мстительно осыпавший его дождем алых лепестков. Плюнул на ни в чем не повинное растение и поплелся прочь, мрачно размышляя, стоит ли оставаться тут или все же лучше вернуться в столицу. Там он, по крайней мере, всегда желанный гость в тех домах, где любят первыми узнавать свежие новости и сплетни.

Вправленный в кольцо камушек мигнул и залился ровным сиреневым сиянием. Получивший этот знак мужчина облегченно выдохнул, достал рожок и три раза дунул, отдавая обозу приказ встать на привал. Кареты и повозки замедлили движение, начали разворачиваться в сторону реки, на берегу которой высланный вперед отряд егерей уже расставил шатры и палатки, огородив часть рощицы стальной паутиной, закрепленной на стволах и кольях. Те, кто никогда не видывал подобных сетей, легко могли принять их за рыбацкие, настолько тонкими и мягкими казались серые нити, изготовленные в подгорных мастерских гномов.

Еще не так давно жители полуострова и не подозревали о существовании подобных чудесных вещей, гномы никогда не имели привычки делиться с людьми своими секретами. Однако пару лет назад коротышкам все же пришлось расщедриться, и никто, кроме королевы и ее тайного советника, не знал, что благодарить за это нужно придворного мага. Именно Годренс посоветовал ее величеству проверить старинный договор, заключенный с гномами одним из давно ставших историей королей. Советники Зантарии, тщательно изучив пожелтевший свиток, обнаружили двояко читавшуюся каверзную оговорку, позволившую хитрым коротышкам беспрепятственно завладеть всеми богатствами, таящимися в недрах Синих скал и Северного хребта.

Разбирательство затянулось, но в конце концов гномам пришлось уступить очевидным выводам, и вот уже второй год королевские склады пополняются предметами и механизмами, о которых ранее жителям Тальзии не приходилось и мечтать.

Проехав через узкий проход в сетях, неприступных для любых зверей и нечисти, Дирард спешил к принадлежащей магу палатке серого цвета. Полог сам приподнялся перед ним, впуская внутрь, и так же самостоятельно закрылся, разом отсекая от духоты и шума бивуака.

— Садись, — кивнул на походный стул Годренс, полулежащий в низком кресле перед плавающим в воздухе туманным облачком, в котором мелькали какие-то тени. — Хочешь холодного чая или горячего?

— Холодного. — Граф подхватил появившуюся перед ним кружку и пригубил кисловатый травяной настой. — Все спокойно?

— Да... кроме меня.

— А с тобой что? — настороженно сощурился граф.

— Меня все сильнее тревожит твое поведение.

— Год... Мы же договорились. Не нужно лезть мне в душу.

— Я никому не лезу в душу. Но ты ведешь себя нечестно. И со мной тоже. Почему ты никому не сказал о ее способностях? Если бы я сам случайно не услышал, как она поет, мог бы и дальше ломать голову над странным поведением гнезда.

— Она пела? — Голос тайного советника ее величества по делам безопасности стал тих и бесцветен. — И кто еще слышал?

— Да все кадетки! Только Фаньи не было.

— Ну и что ты об этом скажешь? — Лицо графа снова было равнодушно и непроницаемо.

— Ничего особого. Родства с русалками и оборотнями у нее нет, ведьминских способностей — тоже.

— Ну и?

— Что «и»? Ты ведь этого боялся? Что она ведьма и потому так на тебя действует?

— Ничего я не боялся. И действие не настолько сильное, чтобы я не мог его преодолеть. Но оно есть, и мне хотелось бы знать, какие сюрпризы оно может преподнести.

— Так ты только поэтому был против контракта с ней? — прищурился Годренс, пристально рассматривая друга, потом укоризненно буркнул: — Лукавишь, Рад. Это была не единственная причина. А сюрпризов, скорее всего, никаких не будет. Маркиза ведь не деревенская сиротка, выросшая без присмотра, как лопух. В нее вложено столько усилий ее родителей и воспитателей, что чувство долга и справедливости в ней намного сильнее, чем присущий всем людям здоровый эгоизм и самозащита. Ты и сам помнишь, кроме нее, никто ничего не попросил для родни, хотя у всех есть дома какие-то беды. Не хмурься, я и сам знаю, что девушки не забыли про свои семьи, просто отложили на будущее.

— Тогда я спокоен, — гибко поднялся со стула граф и тотчас разъяренно зашипел, опущенный на место воздушной лианой. — Год! Что за шутки?

— Это не шутки, а вынужденная необходимость. Иначе мы так никогда и не доведем этот разговор до конца. Ради шутки я не стал бы тратить энергию. Я вместе с тобой отвечаю за безопасность кадеток, а как мне, скажи, это делать, если у девушек в душах шторма и грозы? Сегодня она плакала... Бетрисса вызвала воспитанницу на откровенный разговор, заметила, что с ней неладно. Вот в тот момент я с изумлением узнал про какую-то монетку и сразу вспомнил, а не та ли это, из которой я по твоей просьбе сделал амулет поиска с прядью волос в тайничке? Тогда я беспрекословно принял твои пояснения, хотя и с некоторым сомнением, но теперь подозреваю, что меня провели, как деревенского пастушка. И начинаю думать, не пора ли сообщить обо всем ее величеству. Иначе, боюсь, позже она не поверит, что я не действовал заодно с тобой.

— Ты все понимаешь не так, — помолчав, сухо возразил граф, — но ничего объяснять я не буду. Пока не могу. И не смей беспокоить подобными предположениями королеву, она и так извелась от тревоги за мальчишек. А сейчас лучше скажи, почему песни маркизы так действуют на людей?

— Разлом, — хмуро пояснил Годренс. — Первая волна была так сильна, что накрыла всех. Кого сильнее, кого слабее — сейчас неизвестно. Именно тогда на континенте появились выпни и полуденницы, русалки, мавки и древни. Ну и, разумеется, маги всех мастей, от магистров плато до оборотней, леших и ведьм. Впрочем, это ты и сам знаешь. Так вот, хотя основная

волна прокатилась по континенту на юг, часть легкой энергии выбросило и через горные хребты. У всех, кто имел хоть крохотные способности к магии, этот поток вызвал всплеск совершенно непредсказуемых умений или отклонений. И теперь можно лишь гадать, от кого из предков Тэри досталась столетия дремавшая способность к чарующему голосу. Причем проявляется она, как я понял, исключительно в те моменты, когда у девушки соответственный настрой души. В прошлый раз она пела балладу о русалке, и рыдали все кадетки, даже у меня скребло на сердце, хотя я защищен амулетом учителя. Вот если бы я мог спросить у него, возможно, знал бы больше, но ты же не позволишь к нему обратиться?

— Как будто сам не знаешь, — хмуро блеснул золотом глаз тайный советник. — Враги королевы и из-за одного тебя изошли на яд, не устают вопить про указ, запрещающий на полуострове магию, пророчат и королевству и королеве страшные кары за его нарушение. А маги плато, насколько я знаю, тайком ничего делать не будут, им нужно всеобщее признание их полезности и безопасности. Нет, сейчас это невозможно, Зантария не вынесет новых нападков и обвинений в нарушении традиций, она и так измучена последними событиями.

— Поверь, я хорошо это понимаю, — убирая с друга лиану, с досадой буркнул дроу, — но своего мнения не изменю. Ты мог бы сберечь мои усилия и еще три месяца назад рассказать правду, ведь я тебя никогда не предаю.

— Знаю и очень ценю. Но прости, Год... я хотел разобраться сам.

— И как, разобрался?

— Думаю, да, — безразлично кивнул Дирард и спокойно вышел из палатки.

Маг проводил его насмешливым взглядом и задумался. Поверить равнодушию друга он и не подумал, и не только собственная пронизательность была тому виной. Грел запястье накалом чужих эмоций подаренный учителем амулет ментальной защиты, сделанный в виде простенького браслета. Жаль только, возможности различать, какие именно это были эмоции, амулет не имел.

Крохотный колокольчик, предупреждающий о приходе гостей, еще не отзвенел, а над Годренсом уже навис граф Шаграйн. И ни в его взгляде, ни на недавно бесстрастном лице больше не было и следа равнодушия.

— Кстати! Ты меня запутал, и потому я сразу не сообразил — а как ты мог слышать ее разговор с Бетриссой, если все утро ехал в карете принцев?

— Ты не забыл, что они ускакали вперед верхом, оставив меня в одиночестве? — кротко осведомился маг, стараясь не ухмыляться и не морщиться. Ощущающий эмоции браслет грелся все сильнее.

— Всего на час! И за этот час мы нигде не останавливались, поэтому уйти порталом ты не мог, да и магию все время экономишь! Значит, у тебя все-таки есть способ подслушивать их разговоры... или даже подглядывать?

— Рад, ты пытаешься обвинить меня во лжи? — нахмурился Годренс.

— Нет, в недомолвках. И вовсе не обвиняю, всем известно — дома дроу хранят родовые секреты даже от своих соотечественников. Но мне достаточно одного намека... просто моргни, есть у

тебя возможность за ними присматривать?

— Нету. Такой, о которой ты говоришь, нет ни у кого из друу, — сухогато отказался маг. — А кадеток я видел, когда ходил туда. Сделал привязку на свою пирамидку, не очень удобный способ, но требовалось поработать с защитой Беленгора. Там у меня уже установлены по периметру дополнительные камни усиленного купола, но заранее подключать их в одну сеть я не стал, берег накопители. А сегодня решил запустить полную защиту, утром в поместье приехали первые гости, к вечеру добавятся еще... не хочется потом проверять все их сундуки и баулы.

— Извини, — отступил Дирард, и браслет на руке мага начал понемногу остывать, — я неверно понял. Но теперь меня волнует другой вопрос: если нужно будет, ты сумеешь увести мальчишек в безопасное место прямо из кареты?

— Разумеется. А на кадеток я ходил смотреть не из любопытства, хотелось проверить, как они справляются с придворными ловеласами. Ты же знаешь этого шута Мишеле... ни одной юбки не пропускает. Да и у Тимула репутация не лучше.

— Ну и как? — прищурился советник.

— К тому времени кадетки уже сидели на пляже, но судя по мрачной роже Мишеле, отпор он получил довольно весомый.

— Ты прошел на женский пляж?

— Чему ты удивляешься? Я же сам ставил охранные заклинания, на меня они не реагируют. Но девушек смущать не стал, накинул полог невидимости.

— Год!

Браслет на запястье вмиг нагрелся, и только теперь маг заметил свирепые молнии в карих глазах друга, временами выцветающих до цвета золота.

— Ого! — изумленно присвистнул друу. — Да ты ревнуешь!

— Не говори глупостей. Просто подсматривать, когда девушки купаются, по меньшей мере непристойно.

— Да? — едко осведомился обиженный маг. — Неужели ты думаешь, мне интересно смотреть на своих клиенток после того, как я сам выбрал для них в атласе новые тела? И сначала воссоздал в своем воображении магический макет, а потом перенес его на пациентку, постепенно подгоняя ее тело под нужные параметры? Ну да, маркизе не пришлось почти ничего править, она очень ладно сложена, но я-то знаю, какому типу она соответствует.

— Вот теперь мне наконец ясно, почему я никогда не мог полностью довериться лекарям, — огрызнулся граф и шагнул к выходу. — И обиднее всего, что даже ты, принимаясь за целительство, становишься таким же бездушным и грубым.

С треском протиснулся через не успевший распахнуться полог и исчез в сиянии полуденного солнца.

— Это что же такое сейчас было? — неверяще помотав головой, потрясенно пробормотал Годренс. — Он меня еще и обвинил в черствости?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

несущая кадеткам новые встречи,

впечатления и заботы

На обед Тимул пришел немного позднее спутников. Словно в задумчивости, прошел мимо выбранного ими стола и устроился у окна. В просторной столовой со стоящим посередине длинным королевским столом хватало и таких уютных уголков, полускрытых занавесями и вазонами с цветами, какие обожают занимать юные парочки и любители обсудить за обедом какую-нибудь неотложную проблему.

Мишеле едко усмехнулся вслед блондину — никто не собирался спорить с его выбором. Но, сядя в стороне от недавних приятелей, граф ясно показал, что более не находит их подходящей для себя компанией. Ну, значит, так тому и быть.

Ительниз отнесся к поступку Тимула абсолютно равнодушно. Его сейчас больше всего заботили перемены, произошедшие в зале для тренировок, традиционно расположенном в подвале. В этих местах, где все население после полудня ищет прохладу и тень, заниматься изучением вечного дела и рукопашного боя можно лишь глубоко под домом. Особенно если там устроен небольшой сквознячок, пролетающий над бассейном с холодной водой.

Именно такой тренажерный зал был оборудован под Беленгором. Вернувшись с пляжа, барон спустился туда проверить, все ли готово к приезду принцев, и с досадой обнаружил, что зал уменьшился почти на треть.

Нет, хуже он не стал, наоборот, добавилось несколько новых, явно гномьих устройств для отработки силы удара и тренировки внимания. Да и дорожка для пробежки, проходившая вдоль стен, стала не короче, а длиннее за счет появившегося второго яруса, взбираться на который нужно было по веревочной лесенке либо по канату. Но не хватало прежнего простора, когда в разных углах могли заниматься, не отвлекая друг друга, не менее десятка человек.

Разумеется, новый тайный советник королевы никогда не допустит туда никого из придворных одновременно с принцами, это Ительниз прекрасно понимал. И более того, был с такими правилами полностью согласен, имея на то не одну вескую причину. Но и отказать знатным клиентам в заранее обещанных тренировках тоже не мог, отлично понимая, сколько врагов этим наживет.

Поначалу, обнаружив изменения, Итель решил, что часть зала отгорожена именно для занятий знатных гостей, но после того, как почти час безрезультатно пытался отыскать туда вход, вынужден был признать свою ошибку. Кто-то сделал все возможное, чтобы чрезмерно любопытный или случайно заблудившийся гость никаким образом не смог попасть туда, куда его не звали. И это встревожило барона не на шутку, более всего он не любил лабиринты, мрачные потайные ходы и странные тайны.

Фрейлины появились в проеме широко распахнутых дверей живописной толпой, вмиг заставив забыть про всякие подвалы. В этот раз на девушках не было никаких вуалей, и светлые муслиновые платья с довольно открытыми декольте и обнаженными выше локтя руками позволяли сполна оценить всю прелесть ухоженной кожи и изумительных фигурок. Рядом еле слышно потрясенно присвистнул Мишеле, и барон с неудовольствием осознал, как легко любому, кто наблюдает за ними со стороны, разгадать, ради чего друзья сели лицом к дверям. Но эта здравая мысль тотчас пропала, смытая волной абсолютно неосознанного, первобытного восторга охотника, внезапно оказавшегося перед редкостной дичью.

Только боги знали, насколько поразили барона на миг приостановившиеся на пороге девушки и каких усилий стоило ему сохранить внешнее спокойствие. Да Итель и под страхом казни никому бы не признался, как сильно ему хотелось вскочить из-за стола и устремиться им навстречу, разглядывать, улыбаться самыми обворожительными из всего арсенала своих улыбок, говорить комплименты и исполнять желания. До этого момента барон Габерд даже не подозревал, что сдержанность, которой он всегда так гордился, может в один момент рассыпаться от одного лишь взгляда на толпу юных фрейлин.

И это было бы не так сокрушительно и досадно, если б Итель был застенчивым зеленым юнцом, никогда не видевшим красавиц ближе протянутой руки и не умевшим понимать и исполнять их желания. Но барон Габерд давно уже умел разбираться в женщинах и смотреть на них со снисходительным спокойствием.

Тем обиднее оказалось обнаружить в глубинах собственной души наивного дикаря, способного в один миг развеять хладнокровие и стойкость опытного воина и заставить его почувствовать себя восторженным жеребчиком, готовым носиться по лужайкам с задраным хвостом.

Тихо переговариваясь о чем-то легкомысленном, фрейлины безмятежно шли мимо, не замечая ни самих господ придворных, ни их загоревшихся глаз и предвкушающих улыбок. Не разглядели они и стиснутых губ Ительниза, упорно пытавшегося вернуть себе привычное спокойствие, но так и не сумевшего отвернуться от уходивших к накрытому столу девушек.

Не сдававшийся в этой внутренней борьбе с собственными инстинктами барон следил за ними с непонятной самому надеждой и мысленно ставил на тех девушках, которые так и не удостоили его взглядом, огромные, как надгробие, камни. Две смутно похожие лунные блондинки, золотоволосая синеглазка, русая красавица, уверенно озиравшая столовую стальным взглядом, изящная шатенка с загадочно-зеленоватыми омутами глаз и кудрявая, хрупкая, как фарфоровая кукла, брюнетка, с любопытством рассматривавшая висевшие по стенам натюрморты.

Они уже почти прошли мимо него, и сердце барона неожиданно кольнуло острое разочарование, заставив крепче стиснуть зубы и напомнить себе собственный девиз — никого не просить и никогда не сдаваться.

И в этот миг брюнетка вдруг приостановилась, глянула прямо на него и неуверенно пробормотала:

— Барон Габерд?

— Мы представлены? — Итель мгновенно поднялся с места, шагнул к ней, чувствуя, как жарко вспыхивает в груди почти угасшая надежда.

— Вы бывали на чаепитиях у моей тетушки, баронессы Мелонии Шлинье, урожденной Зайбер, — глядя прямо в душу барона огромными прекрасными черными глазами, учтиво пояснила она и застенчиво улыбнулась: — Я маркиза Кателла Зайбер.

— Простите, ваша светлость, мою прискорбную невнимательность, но вы... — Ительниз на миг запнулся, вовремя сообразив, что едва не произнес банальный комплимент, какие принято говорить в подобных случаях. Но на этот раз он оказался бы чистой правдой. Теперь барон смутно припомнил невзрачную девицу в старомодном, закрытом под горло темном платье, старательно развлекавшую немолодых подруг баронессы Мелонии короткими басенками, и уверенно закончил: — Я был почти уверен, что ошибаюсь, принимая за вас незнакомую мне

даму. Простите милосердно. Возможно, вы помните, покойный барон Шлинье был мне двоюродным дядюшкой, и именно ради памяти о нем я стараюсь не оставлять его вдову. Позвольте проводить вас...

Он подхватил девушку под руку и повел к столу, плетя всякую несущественную ерунду, позволительную при таких вот случайных встречах, но видел лишь ее глаза и несмело разговаривающую улыбку, согревающую его сердце незнакомым, но уже желанным теплом.

Путь до стола оказался безжалостно кратким, и развитие их старого знакомства могло пойти двумя путями. Но только в данный момент, позже барон непременно нашел бы способ оказаться с ней рядом. А пока все зависело лишь от решения Кателлы. Сочтет ли она нужным представить Ительниза своим подругам или просто коротко поблагодарит и отпустит его руку, в один миг отняв неожиданно обретенную радость.

Настроение барона мгновенно испортилось: судя по неприступности их светлостей, надежды на знакомство с ними у него нет. Впрочем, отныне никто из них, кроме маркизы Зайбер, его больше не интересовал, Ительниз привык раз и навсегда отсекал от себя все ненужное.

— Позвольте представить вам моих подруг, — застенчиво улыбнувшись, произнесла Кателла, даже не представляя, какой благодарностью вспыхнуло в этот миг сердце ее спутника.

— Почту за честь. — Он крепче прижал к себе локтем ее ладошку, предупреждая, что теперь выбор за ним.

Барон вовсе не намерен был брести вокруг стола, поочередно целуя протянутые в знак знакомства ручки красавиц, хотя именно это и предписывал строгий этикет. Но в этот раз он собирался воспользоваться лазейкой, позволяющей ограничиться вежливым поклоном, если представляемые дамы уже приступили к трапезе.

— Позвольте представить вам барона Ительниза Габерда, — обратилась Кателла к подругам, выждала положенные пять секунд и начала церемонно перечислять громкие имена: — Герцогиня Октябрина Сарнская... герцогиня Августа Сарнская... княжна Дореня Марьено, маркиза Тэрлина Дарве Ульгер, герцогиня Бетрисса Лаверно.

В ответ на учтивые поклоны барона девушки дружелюбно кивали и открыто улыбались, великодушно прощая гостю нехитрую уловку.

— Не желаете ли присоединиться к нашей трапезе? — учтиво пригласила нового знакомого герцогиня Бетрисса, и не подозревая, что как раз в этот момент он упорно пытается отыскать ее имя среди родственников Тайвора Лаверно.

Сам барон не был лично знаком с умирающим от неизлечимой болезни герцогом, но несколько лет встречал на приемах и балах его племянников, известных задир и наглецов. Даже около месяца был учителем одного из них, пока не выяснил, что оплачивать его работу юный герцог намерен долговым обязательством под ожидаемое после кончины дядюшки наследство.

Итель швырнул им в лицо их бумаги и ушел, забрав в уплату единственное, что принадлежало лично уже бывшему ученику, — старинный кинжал с эмблемой рода. Разумеется, пользоваться им барон не собирался, да и не по его руке было это оружие, просто намеревался позже обменять на честно заработанные монеты.

За столом Ительниз вел себя непринужденно и учтиво, успевая ухаживать за всеми сотрапезницами сразу, но ни на миг не упуская из виду сидевшую рядом маркизу Зайбер,

пополняя ее стакан и тарелку с непреклонностью бонны. Одновременно со всеми этими заботами барон с присущей только опытным воинам бдительностью исподволь приглядывал за фрейлинами, не желая пропустить того момента, когда кто-то из них захочет вонзить в Кателлу ядовитую шпильку. Знал по опыту: ни одна прелестница не стерпит, если мужчина, который ей совершенно не нужен, уделяет особое внимание кому-то другому. И заранее готовился показать всем раз и навсегда, что сидящая рядом брюнетка теперь под надежной защитой.

Однако обед подходил к концу, девушки уже принялись за десерт, и барон поневоле задумался, кажется ему или они и в самом деле ведут себя как-то неправильно? Обычно дамы, в чьем обществе ему доводилось обедать, в перерывах между блюдами смакуют последние столичные сплетни, язвят по поводу попавших в пикантное положение подруг и жарко обсуждают модные фасоны. А вот его сотрапезницы никаких сплетен не вспоминали и даже о драгоценностях не сказали ни словечка, хотя у каждой на шее и запястьях посверкивали камнями старинные украшения. Были они и у герцогини Лаверно, хотя Итель знал доподлинно — все ценности, какие у них имелись, родственники его неудавшегося ученика давно продали и заложили.

Но самым странным оказалось совершенно иное. К концу обеда у барона непонятно почему возникло давно забытое ощущение тепла и покоя. Он словно вернулся на пятнадцать лет назад, в старинный родительский дом, где за столом собиралась немалая семья. Кроме него, родителей и братьев там жила еще куча бабушек и дедушек, тетушек и кузенов. То были прекрасные времена, и память об уюте и доброжелательности семейных обедов и вечеров он свято хранил в тайниках своей души.

Это удивительное чувство было невероятно приятным и вместе с тем слегка настораживало своей невозможностью. Барон все внимательнее присматривался и прислушивался к хорошеньким фрейлинам и все сильнее осознавал, что ничего не понимает. К концу обеда девушки все чаще бросали на его соседку осторожные взгляды, но виделась в них вовсе не зависть и не досада. Наоборот, барон ясно рассмотрел мелькнувшие в выразительных глазах маркизы Дарве Ульгер сочувствие и жалость. Потом случайно поймал такой же взгляд герцогини Лаверно и, покосившись на Кателлу, с неудовольствием рассмотрел на ее губах тень виноватой усмешки.

Недобрые подозрения зашевелились в душе барона, и он мгновенно нашел способ их проверить. Подцепил лопаточкой кусочек нежного земляничного десерта, положил на тарелку маркизы и мягко, ободряюще ей улыбнулся. Девушка взмахнула роскошными ресницами, поднимая на Ительниза взгляд, и он тотчас задохнулся от нахлынувших чувств, на несколько мгновений утонув в счастливом сиянии черных глаз. А когда опомнился и оглянулся на фрейлин, они уже отодвигали от себя приборы и поднимались из-за стола.

— Мне нужно идти, — вспыхнув жарким румянцем, прошептала Кателла, и барон немедленно поднялся из-за стола, подавая ей руку:

— Мне позволено будет вас проводить?

— Разумеется, — ни капли не кокетничая, доверчиво вложила она тонкие пальчики в его мозолистую ладонь, привычную больше к рукояткам мечей и пик, и сердце Ительниза снова обожгло неведомой прежде нежностью.

До второго этажа они добрались в полном молчании, наслаждаясь теплом сомкнутых рук, но перед егерем, стоявшим на страже у следующей лестницы, Кателла остановилась и попыталась осторожно высвободить пальцы.

— Мы живем выше.

Это было неожиданное известие, и оно очень многое сказало барону Габерду. На третьем этаже, где располагались покои королевы и принцев, тайный советник выделял комнаты только самым проверенным и преданным ее величеству людям.

— Я тоже, — мягко улыбнулся Итель и повел девушку наверх мимо даже не шелохнувшегося воина.

До просторного светлого зала, по южному обычаю делившего покои для самых важных гостей на мужскую и женскую половины, барон вел свою спутницу так неспешно, словно она впервые поднялась с постели после тяжелой болезни. А добравшись до ступеней последнего пролета лестницы, и вовсе начал останавливаться на каждом шагу, развлекая маркизу смешными случаями из жизни своих неуклюжих учеников.

Словно не замечая этой хитрости, Кателла покорно останавливалась вместе с ним, внимательно слушала байки и награждала рассказчика веселым смехом. Барон уже начал надеяться, что время послеобеденного отдыха они проведут вместе, в этом самом зале.

Стройные колонны поддерживали круглый купол свода, и несколько прорезанных в нем украшенных красочными витражами окон проливали вниз свет, расчерчивающий кедровый паркет причудливой разноцветной мозаикой. Между колоннами в серебряных бочках и мраморных вазонах цвели редкие южные лианы, кустарники и карликовые деревца, наполняя воздух тонким, сладковатым ароматом. Эта маленькая оранжерея служила обитателям верхнего этажа общей гостиной или столовой, а иногда и местом любовных встреч, и не найти было во всем поместье более удобного места для первого свидания. Сюда не могли заглянуть любопытные гости и никогда не приходили без вызова ни бдительные егеря, ни вездесущие слуги.

Высокие застекленные двери открывались на широкие крытые балконы, где были расставлены кресла и столики для тех, кто пожелает во время завтрака или чаепития наслаждаться прекрасными видами. Вот на северный балкон, где в это время дня было прохладнее всего, Ительниз собирался увести брюнетку, и вовсе не для того, чтобы склонить к объятиям или поцелуям. Впервые в жизни барон истово боялся обидеть или оттолкнуть чрезмерной поспешностью очаровавшую его девушку, хотя обычно действовал со всей прямоотой воина, не привыкшего тратить время на долгие обходные пути.

Но в этот раз он намеревался всего лишь поговорить с Кателлой, расспросить ее о причинах, заставивших дочь знатного дома ступить на нелегкий и зачастую опасный путь фрейлины, и предложить ей свою помощь. А когда окончательно убедится, что маркиза не из тех спесивых дам, которые никогда не решатся выйти замуж за мужчину, не имеющего достаточного, по их мнению, состояния, зато не откажутся каждый вечер тайком прибегать в его спальню, барон Габерд преподнесет ей свой браслет.

Ступеньки наконец закончились, и Итель, более не мешкая, мягко, но уверенно повел маркизу в сторону балкона, однако теперь уже она шагала все медленнее, пока не замерла окончательно, пытаясь забрать у мужчины свою руку:

— Барон...

— Можете называть меня просто Ительниз, — привычно предложил он и тут же прикусил язык, проклиная себя за неосторожность.

Менее всего ему хотелось бы испугать маркизу какими-либо намеками на фривольные отношения. Да и таких отношений Итель тоже не желал, к своему собственному изумлению.

— Хорошо, — неожиданно согласилась она и, краснея, тихо предложила: — А вы можете звать меня Кателла. Все же мы знакомы почти три года.

«Три года?!» — едва не взвыл Габерд. Он знаком с этим чудом целых три года? И все это время мог бы сидеть на вечерах тетушки Мелонии рядом с Кати, как ласково называла, теперь-то он припомнил, свою двоюродную племянницу вдова. И не просто сидеть, а ловить девичьи улыбки, заглядывать ей в глаза, вдыхать аромат духов и касаться руки, передавая пирожные и чашки.

— Я был слеп, — глядя на девушку, произнес он вслух и вдруг почти воочию ощутил горечь скользнувшей по губам маркизы усмешки.

— Благодарю, — осторожно, но непреклонно высвободила она свои пальцы из его ладони и, пряча глаза, добавила: — Мне нужно идти, подруги ждут.

Вот как! Стало быть, обретенные недавно подруги для нее намного важнее и самого барона, и того волнующего, но пока несмелого чувства, все ярче разгоравшегося в его душе. Несомненно, она о нем догадалась, не могла не сообразить, Итель не старался скрывать ни восхищения, ни волнения, но ответить не пожелала. И хорошо еще, что вовремя дала об этом знать, он сумеет собрать в кулак свою волю и не наделать больших ошибок.

— Не смею задерживать, — отступив на шаг, церемонно поклонился барон и, пряча за упавшими на лоб волосами вдруг стиснувшую сердце боль, холодно добавил: — Всегда к вашим услугам.

Развернулся и четко пошагал прочь, желая оказаться отсюда как можно дальше и точно зная — выросшей среди знатных тетушек и кузин девушке трудно не понять значения его последних слов. Как и прозвучавшего в голосе едкого презрения, хотя сердцем Итель этого вовсе не желал. Она ведь не виновна, что глупый дикарь, бесследно сгинувший в глубинах подсознания, неправильно понял обычную учтивость знатной дамы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

несущая королевским кадеткам новые печали и загадки

— Кати?! — Бетрисса выглянула в зал как раз в тот момент, когда миниатюрная брюнетка, всем телом вздрагивавшая от горьких рыданий и полуослепшая от слез, неуверенно брела в сторону женской половины. — Что случилось? Он тебя обидел? Окти! Дора!

Выкрикнув этот призыв в сторону кадеток, присевших на расставленные по широкой галерее банкетки и кресла, старшина бросилась к маркизе, прижала ее к груди и повела к ближайшему дивану, успокаивающе поглаживая по плечам:

— Если ты сейчас будешь молчать, я не сумею тебе помочь. Никто не сумеет. А потом, боюсь, будет поздно. Судя по рассказам Октябрины, твой барон болезненно гордый и решительный мужчина, такие если уходят — никогда не возвращаются назад. Кати! Да не молчи ты! Дорога каждая секунда!

— Поздно... он уже ушел, — горько пробормотала Кателла и зашла в новом приступе рыданий.

— Я его убью, — кровожадно пообещала прибежавшая первой Дора.

— Потом. — Палец Бет указывал в сторону лестницы: — Сначала догони и приведи сюда. Окти, помоги ей, мы пока пойдем в свою гостиную... не нужно, чтобы кто-то увидел...

Она не договорила, но все и сами все поняли. Августа помчалась следом за сестрой, а Тэри подхватила Кателлу под вторую руку, и они тесной кучкой направились к своим покоем.

Ительниз дошагал почти до второго этажа, когда в спину ему ударил властный и холодный, как ледяное копьё, окрик:

— Барон Габерд! Будьте добры подняться сюда! У меня к вам срочное дело.

«Да какое мне дело до ваших дел!» — язвительно скаламбурил про себя Ительниз и сделал еще шаг вниз, но наверху едко произнесли:

— Боюсь, он струсит.

Эта чудовищная по несправедливости фраза заставила его сначала замереть, потом медленно развернуться и так же размеренно пошагать вверх. Обвинений в трусости он не прощал ни мужчинам, ни женщинам. Хотя наказывал их за оскорбление по-разному.

Фрейлины ждали его в полном молчании. Итель разглядел их, сестер Сарнских и княжну Марьено, едва свернув на последний пролет широкой лестницы с изящными резными столбиками перил, и теперь точно знал, кто осмелился бросить в него незаслуженное обвинение. Золотоволосая и синеглазая Дореня, сверлившая неторопливо шагавшего к ней мужчину таким злым взглядом, словно это не она так открыто улыбалась ему всего полчаса назад.

Итель пытался понять причину этой яркой злобы и не мог придумать никакого правдоподобного объяснения, ведь он не сделал этим блондинкам ничего плохого! Не оскорбил ни словечком, ни взглядом! Да и Кателле сказал только те слова, какие она пожелала услышать... хотя видят боги, все внутри до сих пор сжимается от острого ощущения потери. Так больно ему не было даже в тот черный день, когда погиб человек, сделавший для него почти столько же, сколько родители. Хотя тогда он считал, будто большее быть уже не может.

Он снова взглянул на ожидающих наверху сердитых фрейлин и вдруг с изумлением осознал странное обстоятельство, которого до сих пор не замечал. Все девушки стояли в классической стойке для рукопашного боя и очень правильно держали руки со сжатыми кулаками.

Мысли барона вмиг изменили направление, добавляя сделанное открытие в череду известных ему фактов и объединяя все их в одну, начинавшую проясняться картину. Совершенно невероятную и пока еще далеко не законченную, но почему-то позволившую ему вздохнуть свободнее. Теперь мужчина шагал дальше с серьезным намерением не отступить, пока не выяснит всю правду, но сначала требовалось успокоить блондинок.

И барон Габерд знал только один верный способ удержаться от пререканий с озлобленными женщинами — разговаривать с ними предельно учтиво и кратко.

— Я вас слушаю, — добравшись до верхней ступени, вежливо склонил голову перед их светлостями Ительниз, ожидая вспышки обвинений.

Однако, к его удивлению, ничего подобного не произошло, видимо, за эти мгновения фрейлины тоже успели взять себя в руки. И это как нельзя лучше вписывалось в картину, приоткрывающуюся перед бароном.

— Идите за мной, — предложила герцогиня Октябрина Сарнская, и мечник молча подчинился этому приказу.

Хотя еще минуту назад искренне клялся себе по доброй воле даже близко не подходить к дверям женской половины.

Темные кудряшки и тонкую фигурку маркизы Зайбер острый взгляд барона нашел мгновенно. Она словно была отмечена для него светящейся гномьей краской, как мишень для стрел. И так же молниеносно, по вздрагивающей спине отвергнувшей его маркизы, барон сообразил, чем она занята и почему герцогиня Бетрисса Лаверно, по-матерински приобнявшая подругу, успокаивающе поглаживает ее плечико.

Итель ринулся к рыдавшей девушке едва ли не прежде, чем все это осознал, в считанные секунды оказавшись рядом с ней.

— Почему она плачет? — обманчиво тихо, едва сдерживаясь, чтобы не зарычать, осведомился он у герцогини, даже на миг не засомневавшись, имеет ли право на этот вопрос. — Кто ее обидел?

— Это вас нужно спросить, — миролюбиво вздохнула Бет, уже успевшая осторожно выяснить причину расстройств Кателлы и сделать собственные выводы. — Именно вы довели девушку до такого состояния.

— Но я ничего... — скрипнул зубами Итель, разрываясь между двумя противоположными желаниями. Развернуться и уйти, чтобы не слышать несправедливых упреков герцогини, либо отобрать у нее Кати и утащить туда, где их не найдет никакая королева. В этот момент барон рассмотрел мягкий, сочувствующий взгляд Бетриссы Лаверно и через силу выдавил слова оправдания, которые никогда раньше не позволил бы себе произнести: — Она не пожелала со мной разговаривать.

Услышав это обвинение, Кати снова горько зарыдала, и Ительниз тотчас проклял свою неуместную разговорчивость.

— И чем она это объяснила? — огорченно глянув на подругу, кротко осведомилась Бетрисса. — Может, сообщила об условленной встрече с нами? А вам хотя бы на миг не пришло в голову, что это не просто отговорка и у нас действительно могут быть важные дела, о которых никто не должен знать?

Эти слова, сказанные мягким, доверительным голосом, хлестали барона, словно плеть палача, от которой невозможно ни укрыться, ни сбежать, но он и не пытался протестовать, лишь крепче сжимал побледневшие губы. И все яснее осознавал, насколько пока еще не полна сложившаяся у него картина.

— Не надо, Бет, — всхлипывая, взмолилась Кателла. — Он не виновен. Любой понял бы точно так же!

— Тебе не о нем волноваться нужно, — хмуро буркнула стоявшая рядом княжна Марьено, но Ительниз не стал ее слушать.

Он вообще не желал больше никого слушать и никому ничего объяснять. Основная часть картины и так уже сложилась, а детали... Он имел довольно опыта, чтобы знать, как мало они влияют на понимание любой ситуации.

— В тот момент ничего подобного в голову не приходило, — признался барон, посмотрев в укоризненные глаза герцогини, и совсем другим тоном добавил: — А теперь... вы позволите?

Бесцеремонно усевшись рядом с девушкой, так неожиданно перевернувшей всю его распланированную на несколько лет вперед жизнь, Ительниз решительно оторвал ее от герцогини и повернул лицом к себе.

— Кателла, я виноват... — Он на миг поднял взгляд на остальных фрейлин и порадовался их сообразительности: девушки почти бегом покидали комнату, которую он пока не удосужился даже рассмотреть. — Все понял неверно и на твоём месте никогда бы этого не простил. Но ты добрее, чем я...

— Я не имею права... — горько выдавила она и, виновато глянув в лицо Ительниза, обреченно опустила голову: — Еще три года... И говорить об этом тоже не должна, разбойник меня убьет.

— Счастье мое... — поверив ей сразу и окончательно, бережно коснулся губами девичьей щеки задыхнувшийся от нежности Итель, — не волнуйся. Во-первых, я сам убью любого, кто косо на тебя глянет, а во-вторых, готов ждать сколько угодно... скажи только, что тебе это нужно.

— Очень, — тихо выдохнула маркиза, пряча лицо у него на груди и даже не подозревая, какую бурю вызвало в суровой душе барона ее простодушное признание.

— Нельзя надолго оставлять их вместе, — рассуждала Октябрина, меряя шагами спальню Тэрлины, куда они так стремительно сбежали. — Кателла совсем растает. И нужно бы серьезно поговорить с ее бароном. Не в открытую, но намекнуть. Нам, конечно, просто повезло, что он относится к доверенным людям королевы, было бы стократ хуже, если бы она умудрилась влюбиться во врага. Но мы не можем знать, какие планы у королевы на нас, а какие — на него. Хотя, если судить по известным нам фактам, барона Габерда пригласили наставником к принцам и, значит, всецело доверяют. Кого попало, как нам известно, разбойник к их высочествам не подпустит.

— Я думаю, он уже что-то понял, — задумчиво кивнула Бетрисса, — и теперь у нас только два пути. Договориться с ним до приезда обоза или подождать, пока приедет королева и хоть что-то прояснит. Подходить самим к Фанье и разбойнику запрещено, если кто позабыл.

— Помним, — мрачно усмехнулась Августа. — И меня это ничуть не расстраивает. Нам и мага хватит, ведь это он подбросил письмо с расписанием, которое мы нашли перед обедом?

— И уже успели нарушить, — тихо заметила Тэрлина, посмотрев на часы. — Уже больше пяти минут, как мы должны были открыть потайной ход.

— На него нам отпущено десять минут, — оглянулась на гостиную Бет, — но мы попробуем управиться быстрее. Ты пойдешь первой, возможно, твой дар находить пути в лабиринтах нас спасет.

— Все, я иду к ним, — помаявшись еще минуту, предупредила Октябрина. — Иначе нам даже талант Тэри не поможет.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату несмело шагнула Кателла. Взглянула на подружка с сияющими глазами, еще хранившими следы недавних горьких слез, и улыбнулась так счастливо, что напоминать ей об опоздании не решилась ни одна кадетка.

— Он будет ждать хоть три года, — объявила она с порога и вдруг заволновалась: — А почему вы еще никуда не ушли? Могли бы сказать, что я заболела.

— Нам лучше опаздывать всем вместе, — не согласилась Бет, торопливо открывая дверь в гардеробную Тэрлины, — чем выяснять, чем тут лечат от опозданий нарушительниц королевских приказов.

— Тут написано: «Коснитесь камнем любого вашего украшения глаза дракона», — сверяясь с присланной в письме инструкцией, озабоченно пробормотала маркиза Дарве Ульгер и опасливо поднесла свое фамильное колечко к огненному пирогу, поблескивающему на свирепой морде черно-алого чудовища.

Единственный нашедшийся в их покоях дракон оказался мозаичным, выложенным из осколков мрамора и полудрагоценных камней на глухой стене гардеробной комнаты Тэрлины. Той самой, где они устроили место для тайных собраний.

Кусок стены вдвинулся вглубь, словно вмятый чьей-то огромной ладонью, потом плавно укатился вбок, открыв нетерпеливым взглядам кадеток ступени уходящей вниз лестницы.

— Я пошла, — зачем-то предупредила Тэрлина, поднимая выше уличный масляный фонарь, снятый ими с балкона, и скользнула в дыру, опасаясь лишь одного — чтобы потайная дверь вдруг не поехала на нее, запирая в этом узком проходе.

— Мы за тобой, — почувствовав нерешительность воспитанницы, подбодрила Бетрисса, пропуская вперед сестер Сарнских и Дору с Кати.

Самой ей предстояло найти на внутренней части стены рычажок и запереть проход.

— Рычаг слева возле десятой ступени, — раздался снизу спокойный голос Тэрлины, и Бет облегченно вздохнула: судя по тону, маркиза не ощущает от этого прохода никакого подвоха. Непонятно только, зачем она считает ступеньки?

Ответ на свой вопрос старшина нашла, добравшись до рычага, — на левой стене возле каждой ступеньки красовался жирно нарисованный номер. До десятой они были красного цвета, ниже — белого. Видимо, это предупреждение идущим снизу не подниматься выше, пока потайная дверь не откроется полностью, поняла Бетрисса. Прислушалась, нажала выступающую из стены металлическую ручку и проворно пошагала вниз за успевшими уйти за поворот подругами.

Как выяснилось, никаких ловушек и неприятных сюрпризов потайная лестница не имела, скорее наоборот. Ходить по ней было не сложно, не страшно и не душно. Через спрятанные за колоннами и различными наружными украшениями узкие оконца сюда проникали свежий воздух и достаточно света, чтобы можно было ходить днем без фонарей. А ниже первого этажа на потолке появились округлые стеклянные колбы с дорогим ведьминым мхом, испускающие мягкое зеленоватое сияние.

Дверь в конце лестницы тоже открывалась прикосновением камня, а за ней обнаружился

довольно просторный тренировочный зал. Прежде чем шагнуть внутрь, Тэрлина несколько секунд стояла на пороге, с привычной опаской оглядывая помещение. От разбойника можно было ожидать чего угодно: от внезапного появления его гибкой фигуры из какого-нибудь полутемного угла до летящих с самой неожиданной стороны капель воды или краски.

— Попад в незнакомое место, нужно не рот разевать, а всю работу ушами, глазами и мозгами, — насмешливо пояснял он каждый раз, когда удавалось застичь кадеток врасплох. — В чужих замках, домах и просто городах никто вас не ждет и не мечтает напоить горячим чаем с вареньем. Даже если это королевские замки. И не говорите мне, что там есть преданные королеве люди. Во-первых, никто из вас пока не королева, а во-вторых, их еще отличить нужно, этих истинно преданных, от тех, кто таковыми старательно прикидывается.

— Вроде никого, — пробормотала Октябрина, зачем-то принюхалась и осторожно двинулась в центр зала к стоящему под самым ярким светильником столу.

Девушки опасливо расходились в разные стороны, отлично помня еще одну присказку разбойника: «Если хотите облегчить задачу тем, кто в вас целится, тихо стойте кучкой. В кого-нибудь да попадет даже самый неловкий».

— Тут письмо от Годренса, — возвестила Октябрина, взявшая со стола знакомый конверт. Пробежала записку взглядом и поспешила успокоить подруг: — Сегодня никто не появится. А мы должны переодеться и изучить зал. Первая тренировка по расписанию завтра утром.

— Зря я так бежала, — расстроено вздохнула Кателла. — Могла бы сказать барону еще несколько слов...

— А вот сейчас ты не права, Кати, — тихо произнесла Бетрисса. — Приказы нужно исполнять, ведь мы не фрейлины, а кадетки. И если хотим выжить, то не должны об этом забывать. И надеяться на счастливую случайность не стоит. И еще. Я, безусловно, не имею права вмешиваться в твои личные дела, но и молчать не могу, ведь мы все в одной лодке. Поэтому постарайся не обижаться на мои слова, но у женщин есть святое правило никогда не выкладывать едва возникшему возлюбленному все свои мельчайшие секреты. Поверь, это весьма неосмотрительно, ведь ты пока ничего не знаешь о привычках барона и его характере. И не имеет никакого значения, сколько вы знакомы, думаю, знакомство было шапочным, и за три года барон едва ли перебросился с тобой парой ничего не значащих фраз. Обычное дело, все молодые господа стараются как можно быстрее улизнуть от пожилых родственниц, не утруждая себя разглядыванием их чинно сидящих за чайным столом гостей. Но вот ты... боюсь, не могла не обратить внимания на такого видного господина.

— Конечно, я его сразу заметила, — чуть покраснела Кати и вдруг заговорила быстро, взволнованно, как говорят лишь о чем-то выстраданном: — Но применила правило праздничных пирожных... у вас такого нет? А я однажды в детстве залезла на стул и съела почти все, потом мне было очень плохо. Маменька в наказание прочла длинную нотацию, но поняла я только одно: если ты чего-то хочешь, а брать его пока нельзя, надо повторять себе: «Это чужое, это чужое». Вот и барон... Все три года я твердила себе: «Это чужой мужчина» — и не смела даже мечтать о том, чтобы однажды он вдруг посмотрел на меня так, как смотрит сейчас. Да я и до сих пор не верю, но как будто кто-то свыше уже разрешил — теперь можно, Кати, бери.

— И тебя прорвало, — огорченно вздохнула Бетрисса. — Ну, нечто в этом роде я и подозревала. Поверь, я очень рада и за тебя и за него, найти свою половину очень нелегко. Но это только начало, теперь нужно проверить свои чувства, а потом еще и сохранить. Вам будет много

труднее, чем обычным влюбленным, спешить нельзя ни в коем случае, иначе не сумеете скрыть свою тайну от любопытных придворных, просто обожающих совать нос в чужие спальни. Да и королеве вмиг донесут.

— Вот за это можешь не беспокоиться, — с горьковатой едкостью засмеялась маркиза Зайбер. — Забыться и случайно переступить грань мне не грозит. И как я подозреваю, никому из вас — тоже. Он меня поцеловал на прощание, и это было... ну, в общем, у меня даже голова закружилась. И в тот же момент словно кто ледяной водой полил, все украшения разом стали обжигающе холодными.

— Вот как! — нахмурилась Августа. — А мы все гадаем, с чего разбойник так расщедрился, починил все наши драгоценности, да еще и камней добавил.

— Наверняка это королева приказала. Но он все равно мог бы предупредить, чтобы мы не волновались, — огорченно буркнула Дора.

— Насколько я поняла, — усмехнулась Бет, изучая подвеску с сапфирами, обнаруженную в шкатулке вместе с собственными скромными кольцами и брошью, единственными ценностями бывшей компаньонки, — разбойник предпочитает, чтобы мы сами находили верные ответы на наши вопросы. Правильно делает, Кати я всегда поверю больше, чем ему. И теперь ни за что не стану испытывать силу этих вещиц, мне достаточно слова подруги. Но время идет, а мы еще не нашли, во что можно переодеться. Не лазить же по лестницам в шелковых юбках?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

повествующая о невероятных событиях,

внезапно скончавшейся птичке и

неожиданных открытиях лучшего мечника Тальзии

— Теперь я понимаю, — жалобно ворчала Кателла, плетясь по лестнице за Тэрлиной, — зачем разбойник придумал все эти мостики, тросы и гномьи механизмы. Чтобы нам к вечеру даже думать про свидания не хотелось! Я сейчас мечтаю только об одном — добраться до кровати и не шевелиться до ужина.

— Я тоже, — откликнулась вполне согласная с ней Тэри и лишь ради справедливости заступилась за коменданта: — Но мы же сами решили все проверить! Чтобы завтра сразу найти ловушку.

В то, что разбойник неожиданно изменит самому себе и перестанет мазать краской, маслом или простой грязью перила, ступени и столбики, не верилось ни одной из кадеток. Впрочем, он открыто обещал научить их сначала думать, нужно ли хвататься за все, что попадает на глаза, потом проверять, нет ли неприятного сюрприза, и только убедившись в безопасности, протягивать руки.

— Остановка, — донесся сверху голос Бетриссы. — Я дошла до рычага.

Тэри облегченно выдохнула и замерла, опершись о стену. Обратный путь по узкому потайному ходу показался длиннее, чем несколько часов назад, ступеньки словно подросли и тянуло ноги, за три дня чуть отвыкшие от работы. Кроме того, приходилось высоко поднимать подол платья, ставшего весьма неудобным после привычной серой формы, найденной кадетками в умывальне.

Сейчас даже смешно вспомнить, как обрадовались они знакомым серым бесформенным штанам и длинным рубахам. Даже больше, чем стоящим в комнате для переодевания зеркалам, обитой бархатом мебели и устланному мягкими циновками полу. Еще очень порадовала теплая вода, текущая из медных трубок в бассейн, способный вместить всех кадеток разом.

Тренировочный зал этого дворца вообще оказался удобнее и роскошнее, чем в горном замке, и девушки ничуть этому не удивились. Ведь предназначался он не для фрейлин, набранных из бесприданниц, а изнеженным знатым гостям королевы, от скуки пожелавшим заняться борьбой или стрельбой.

Особенно хороши были гномьи тренажеры, точные, бесшумные и ловкие, как вымуштрованные слуги, возле них кадетки задержались дольше всего. Стреляли из маленьких, гномьих же арбалетов по чурочкам, запускаемым одним из механизмов в разных, всегда неожиданных направлениях, старались достать длинным мечом другой тренажер, ловко прикрывающийся двумя щитами, и пытались удержаться на спине механизма, похожего на безногого коня.

Однако сложнее всего оказалось пройти двухэтажную дорожку, проложенную вдоль выложенных из огромных каменных блоков стен. Хотя первый этаж мог бы стать самым легким испытанием, но кто-то хитроумный устроил на пути тренирующихся кучу всевозможных препятствий. От самых обычных бревенчатых барьеров, которые невозможно было просто обогнуть, до узких труб, плетенных из прутьев и подвешенных на тросах. Примерно через каждые десять шагов путь преграждали различной формы лесенки, ведущие в довольно глубокие, полутемные траншеи или на второй этаж. А там тренирующихся ожидали узкие карнизы, канатные переходы и спуски, раскачивающиеся на веревках куцые дощечки, с помощью которых нужно было преодолеть широкие провалы тропы.

И как выяснилось почти на середине пути, сойти с дорожки, не преодолев ее до конца, просто невозможно. От зала тропу отделяла стальная гномья сеть, защищавшая тренирующихся от ушибов и переломов, неизбежных при случайных падениях. И заодно от капитуляции.

— Наконец-то, — вздохнула снизу Кати и дернула подругу за подол шелкового платья: — Вылезай.

Тэри хотела пошутить, сказав, что ноги не идут и, может, им лучше посидеть полчаса на ступеньках? Но сверху раздался голос Бетриссы, выкрикнувшей означавшее тревожный сигнал слово, и маркизу Ульгер вмиг вынесла из потайного прохода невесть откуда появившаяся сила.

— В общую гостиную, — крикнула почти выскочившая из комнаты Дора, и Тэри тут же повторила эту команду для Кати.

— И запри проход, — добавила от себя, сообразив, что Бет просто не может передать такой приказ по цепочке.

Свою спальню и крошечный будуар маркиза Дарве Ульгер миновала за считанные секунды, вылетела в гостиную и остолбенела от неожиданного зрелища. На груди Бетриссы снова рыдала женщина, но на этот раз она была одета в дорожное платье и легкую вуаль. Но этот незнакомый наряд и на миг не помешал Тэри опознать в плачущей даме королеву. Рядом с ее величеством сидел подросток лет четырнадцати, безуспешно пытавшийся состроить на бледном лице непринужденную улыбку. Второй парнишка, постарше, стоял перед Октябриной и Августой, загородившими своими телами выход из гостиной, и свирепо буравил их взглядом.

Дора колдовала возле стола, капая в бокал какое-то зелье, и, как Тэри знала точно, в помощи

подруг вовсе не нуждалась.

— Бет, — не зная, уместны ли в такой обстановке положенные по этикету расшаркивания, тихо позвала маркиза и тотчас получила четкие указания старшины:

— Приведи капитана и барона. Кати, угости младшего принца фруктами.

Тэрлина торопливо скользнула к выходу мимо пропустивших ее сестер и, уже выбегая в оранжерею, услышала гневную речь наследника:

— Немедленно выпустите меня! Кто вы вообще такие? Фрейлины? Я вас увольняю.

«Дурачок, — язвительно фыркнула про себя Тэри, стремглав несясь к лестнице. — Можно подумать, он имеет право нас выгнать!» Да даже если бы и выставил, никто из них жалеть не стал бы.

Добежав до лестницы, маркиза вдруг сообразила, как сильно насторожит егерей ее вид и спешка. Дальше она шла тише, успокаивая себя и пытаясь придумать, как позвать капитана, не поднимая всеобщей паники.

— Охранник! — едва рассмотрев присевшего на ступеньку егеря, позвала Тэри так капризно, как сумела. — Мне срочно нужен капитан Майзен. В моем багаже не хватает весьма ценной вещицы. И кстати, сообщите барону Габерду, что его птичка сдохла... пусть заберет и похоронит.

Егерь хмуро смерил фрейлину взглядом, что-то решая, затем торопливо достал из нагрудного кармана крохотную серебряную дудочку. Тонкий, похожий на птичий посвист прозвучал коротким звоном упавшего ключа и растаял под высоким куполом оранжереи. Он даже не успел еще стихнуть, а егерь уже невозмутимо спрятал дудку и вернулся на свое место.

Тэри выждала пару секунд, пожала плечами и, грациозно развернувшись, с показной неспешностью отправилась назад. «Ну а что остается делать, не бегать же самой по дворцу и парку в поисках капитана?» — уговаривала она сама себя. Да и кроме того, вряд ли возможно найти кого-то в той суматохе, какая обычно бывает при прибытии обоза, тем более королевского.

Стук сапожных набоек раздался позади кадетки, когда она еще не успела ступить в разноцветье оранжереи, и кадетка торопливо оглянулась. Перешагивая через ступеньку, к ней мчался капитан Майзен, и в его глазах, ожидающе взирающих с хмурого лица, светилась тревога.

— В чем дело? — спросил воин едва слышно, остановившись почти вплотную с Тэрлиной.

— Королева плачет, — так же тихо и серьезно сообщила кадетка и впервые за все время знакомства с жестким и немногословным капитаном увидела в его взгляде изумление и даже растерянность.

Впрочем, длилось это всего секунду, затем лицо Майзена посуровело, и, пристально взглядываясь в глаза ее светлости, словно в ожидании признания в шутке, капитан строго поинтересовался:

— Где она?

— В гостиной, — сухо пояснила Тэри, начиная сердиться на него за глупые вопросы, — где же еще быть королеве, если она только что прибыла? — И принцы с ней.

— А барон вам зачем?

— Герцогиня Лаверно велела позвать, — еще холоднее сообщила маркиза. Хотя и гадко сваливать всю вину за самоуправство на подругу, но иного выхода не оставалось, их высочества вмиг ее разоблачат, если дело дойдет до разбирательства. — Наследник рвется куда-то бежать, нам с ним не справиться.

— Понял, — деловито кивнул капитан, поднося к губам такую же дудочку, как у его подчиненного.

Свистнул два раза, потом еще и, ловко обойдя Тэри, побежал в сторону женской половины. Однако кадетка уже осознала, что случилось нечто непредвиденное, подхватила юбки и помчалась следом, морщась от боли в натруженных мышцах и проклиная разбойника, приготовившего для них такую каторжную беговую дорожку.

В гостиной за время ее отсутствия произошли некоторые изменения. Королева хотя еще и плакала, прижимая к лицу свежий платочек с инициалами Тэрлины, но уже почти беззвучно, время от времени прерываясь, чтобы сделать глоточек приготовленного Дорой питья. Его высочество Альред, оттесненный сестрами Сарнскими почти на середину комнаты, больше не ругался, и хотя пока хмурился, но уже с интересом прислушивался к оживленной болтовне Кателлы, усердно кормившей земляникой и черешней совершенно ошеломленного младшего принца.

— Умницы, — тихо обронил капитан неожиданно приятно согревшую Тэрлину похвалу и серьезно добавил: — А барона нужно встретить.

— Будет сделано, — сразу осознав, насколько он прав, шутливо отрапортовала маркиза Дарве Ульгер, повернулась и пошла назад.

Расставшись с торопливо убежавшей Кателлой, барон Габерд некоторое время постоял возле захлопнувшейся двери, с досадой вздохнул и направился к лестнице. У него пока не было ни малейшего желания ни с кем встречаться, а тем более объясняться. Внезапно расцветший в душе букет неведомых прежде ощущений грел мечника странным, негаснущим теплом и одновременно охлаждал спину необъяснимой тревогой, и потому Итель сейчас более всего хотел хоть немного побыть в одиночестве. Привыкнуть к резкому повороту судьбы, спокойно и детально обдумать первоочередные меры защиты своего черноглазого счастья — от условных жестов и тайных знаков до мест, где они смогут встречаться, не вызывая ни у кого подозрений. А также проблемы и трудности, которые непременно возникнут при решении этих вопросов.

Однако он продолжал упрямо идти не в свои покои, которых пока еще даже не видел, так как на третий этаж Мишеле не пропустили суровые егеря, и друзьям пришлось завтракать в комнате графа. Сердито вздыхая и хмурясь, барон Габерд шагал вниз, с досадой представляя кучу упреков и обид, которые немедленно обрушит на его голову рыжекудрый друг, наверняка уже караулящий где-нибудь неподалеку от лестницы.

Но ни на галерее, ни в гостиной второго этажа Мишеле не нашлось, а его комната оказалась запертой. Стучать барон не пожелал, развернулся и направился в тренировочный зал, забрать добытую утром необычайно красивую витую розовую раковину, временно украсившую

выбранную им для переодевания маленькую каморку. Теперь Итель точно знал, для кого он добывал с глубины эту диковинку.

Тренировочный зал неожиданно захватил мечника, сначала захотелось проверить оружие и опробовать новые снаряды и механизмы гномьей работы, потом внимание привлекла тренировочная полоса, и барон прошел ее два раза, с разных сторон.

Налазившись по канатам и трубам до взмокшей на спине рубахи и искупавшись в обложенном белым мрамором бассейне, бурлящем подводным теплым фонтанчиком, Итель взглянул на висящие в центре зала гномьи часы и заторопился, внезапно со всей отчетливостью осознав, с чего это он так рьяно набросился на тренажеры. Как будто никогда таких не видел.

Просто давно уже заметил, как быстро летит время, когда занят тренировками, и безотчетно старался приблизить час ужина. А если точнее — встречи с Кателлой. Еще не успев с ней расстаться, барон уже заскучал и теперь вынужден был с усмешкой признаться себе в этой невозможной прежде слабости. Смешно лукавить перед самим собой — как ни старался он себя занять, но забыть о своем черноглазом чуде не смог ни на миг.

Итель низловко упаковал раковину в кусок полотна, положил в ларец из-под гномьего арбалета, сунул под мышку и побежал наверх, надеясь встретить девушек у подножия лестницы. На егеря, свернувшего в его сторону, едва барон вступил в прохладный сумрак проходного зала, Итель сначала не обратил никакого внимания, все они его прекрасно знали и никогда не останавливали.

— Фрейлина его высочества велела вам срочно прийти в оранжерею. — От первых слов строгого воина сердце барона обдало жаром. — Птичка, которую вы им подарили, умерла, и ее нужно похоронить.

На мечника словно обрушилась ледяная лавина, мгновенно оглушив и лишив возможности дышать. Благо длилось это всего миг, потом он привычно взял себя в руки и помчался прочь.

«Птичка? Какая птичка? Откуда она взялась? И почему это вдруг умерла?» — бились в голове тревожные вопросы, рождая самые невозможные и жуткие картины, пока ноги сами несли барона вверх по лестницам, преодолевая разом по две ступени.

— Итель, я хотел тебя спросить... — Полный горькой желчи голос Мишеле остался позади, отмеченный сознанием как нечто второстепенное, не важное.

Там птичка умерла... а Итель знал только одно существо, которое хотелось так назвать. И не желал подумывать даже на миг, что с ней могло стрястись нечто страшное.

— Барон! — окликнули его от пышного куста азалий, и Итель нехотя замер, узнав маркизу Дарве Ульгер. — Это я вас вызвала.

— Что с птичкой? И кто это — птичка? — шагнул к девушке Габерд, даже не замечая, как угрожающе звучит его вопрос.

— Это я придумала, — отмахнулась она, храбро уставившись в нахмурившееся лицо мечника. — Нужно было, чтобы вы пришли как можно скорее. У королевы стряслась какая-то беда, и она плачет не переставая, а долго отвлекать наследника мы не сможем. Капитан Майзен велел вас предупредить.

— Спасибо, — перевел дыхание барон и, прежде чем шагнуть к двери, сообщил: — Попозже я

напишу несколько условных фраз, какими будете вызывать меня в следующий раз.

«Интересно, а почему он так уверен, что будет следующий раз?» — едва поспевая за бароном, сердито сопела Тэрлина, до недавнего момента пребывавшая в абсолютной уверенности, что их королева не плачет никогда.

— А кто еще пришел, кроме королевы и принцев? — Остановившись в шаге от двери, барон вдруг обернулся.

— Я не знаю... — растерянно посмотрела на него Тэрлина и решила немного слукавить: — Мы отдыхали, когда прибыл обоз.

— Обоз? — почему-то удивился Ительниз. — Это капитан сказал про обоз?

— Нет, — озадаченно прикусила губу маркиза. — Он, по-моему, не сразу поверил...

— Значит, обоз еще не пришел, — помрачнел барон и с неожиданной строгостью предупредил: — Никому не говорите о появлении королевы. Ни одному человеку. И в столовую не ходите. Я сам распоряжусь, чтобы ужин подали сюда.

— Но откуда вы взяли... — еще спорила Тэрлина, а в душе уже холодным ветром сквозило понимание: он прав.

Никакого обоза не было, он еще где-то идет, а королеву почему-то отправили сюда... и Тэри даже знает кто — маг Годренс. Но тут нет ни его самого, ни Фаньи, ни кого-либо из сопровождавших ее величество придворных дам, воспитанниц и слуг. Стало быть, они остались с обозом, и раз так горько плачет королева и рвется кого-то спасти наследник, то их недавние спутники вовсе не едут мирно в своих роскошных каретах, наслаждаясь видами и запахом цветущих трав.

Вот именно потому-то Бетрисса, как всегда сообразившая все немного раньше остальных, и послала за Майзенем. Но Тэри даже не представляла, чем сможет помочь обозу капитан, в распоряжении которого не более двух десятков егерей. Ведь оставить без охраны ее величество он никогда не решится.

Барон уже скрылся за дверью, а она еще медлила, пытаясь понять, откуда взялась все сильнее мучившая ее назойливая, как осенняя муха, тревога. словно она забыла что-то очень важное, и просто необходимо вспомнить это как можно быстрее. Однако все усилия оказались безуспешны, и, решив от них отмахнуться, маркиза шагнула к двери, привычно поморщившись от тянущей боли в икрах.

И тут же, как удар молнии, пришло озарение: разбойник! Ведь он должен был прибыть с магом и Фаньей... и значит, он тоже там, посреди пустынной дороги, на которой произошло что-то очень скверное.

Тэри поспешно шагнула в гостиную, спеша поделиться с подругами своими догадками, но поняла, что опоздала. Его высочество Альред угрюмо отвечал на вопросы капитана, а барон и притихшие кадетки внимательно его слушали. Только Бетрисса, по-прежнему сидевшая возле королевы, что-то тихо шептала ее величеству, успокаивающе поглаживая пальцем сжатые в замок руки.

— Вокруг вдруг стало темнее, но сначала мы ничего не поняли, — покосившись на ее величество, невольно понизил голос наследный принц. — Подумали, это маг сделал защиту от

солнца... А потом над обозом начали расцветать огненные цветы. Это было не страшно, даже красиво, но тут прискакал граф Шаграйн, схватил Бэри и посадил перед собой, а мне велел не отставать, и мы помчались к карете. А как только оказались внутри, маг открыл портал и насильно нас туда втолкнул.

В голосе принца послышалась обида, но никто из присутствующих ему не посочувствовал. Девушки посерьезнели, подтянулись, а капитан, обменявшись взглядом с бароном, непреклонно сообщил, что отправляется усиливать охрану замка.

— А вашим высочествам советую под присмотром учителя пройти в приготовленные для вас покои и умыться с дороги. Ужин подадут через полчаса.

— Пусть накроют в оранжерее, — еще хриловатым от слез голосом приказала королева и мягко улыбнулась сыновьям: — Капитан Майзен отвечает за безопасность Беленгора, и послушаться его советов не решусь даже я. Извините, Ительниз, на вас нагрозили неподобающие вам обязанности...

— Не извольте беспокоиться, ваше величество, — учтиво склонил голову барон. — Я вас не подведу. Ваши высочества, прошу следовать за мной.

И так уверенно направился к двери, что ни один из принцев даже не попытался перечить. Проходя мимо маркизы Ульгер, барон Габерд решительно всучил ей стальной ларец и едва слышно, одними губами шепнул, указав взглядом себе за плечо:

— Передайте...

Тэрлина понятно махнула ресницами и отступила в сторону, делая вид, будто не находит ничего необычного в подобной просьбе и передавать подругам подарки от возлюбленных — для нее самое обычное дело.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой странные и страшные события начались

чуть ранее, чем в предыдущей, на Восточной дороге,

ведущей к Беленгору и прибрежным поместьям знати

Солнце уже почти коснулось румяным боком дальних холмов, когда тайный советник королевы отдал дозорным приказ присмотреть местечко для короткого привала. Хотя он и сделал все возможное, чтобы прибыть в имение засветло, непредвиденные помехи сожрали драгоценное время. До Беленгора оставалось еще не менее четырех часов пути, и теперь не имело значения, придут они на полчаса позже или раньше.

А людям уже пора дать возможность смыть пот и сходить в кусты, кареты с удобствами были только у королевы, путешествовавшей в обществе верной камеристки, да у принцев. Все остальные ехали, полулежа в подушках, набросанных в южные арбы, похожие на подросшие садовые тележки, обтянутые сверху войлоком, а по бокам — кисеей. Это помогало путникам спастись от жары и пыли и давало прекрасную возможность развлекаться изучением диких каменистых холмов, прижавших дорогу почти к линии приборя.

Обоз оказался так близко к воде лишь вчера к полудню, но смотреть на море уже не хотелось

никому, слишком заманчиво катила на берег плавная череда зеленовато-прозрачных волн, манивших окунуться в их прохладу. Однако проклятый этикет запрещал дамам купаться в присутствии мужчин, а оставить их на берегу хоть ненадолго одних граф Шаграйн отказался напрочь. Мужчинам повезло больше: хотя днем они и не купались из вежливости, зато вчерашним вечером, едва стемнело, все по очереди вдосталь наплавались за ближайшей кучей огромных валунов.

Советник мрачно глянул на тихие и ласковые, как котята, волны и подавил тяжелый вздох. Он не раз предлагал королеве отдать приказ капитану королевской шхуны пригнать судно к этому берегу. И если бы ее величество послушалась, они сейчас спокойно пили бы на палубе холодный морс, издавляясь любующимся раскаленным песком пляжа и камнями холмов.

Но королева уперлась и, несчастно глядя на него серыми глазами, упорно твердила о морской болезни. Хотя все в королевстве были прекрасно осведомлены, с какого черного дня началась ее нелюбовь к морю и всяким судам. Прошло уже семь лет с тех пор, как во время плавания на яхте по крохотной бухте погиб король Иглунд Саторз Селваронский.

Ответ от дозорных не запоздал ни на секунду, но был вовсе не тем, какой ожидал получить Дирард. Сразу трое сообщали, что амулеты дальней разведки обнаружили засаду в каменных завалах, окаймляющих дорогу со стороны холмов. Граф мгновенно отдал приказ возчикам разворачиваться и отогнать повозки назад, в безопасное место, и ждать там, пока они с Годренсом и егерями уничтожат сумасшедших самоубийц. А сам ринулся к ехавшим верхом принцам, точно зная, что никому, кроме него, не под силу загнать сейчас под крылышко матери воинственно настроенных мальчишек.

Однако не успел проехать еще и половины расстояния, как над обозом вспыхнул сплошной купол поставленной Годренсом защиты, заставив графа яростно стегнуть жеребца. Маг никогда не стал бы так щедро тратить энергию, если бы не получил твердых доказательств смертельной опасности.

Бэрдена граф буквально вырвал из седла, выкрикнул приказ вышколенной лошадке пытавшегося спорить Альреда и понесся к карете королевы, где его должен был ждать маг. Сверху на невидимый купол защиты дождем сыпались и тут же взрывались огненные снаряды черных алхимиков, доставляемые контрабандистами из Ардага. Кому-то другому эти яркие вспышки вполне могли показаться безобидным фейерверком, но Дирард точно знал, какой бы здесь творился кошмар, не успеет Год поставить защиту. И не жалея подгонял лошадей — безопасность мальчишек и королевы были сейчас важнее всего.

Он буквально силой забросил принцев в полутемное нутро повозки, прямо в серый туман портала, схлопнувшегося, едва в нем исчез Альред.

— А королева? — на всякий случай спросил Дирард у выскочивших из кареты Годренса и Фаньи, неведомо когда успевшей повязать волосы невзрачной серой косынкой и надеть пояс с оружием.

Юбки камеристка всегда носила на ладонь короче остальных дам, не обращая никакого внимания на шпильки, отпускаемые придворными модницами.

— Уже там, — коротко буркнул маг, увлекая их в тень кареты, и сердито добавил: — Плачет.

— Почему?

— Год отказался отправить тебя в Беленгор вместе с ними, — хмуро усмехнулась камеристка,

торопливо заряжая пучочками тонких стальных игл гномий арбалет. — Сказал, так у него еще есть шанс выжить, а если насильно отправить тебя во дворец, то непременно вернешься и убьешь.

— Добрые вы, — фыркнул граф, поглядывая на стекающие по куполу потоки разноцветного огня. — Долго еще он продержится?

— Я велел воинам собирать женщин и тех, кто не может держать оружие, и вести сюда, на каретах защита мощнее этого щита, — бормотал возившийся со своими амулетами Годренс. — Придется потесниться.

Почти над их головами что-то взорвалось с оглушительным треском, во все стороны разлетелись ослепительно сверкнувшие стрелы, и издали донесся полный муки крик.

— Это был мой шар молний, — пояснил маг. — Пришлось на миг приоткрыть щит.

— Спасибо, что рассказал, — едко фыркнула Фанья, не спуская взгляда с темнеющих по сторонам дороги камней. — А то не знала бы, от чего померла.

— Вы прикрыты малыми щитами, — невозмутимо добавил дроу, — а у меня защитный артефакт учителя. Ну вот наконец и они! Как я и думал, вместо того чтобы спасти себя, эти курицы собирали свои камни. Кстати, Рад, тебе дать пару накопителей?

— Не нужно, на мне пояс. Иними с меня свой щит, незачем тратить лишнюю энергию.

— Ты мне этого не говорил. — Маг прищурился и снова махнул рукой. На этот раз шар молний взорвался локтей на двадцать выше, и криков было значительно больше. — А я не слышал. Жить еще хочется, знаешь ли.

— В какой стороне враги? — возник рядом с ними запыхавшийся командир охраны. — И когда исчезнет купол?

— Купол будет закрыт, пока там есть живые, — буркнул Годренс и снова поднял руку. — Подведите поближе арбы и прячьтесь.

Дождался, пока капитан убежит, и снова швырнул вверх свой смертоносный шар.

Теперь тот взорвался впереди обоза, и если крики и были, то их отнесло ветерком.

— Пришел вестник от дозорных, — протянул маг скрученное в трубочку сообщение. — Вовремя я открыл купол.

— Они пишут, что это уже третье донесение, — торопливо читая послание, сообщил Дирард. — Защита у них пока действует, но погибли все кони и есть один раненый, придавило лошадь. Они спрятались в камнях.

— Скоро мы их вытащим, — отмахнулся маг и вдруг зло выругался: — Вот подлый выпень!

В тот же миг над куполом полыхнуло ослепительное зарево мощного взрыва, и, точно очерчивая пределы купола, по нему в разные стороны потекли черные языки пены. Все, куда она попадала, вмиг вспыхивало жарким синеватым пламенем, и вскоре по обочинам дороги с треском горели деревья, кусты, трава и прятавшиеся в ней мелкие зверушки и птицы. Запах гари, казалось, витал в воздухе, хотя проникнуть через купол никак не мог.

— Сидите тут, — рявкнул Годренс и исчез, словно растаял.

— Можно подумать, мы можем куда-то уйти, — огрызнулась Фанья и тихо поинтересовалась у графа: — А тебе ничего не показалось подозрительным?

— Показалось, и очень многое. А что именно ты имеешь в виду?

— Его портал. Раньше он всегда открывал через пирамидку.

— А! Про браслет я давно знаю. Учитель ему подарил, за помощь. Но заряжать его непросто. Только на севере Ардага, на самой границе с плато, есть деревушка, где хватает магии. Еще можно просить маглора, но Год не хочет надоедать.

— Или считает, что тот с ним уже рассчитался, — хмыкнула Фанья. — Все дроу — гордецы и упрямы. Кстати, недавно я очень повеселилась, слушая вечером на постоялом дворе байку про дроу. Оказывается, все они чернокожие, беловолосые и непременно с заостренными ушами.

— С какой стати они у них стали вдруг заостренными? — нахмурился граф. — Если острые кончики ушей — признак оборотня? Да и то если он в защитном коконе, так значительно усиливается слух. А дроу — вообще чистокровные люди, наделенные Разломом способностью к магии. Причем к самым тяжелым ее слоям, и особые уши им абсолютно не нужны. Вот зрение у дроу более острое, но не обычное, а внутреннее, они могут по ауре различать существ и минералы различных видов. Потому-то из них хорошие охотники и ювелиры. Впрочем, ты и сама знаешь.

— Знаю, но спорить с рассказчиком не стала.

Просто подумала — всего триста лет, как построен Салмейт и закрыты перевалы через западный для жителей материка хребет, а народ Идрейса уже забыл, как выглядят жители Дройвии, и верит невежественным пустомелям.

Серый туман перехода вспух почти рядом, и напарники вмиг отскочили, выхватили оружие и приготовились к бою.

— Это мы, — предупредил Годренс, держащий на руках бледного егеря. — Его нужно уложить в арбу.

По свистку советника примчались два воина, подхватили раненого и потащили в повозку придворного лекаря. Появившиеся из портала дозорные горячо поблагодарили мага и ушли следом за ними, и, лишь проводив спасенных взглядом, Годренс позволил себе опуститься на выложенную из плит песчаника дорогу.

Дрожащими руками достал округлую серебряную шкатулочку, открутил крышку и, бережно достав кристалл-накопитель, вставил в свой амулет. Потом так же молча снял с пояса небольшую фляжку, сделал прямо из горлышка несколько глоточков и замер, откинув голову на стенку кареты.

— Не мог вставить камень раньше? — с досадой выдохнул Дирард, присаживаясь рядом. — Куда так бежал?

— Если бы пена добралась до парней... — буркнул дроу, помолчал, восстанавливая силы, и

пояснил: — Это черный огонь, одно из запретных заклинаний, от которых нет спасения.

— Ну и чем бы ты им помог? — сердито прошипела Фанья, но заметила скользнувшую по утомленному лицу мага тень усмешки и примолкла.

Стало быть, был способ из тех, какие привыкшие к разным неожиданностям воины и маги приберегают на самый крайний случай. И о которых до времени не говорят даже лучшим друзьям.

— Скажи егерям, пусть берут лошадей под уздцы и готовятся к отправлению. Я пойду впереди, буду держать над нами купол и расчищать дорогу. Это немного, локтей двести. Дальше все чисто.

— А враги по нам в этот момент не ударят? — засомневался граф. — Может, сначала разведаем?

— Некому там ударять, все наемники, или кого он там привел, мертвы. А сам ушел сразу, как бросил черный огонь. Амулет почувствовал всплеск дройского портала.

— Ты думаешь, это был друу?

— Похоже, но точно сказать невозможно. С тех пор как был снят запрет на переходы только в башни старших домов, многие младшие дома зарабатывают продажей порталных пирамидок. Самое прибыльное дело после ювелирного. Но об этом я могу тебе и потом рассказать.

Годренс распахнул глаза, подмигнул другу и легко поднялся на ноги, словно это не он несколько минут назад едва не падал.

«Значит, зелье пил с запасом», — запоздало сообразил Дирард и рассердился на мага. Снова он взваливает на себя больше всех и все решает сам, не посоветовавшись с друзьями, как будто еще не испытал на собственной шкуре, чем может закончиться такая самонадеянность. Да еще и других обвиняет в нечестности!

Обоз тем временем потихоньку тронулся, и граф шагнул в сторону. Он намеревался идти замыкающим: мало ли какое непредвиденное обстоятельство может задержать одну из повозок, и придется срочно принимать решение. Да и сигнал Годренсу в самом крайнем случае мог подать только он — во избежание путаницы.

Повозки и телеги ползли мимо советника непривычно медленно и почти бесшумно. Тишину нарушали лишь глухой стук копыт по мягкому песчанику да редкое фырканье коней. Не скрипели отлично смазанные колеса и рессоры, не звенела упряжь, и настороженно молчали боявшиеся пропустить тревожный сигнал люди. Даже из карет, битком набитых перепуганными придворными дамами и камеристками, не доносилось ни звука. Было нечто жутковатое и странное в этом призрачном движении обоза между догорающими деревьями и кустами в быстро сгущающихся сумерках.

Фанья стояла почти рядом, отвернувшись к графу спиной, и пристально изучала освещенные рваными сполохами огня камни, но он знал точно — краем глаза камеристка ее величества следит и за ним и за обозом. Следила бы и за Годренсом, но он далеко. Хотя возчики и старались держаться вплотную к передним повозкам, но три десятка арб, карет и повозок с провиантом и вещами растянулись почти на полмили. И если первым оставалось преодолеть всего две сотни локтей, о которых говорил Годренс, то тем телегам, которые двигались в конце

обоза, туда еще нужно было добраться.

Наконец последняя телега, нагруженная шатрами и мешками с овсом, поравнялась с советником, и Дирард одним взмахом руки согнал с нее троих вооруженных мечами и шпагами придворных, призванных егерями в ополчение.

— Догоняйте свои повозки, — соизволил он бросить им приказ, проводил взглядом неприкрыто обрадовавшихся господ и легко подсадил на телегу Фанью.

Следом вскочил и сам, шлепнувшись на пригретое местечко, привычно устраиваясь к напарнице спиной. Когда где-то неподалеку рыщет безжалостный и хитрый враг, очень полезно иметь на затылке дополнительную пару внимательных глаз.

Мимо дотлевавших стволов они ехали нестерпимо долго. Казалось, черневшие между валунами проплешины сгоревшей травы давно уже должны были остаться позади, но они все никак не кончались.

И вдруг в один миг все изменилось, словно кто-то разом сдернул с мира туманную вуаль. Ясными огоньками засияли на темно-фиолетовом бархате неба непривычно крупные звезды, ворвались в сознание позабытые в тревоге звуки моря, шелест листвы и стрекотание сверчков. И почти одновременно, перечеркивая напрочь все эти признаки мирной жизни, с первым же порывом ветерка налетел запах гари. Тяжелый, густой и горьковато-приторный, мгновенно отравивший всю прелесть южной ночи и долгожданной прохлады.

— Езжай вперед, я здесь сама присмотрю, — деликатно предложила Фанья. — А если что, подам сигнал.

— Как говорит Год — я этого не слышал, — огрызнулся граф, торопливо обматывая нижнюю часть лица невесть откуда вытасченным шейным платком. — Надеюсь, теперь мы поедем быстрее.

Однако всего через минуту висящая у него на шее крохотная серебряная дудочка тонко свистнула, передавая условный сигнал мага.

— Пришлю пару егерей, — тихо свистнув в ответ, хмуро кивнул напарнице советник и прямо с мешков перепрыгнул в седло жеребца, давно шагавшего рядом с телегой.

Шаграйн тайно привез его из Ардага, только там умели обучать боевых коней понимать приказы хозяев по жестам. Впрочем, Дирард давно уже считал себя не хозяином, а другом умному животному и надеялся, что Терн это чувствует.

— Звал? — просто по привычке спросил он, спешившись возле стоящей у обочины фигуры в неизменном коротком сером плаще — как точно было известно графу, подарке того же маглора, которого Год считал учителем.

— Веди обоз, — тихо велел маг. — Я хочу посмотреть, кто там был.

— Я с тобой. А обоз поведет капитан, — твердо возразил советник.

— Ты и тут дышать не можешь, — укоризненно глянул Годренс, — а там... Лучше послушайся меня.

— Ты намекаешь на мою бесполезность? — приподнял брови граф, и в его глазах сверкнул

огненный отблеск.

— Не пугай, и сам знаешь, на что именно я намекаю, — хмыкнул Годренс и, осознавая правоту друга, со вздохом сдался: — Но поступай как хочешь, только сначала доведем обоз до места, где можно встать на привал. Полчаса отдыха всем просто необходимы.

Он и так сегодня бесцеремонно взял управление ситуацией на себя, но вовсе не потому, что считал Рада слабее или несообразительное. Просто не оставалось ни секунды на объяснения, когда дроу почувствовал щит, прикрывающий неизвестного мага, устроившегося поодаль от сидящих в засаде наемников, и проверил его мощностъ. Очень вовремя проверил — в следующую секунду враг дал сигнал к нападению.

Но даже несмотря на стремительность, с какой Год выставил свою защиту, у них не было ни одного белого камня за возможность выжить под шквалом сильнейших ударов. Ни одному, самому сильному магистру дроу не под силу столько времени продержатъ огромный купол, тем более против запретных заклятий. Спасло всех только решение Годренса потратитъ свой неприкосновенный запас энергии, заточенной в мощнейшем защитном артефакте, подаренном Вирденсом. Даже Рад не догадывается, сколько стоит такая редкостъ, хотя и неплохо разбирается в магических вещацах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

рассказывающая о тайнах магов и новых встречах,

недоразумениях и обидах кадеток

Вонь горелой плоти перебивала все остальные запахи, и Дирарду лишь чудом удалось учуять тепло и аромат свежей крови.

— Кто-то еще жив, — немедленно замер он на месте, даже не порываясь первым соватся в выложенное из камней примитивное убежище, окруженное разбросанными словно ураганом телами.

«Видимо, пытались сбежать от возмездия», — мелькнула равнодушная мысль, жалеть тех, кто пришел сюда чтобы убивать, граф не собирался.

— Не может быть... хотя погоди-ка, точно. Оборотень, но нечистокровный. Вот это его и спасло, успел закрыться в кокон. Рад, мне придется уйти. Нужен хороший лекарь, в одиночку я его сейчас не вытяну.

— Я вернусь к обозу сам, — кивнул граф и нехотя предупредил: — Только постарайся никого не приводить. Ты же понимаешь, это нападение ударит по ней, завтра же все поборники старых законов завопят о неприятностях, причиняемых Тальзии магами. И скрыть ничего не удастся, невозможно закрыть рот почти полусотне свидетелей. Не говоря уж об этих трупах и выжженной дороге. Никакая гроза не может вызвать такой пожар.

— Не волнуйся. — Годренс, отыскавший выжившего бандита, уже завернул свою добычу в магический кокон и подтащил к себе. — Поговорим позже.

После стремительного ухода друга Дирард секунду постоял, чутко вслушиваясь в ночные звуки и пытаясь отыскать в вони пожарища необычные запахи. Но так и не обнаружив больше ничего интересного, бесшумно и стремительно понесся на стоянку, устроенную в миле отсюда, возле

мостика через впадающую в океан речушку.

— Где Год? — одними губами спросила Фанья, когда советник, невозмутимый как всегда, с чуть ехидной усмешкой на губах, помахивая неразлучной тросточкой, появился возле королевской кареты.

Камеристка позволила остаться в просторном дормезе трем знатным дамам из преданных королеве домов и двум воспитанницам, взятым ее величеством из монастыря, и они теперь тихо, как мышки, сидели на мягких диванах, боясь попасться графу на глаза. Успели уже убедиться, что в стремлении оградить королеву от опасности и сплетен ее новый любимчик не знает границ и вполне может высадить их из удобной, а главное, самой надежной кареты.

— Отправимся через пять минут, — делая знак, что все в порядке, вслух уверенно ответил он. — Больше остановок до Беленгора не будет.

Хотя на самом деле и близко не был в этом уверен и даже не надеялся до рассвета добраться до имения. Впереди их могла ждать еще засада, и, вполне возможно, не одна. Но не пугать же и без того тайком всхлипывающих дам, всего две декады назад рьяно оспаривавших свое право сопровождать королеву в путешествии к морю.

Сообщение вернувшегося Годренса о его намерении к полуночи оказаться на своей кровати в покоях третьего этажа Беленгора порядком изумило советника.

— Не хочешь намекнуть, как нам это удастся? — саркастически приподнял он бровь. — Даже если загоним лошадей, то потребуется не менее трех часов.

— Учитель помог, — не стал скрывать маг. — Ты уж прости, но никто, кроме него, нашего пленника не спас бы. А в благодарность за помощь пришлось рассказать о засаде. Нет, не смотри так, никаких секретов я не выдал, просто намекнул на свои проблемы, еще одного нападения мне и в самом деле не выдержать. Узнав о черных зельях, он дал мне особую, большую пирамидку. Как немного отъедем, открою портал, никто даже не заметит, что въезжает в него здесь, а выезжает неподалеку от Беленгора. Я уже поставил там порталный маяк.

— Хорошо иметь таких щедрых и понимающих учителей, — беззлобно усмехнулся граф, и не думая обижаться на друга за его своеволие.

Вылазка на место боя двух мощных магов наглядно показала ему, как мало стоили жизни всего обоза в тот момент.

— А учителя и обязаны быть такими, — с твердой убежденностью серьезно ответил Годренс. — Иначе гнутый медник им цена. Если учитель не любит своего ученика и не желает ему успеха, то никакого права называться учителем не имеет, и гнать его нужно от учеников плеткой из степной колючки.

— Какой ты сегодня кровожадный, — как всегда неслышно, выскользнула из тени Фанья. — Чем-то обидели твоего обожаемого маглора?

— Наоборот, он решил нам помочь, — пояснил ей Дирард. — Похоже, мы сегодня все-таки будем спать в своих постелях.

— Если честно, — вздохнул маг, поглядывая на торопливо жующих холодное мясо егерей,

готовящихся трястись по полной неведомой опасности пустынной дороге еще часов шесть, — он нам уже помог. Всучил мне однажды вещицу... даже цену назвать не могу, нет таких в лавках Дройвии. Я тогда отбрыкивался как умел, а вот сегодня низко за нее поклонился.

— И как он отреагировал на этот поклон? — заинтересовалась Фанья, знавшая магистра лично, но по заведенному у них правилу никогда не называвшая его по имени.

— Как обычно. Велел не паясничать и снова зарядил свой артефакт, — вздохнул Годренс, предпочитавший выдавать друзьям информацию небольшими порциями, чтобы не озадачить вопросами, на которые у него пока нет ответов. — Поэтому я снова поеду впереди обоза, чтобы не высылать дозорных, а вам придется разделиться. Фанья, кареты с женщинами пойдут первыми, и тебе лучше быть с ними. Сама знаешь, если кто-то из них заметит нечто странное, устроят дикую панику.

— Хорошо, — хмуро согласилась камеристка, признавая этим согласием правоту мага и готовность подчиняться его приказам. Временно, разумеется.

Обычно она исполняла только распоряжения королевы, и то если считала их правильными.

Дирард лишь молча кивнул и достал сигнальный рожок. Отдавать капитану приказы по всем вопросам, касающимся порядка движения обоза, и следить за их точным исполнением было его обязанностью, вынужденно взятой на свои плечи. Не так много верных защитников у королевы, поступавшей в довольно важных государственных вопросах по собственному разумению и наперекор мнению некоторых глав сильных домов Тальзии.

Вопреки обещанию Годренса, переход через неприметный портал Дирард все же почувствовал. Вернее, ощутил резко изменившийся аромат. Вокруг больше не пахло диким клевером, мятой и горошком, теперь в ночи властвовал запах роз и лилий. Все соседние с Беленгором поместья просто утопали в этих цветах, и служили они не только украшением. Ценнейшее розовое масло издавна приносило владельцам южных земель огромные прибыли, сравнимые только с доходами от добычи жемчуга и выращивания редких фруктов.

— Как ты тут? — словно ниоткуда рухнул на последнюю телегу Годренс, раскинулся на мешках и утомленно пробормотал: — Если по прибытии найдешь меня спящим, не вздумай будить. Просто прикажи поставить эту телегу в тени, не люблю, когда в глаза лезет утреннее солнце.

— А как же мягкая постель в покоях мага на третьем этаже? — усмехнулся граф и растянулся рядом. Похоже, двуликая удача сегодня смотрит в их сторону своим добрым лицом, и они действительно скоро будут в Беленгоре. — Кстати, а когда мы прибудем?

— Еще с полчаса. Сам понимаешь, пришлось выходить в полумиле от того места, где начинались соседние имения. Стражники здесь довольно бдительно присматривают за дорогой, не стоит задавать им неразрешимых задач.

— А мы не можем уйти туда прямо сейчас? — Приподнявшись на локте, граф с надеждой вглядывался в смутно белеющее лицо друга. — Или у тебя совсем не осталось сил?

— Мы поспорили с Фаньей, — вздохнув, со смешком признался маг, — и теперь я должен зачаровать ей какую-то вещицу. Мне казалось, ты никогда такого не предложишь.

— Год, ты знаешь, как я отношусь к Фанье, — голос Дирарда стал холоднее горного ручья, — но в последнее время она начинает злить меня своим упрямством.

— Тогда сердись и на меня, — буркнул маг, схватил друга за руку и нажал на приготовленный заранее камень.

Краткое ощущение полета — и мягкие подушки приняли их в свои объятия.

— Где мы?

— Это она... моя постель. И больше я сегодня не сделаю и шага. — Сев на широкой кровати, Годренс торопливо сдирал с себя мантию. — А ты беги, куда собирался, нечего тут валяться, не фрейлина.

— Можно подумать, тебе сейчас до фрейлин, — направляясь к двери, едко отозвался Дирард.

— В случае необходимости у мужчин просыпаются скрытые возможности, — назидательно выдал дроу и щелчком пальца прикрыл колпаками хрустальные колбы с ведьминым мхом. — Спокойной ночи.

— Это точно мне? Ты не перепутала? — Кателла отступила назад и даже руки за спину спрятала.

— Кати, не говорили глупостей! — прикрикнула Дора и оглянулась на дверь, за которой полминуты назад скрылась королева, отправившаяся в свои покои в сопровождении Бетриссы и Октябрины. — Нам еще переодеться нужно, а ты тянешь время. Ну сама подумай, не мне же он принес этот подарок.

— Он отдал Тэрлине.

— Ну не мог он развернуться и идти к тебе через всю гостиную, — поддержала подруг Августа. — Ты же сама понимаешь, что тут же выдала бы себя. Открой, будь умничкой, так хочется посмотреть.

— Ну ладно, — тяжело вздохнула маркиза Зайбер, осторожно взяла шкатулку и поставила на стол. — Но если там что-нибудь...

— Что-нибудь там обязательно будет, — свирепо пообещала Дора, — иначе я сама ему что-нибудь уроню на голову! Ненавижу шутки и розыгрыши.

— Как мы похожи, — задумчиво отметила Августа, следя за неуверенными пальцами брюнетки, откручивающей барашек запора. — Кати, если твои подруги будут на ужине выглядеть чучелами, тебя должна замучить совесть.

— Тут что-то большое, — неуверенно пробормотала маркиза и вцепилась в ларец. — Что ты делаешь?

— Собираюсь отобрать у тебя этот подарок, раз он тебе не нужен. — Дора была настроена очень решительно. — А потом отобью и барона.

— Прекрати шутить, — бросилась к Кателле Тэрлина, — она сейчас заплачет! Кати, может, тебе помочь нужно?

— Я сама. — Упрямо поджав губы, маркиза Зайбер бережно достала из ларца полотняный сверток и водрузила рядом с ларцом. — Это же первый подарок... понимаешь?

Целую минуту девушки, затаив дыхание, следили, как тонкие пальчики подруги осторожно разворачивали ткань, и их терпение было вознаграждено сполна.

На куске полотна поблескивала перламутровыми изгибами огромная, закрученная, как рог, раковина, из раструба которой выглядывало свернутое трубочкой и украшенное серебряным шнурком и желтоватой восковой печатью письмо.

— Ну, — любознательно уставилась на зачарованно притихшую брюнетку неугомонная княжна, — распечатай быстрее это послание и успокой нас, оно тебе или кому-то другому?

— Мне, — на миг подняв на подруг сияющий счастьем взор, выдохнула Кати. — Он сам достал ее сегодня со дна океана.

— Чудесный дар, — сделала заключение Августа и строго глянула на подругу: — Береги эту вещицу и убери подальше. А теперь идемте переодеваться, на обед и ужин с королевой не принято приходить в одном и том же платье.

— Где мы их наберемся на все лето? — буркнула Дореня, но она лукавила.

Их сундуки оказались полны очень тщательно подобранных летних одеяний. Правда, платьев среди них было всего по пять или шесть, зато имелось много юбок и всевозможных блузок, накидок и шалей, позволяющих составлять из них неповторимые наряды.

— Закажем, — пожала плечами Тэри. — У нас же хорошее жалованье.

— Была бы голова, а шляпка найдется, — туманно бросила Августа, сделала несколько шагов и пояснила: — Боюсь и думать, какие нас могут ждать сюрпризы, если кто-то решился напасть на саму королеву. И потому жалованье лучше не тратить.

Помрачневшие девушки дружно смолчали, а о чем тут еще говорить? Похоже, королева и в самом деле кому-то очень мешает, и тогда становится понятно ее стремление окружить себя людьми, которым будет просто невозможно ее предать.

Ужин в обществе ее величества показался их светлостям скорее наказанием, чем удовольствием.

За столом, кроме самой королевы, барона Габерда, пришедшего в оранжерею вместе с принцами, и кадеток, никого не было, и обязанность развлекать собеседников разговорами легла на девичьи плечи. Барон старался помалкивать, лишь изредка отпускал похвалы повару и вежливые замечания о погоде.

После ужина королева пригласила всех сотрапезников в свою сравнительно небольшую уютную гостиную, выходящую на море застекленными до пола окнами, за которыми неумолимо сгущалась ночная тьма. Зато комната, ярко освещенная колбами с ведьминим мхом и фарфоровыми лампами, заправленными душистым маслом, была полна удобной мебели, вазонов с цветущими растениями и столиков со сладостями и фруктами. Сразу становилось понятно, кому обязана своим существованием расположенная за стеной оранжерея.

Фрейлины отлично понимали, ради чего их сюда позвали, и всеми способами развлекали королеву, стараясь помочь ей хоть ненадолго забыть об оставленном на дороге обозе. И временами им это удавалось, по большей части благодаря ни на минуту не умолкавшей, неустанно всех смешившей Кателле.

В глазах Ительниза, и близко не подходившего к Кати, но следившего за ней исподтишка, изредка мелькало неподдельное изумление, но он тут же отворачивался к подопечным. Случайно увидевшая такой взгляд Тэрлина мгновенно встревожилась за подругу: кто знает, чем обернется для Кати странное удивление барона, но виду не подала, оставив все сомнения до возвращения в свои комнаты. Наверняка Бет тоже это заметила, а она лучше всех разбирается в мужских поступках и гримасах.

Труднее всего девушкам пришлось, когда роскошные гномьи часы пробили двадцать три раза и вежливо пожелавший всем спокойной ночи барон увел принцев в их покои. С того момента в королевской гостиной время от времени повисала тяжелая тишина, и кадетки спешили припомнить веселые байки и придумать новые темы для легкомысленной болтовни. Серьезных разговоров, словно по уговору, все дружно избегали.

Зантария непринужденно смеялась над шутками маркизы Зайбер, умело поддерживала светскую беседу, но все чаще, крепко сжав губы, устремляла на непроглядно-темное окно полный горечи взгляд. И их светлости, мечтающие только о той минуте, когда можно будет снять с ноющих ног туфли и добрести до постелей, и едва сдерживающиеся, чтобы не зевать, снова и снова бросались на помощь своей королеве.

— Девушки, думаю вам пора идти спать, — глянув на часы, наконец произнесла ее величество, но никто из кадеток не поспешил исполнить это так мало похожее на приказ предложение.

Невозможно было даже представить себе, как они поднимаются и гурьбой выходят из королевской гостиной, оставляя Зантарию в окружении ярких светильников, мягких кресел и заставленных пустыми чашками столиков, еще более подчеркивающих ее одиночество.

Ведущая в оранжерею дверь распахнулась неожиданно, и не все кадетки заметили это сразу. Зато вспыхнувшую во взгляде королевы жаркую радость и облегченную улыбку, вдруг озарившую ее лицо, рассмотрели почти одновременно. И всем тут же стало понятно, как измучило Зантарию ожидание, как ждала она появления именно этого человека, используя всех их в качестве забавных игрушек, способных помочь ненадолго отвлечься.

Вот теперь можно было уходить, и девушки просто жаждали поскорее оказаться подальше отсюда, расслабить нестерпимо ноющие спины, которые положено было держать прямо, не прикасаясь к спинкам кресел.

Но на пути к выходу непреодолимым препятствием стоял, поигрывая своей дурацкой тросточкой, так знакомо усмехавшийся мужчина, которого по его же собственному приказу они никак не могли знать.

— Добрый вечер, ваше величество, — окинув комнату пристальным взглядом, первым нарушил он неловкое молчание. — Я с докладом. А вы отправляйтесь спать, в семь утра встреча с драконом.

Последние слова советник небрежно бросил сидевшей подле королевы Бетриссе, и герцогиня Лаверно тотчас еще сильнее выпрямила натруженную спину.

— Мы представлены? — осведомилась она с холодной, граничащей с презрением гордостью.

— Встретимся утром, тогда об этом и поговорим, — едко усмехнулся разбойник.

— Думаю, — поднявшись с кресла и нарочито аккуратно оправляя складки юбки, словно для себя тихо произнесла Октябрина, — разговаривать я вряд ли захочу.

— А это хорошая мысль, — в тон ей задумчиво согласилась вставшая следом за сестрой Августа и учтиво склонила голову перед королевой: — Спокойной ночи, ваше величество.

— Не просто хорошая, а замечательная, — тихо подтвердила Бетрисса, в свою очередь раскланиваясь с Зантарией: — Сладких вам снов!

— Поддерживаю, — коротко выдохнула Кателла и, присев в полупоклоне, лучезарно улыбнулась королеве: — Надеюсь, мы не очень вас утомили, ваше величество.

— И я, — вынуждена была сказать Тэрлина, старавшаяся не смотреть в сторону саркастически усмевающегося наставника. — Спокойной ночи, ваше величество.

— Никогда не любила разговаривать со всякими разбойниками, — с милым вздохом сообщила княжна Марьено и направилась к двери следом за подругами.

— Стоять, — тихо приказал граф, и в его голосе прорезался рык взбешенного зверя, но никто даже не замедлил шаг.

Ну разве чуть дрогнули обтянутые муслином и шелками девичьи плечи, словно в ожидании хлесткого удара.

— Ваша милость, — предупреждающе окликнула советника ее величество, — оставьте их. Девочки устали и перенервничали.

— От чего устали? От прогулок по пляжу? — сердито фыркнул он и тут же, осознав, что выдал себя, примирительно улыбнулся ее величеству: — Больше ведь здесь делать нечего.

В этот момент дверь за кадетками захлопнулась, и королева вмиг про них забыла. Словно подхваченная порывом урагана, сорвалась с диванчика, трясущимися руками вцепилась в плечи графа и зарыдала, прижав лицо к его рубашке:

— Больше никогда... ты слышишь? Никогда не смей так поступать! Или оставляй там меня, или уходи с нами. Я чуть с ума не сошла!

— Эх, ваше величество, — бормотал Дирард, бережно разминая ее вздрагивающие от плача плечи, — сама ведь знаешь, как сейчас не права. Не мог я оставить друзей, после такой выходки они оставили бы меня. И тебя там оставить не мог, мальчишки тут наломали бы дров. Как тебе удалось справиться с Алем, даже не представляю.

— Это они, кадетки, — сквозь слезы улыбнулась королева, — прибежали, окружили... Бетрисса послала воспитанницу за Майзенем и Габердом, и барон сразу взял принцев под опеку.

— И даже не торговался? — удивленно приподнял бровь Дирард, незаметно подводя королеву к креслу и бережно усаживая на подушки. — Чего тебе налить? Может, полбокала вина? Где тут чистая посуда?

— Ничего не нужно, меня Дора весь вечер какими-то отварами поила, кстати, они у нее получаются весьма неплохо. Габерд тоже удивил, хотя в тот момент мне было не до него. Зато теперь припоминаю, он ведь слушался кадеток ничуть не меньше, чем меня, а возможно, и больше. Каждую просьбу выполнял беспрекословно. Мне кажется, зря ты напал на девушек,

они вели себя очень достойно, хотя им тоже пришлось нелегко.

— Ничего с ними не случится, — сухо вато отмахнулся советник, поймал укоризненный взгляд королевы и мягче пообещал: — Завтра со всеми разберусь, сейчас нужно идти помочь капитану встретить обоз. А ты зови служанку и ложись отдыхать, не жди Олифанию. Ей сегодня досталось, уже несколько часов возится с перепуганными дамами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

несущая кадеткам суровые испытания и проблемы,

а магу — нежданную награду

— Вы на меня сердитесь? — едва войдя в их общую гостиную, резко обернулась Октябрина, меряя подруг испытующим взглядом.

— Нет. — Бетрисса, снявшая обувь еще в проходном зале, куда выходили двери всех покоев женской половины, твердо и серьезно глядела герцогине в глаза. — Меня ты спасла. Я уже примеривалась, чем бы запустить в разбойника, чашкой или вот этой туфелькой. Боюсь, ни того ни другого королева бы мне не простила.

— Да, я заметила, — подхватила Кателла, — как она ему обрадовалась. Мне даже стало неудобно на нее смотреть. А объявить бойкот этому злобному выскочке было самой правильной идеей.

— Боюсь, она дорого нам обойдется, — вздохнула Августа. — Хотя смотреть на разбойника в тот момент было очень приятно. Вы замечали, как меняются у него глаза, когда он по-настоящему рассержен? Становятся желтыми и похожими на волчьи. У нас такой изображен на старинной картине, отец так и не смог ее продать, никто не берется снять и не повредить.

— Если бы граф был из Дройвии, я сказала бы, что у него в родне есть оборотни, — пожалала плечами Дора. — Но этого быть не может. Никто из влиятельных герцогов и князей не допустил бы чужака в советники к королеве.

— Ее величество не из тех, кто особенно прислушивается к мнению этих самых влиятельных господ, — заметила Бет, направляясь к двери в свои комнаты, — но в этом случае я с тобой согласна. Хотя контрабандисты и привозят иногда торемских женщин или беженцев из Ардага, но никто не сможет сделать им храмовые документы, подтверждающие знатное происхождение. Завтра я намереваюсь посмотреть в библиотеке списки всех знатных тальзийских домов, а сейчас просто падаю с ног. Спокойной ночи.

Тэрлина, слушавшая их, не проронив ни слова, поплелась в спальню, даже не пытаясь объяснить самой себе, откуда могло взяться вспыхнувшее вдруг в душе сочувствие к зло сжавшему губы разбойнику, когда мимо него одна за другой проходили ее подруги. Ведь они были правы, и ее тоже обидно ударила его грубость. Так почему же лишь ей одной пришла в голову мысль, что и ему сполна досталось там, под жаркими всполохами магического огня, о котором Тэри раньше слышала только от сказочниц?

Утром маркиза Дарве Ульгер проснулась от знакомого противного дребезжащего звона, доносившегося из-под купола муслинового балдахина, и на краткое мгновение девушке даже почудилось, что она снова в горном замке. И вокруг нет ни роскошных садов, ни королевы, ни нападающих на обозы злодеев, только просторное небо да обрамляющие его с севера

белоснежные горные пики. Но пронесся пахнувший розами сквознячок, всколыхнул легкую занавесь, и сразу навалились воспоминания, а с ними и ломота в спине и мышцах ног.

— Боюсь, сегодня мне придется ползти по лестницам, как гусенице, — заявила Бетрисса, оглядывая столпившихся в заветной комнате кадеток. — Дора, сними ты эту накидку. Старайтесь одеваться с утра попроще, жаль, нельзя ходить сюда в серых штанах. А насчет разбойника... я тут подумала и поняла — выбора у нас нет. Придется держаться до конца — раз решили молчать, то молчим, пока не попросит прощения. Приказы выполнять будем, за это нам платят, а отвечать не станем. Надеюсь, до него дойдет.

— Или до королевы, — вздохнула осунувшаяся за ночь Октябрина, — и она нам всыплет. Ох, дура я, втянула вас в такую передрагу. И ведь что самое обидное — раньше я его слова стерпела бы, даже внимания не обратила бы. На нас и похлеще прикрикивали — все, кто считал себя выше знатностью или богатством. А теперь вдруг почувствовала себя... даже объяснить не могу. Свободной, что ли, или равной другим.

— Окти, прекращай терзаться, — укоризненно прикрикнула на сестру Августа, — ты правильно сделала. И мы просто не могли тебя не поддержать. Вот за это и ценю нашу дружбу, хотя, как ни странно, благодарить за нее мы должны злобного разбойника. Но прощать ему грубость не обязаны. А королевского наказания нам все равно не избежать — все заметили, как счастливо она ему улыбалась? На советников так не глядят.

— Вы можете обижаться на мои слова, — предупредила Бетрисса, обводя подруг строгим взглядом, лишь на миг дольше задержав его на хмуром лице воспитанницы, — но жестоко осуждать женщину, семь лет живущую без мужа. У нее и так жизнь не сахар. Хотя тут что-то непросто, не верится мне, что она не сумела бы сохранить свои чувства в секрете от всех. Но кем бы он ей ни был, это не наше дело. И давайте поспешим, нехорошие у меня предчувствия.

— Все, открываю, — предупредила Тэри, подняв руку с кольцом к драконьему глазу, смутно похожему на глаз разбойника. — Будьте осторожны. Сегодня он мог пройти тут раньше нас.

Однако проход оказался чист, и через несколько минут кадетки вереницей выходили в тренировочный зал. Прямо под мрачный взгляд похлопывающего по ноге тросточкой разбойника.

— Слишком долго спите, — едко сообщил он и повелительно махнул в сторону дверцы, ведущей в умывальню и раздевальную: — Бегом. Пять минут на переодевание, кто опоздает — получит дополнительное задание.

Бетрисса презрительно усмехнулась и спокойно направилась в указанном направлении. Все молча двинулись за ней, обходя застывшего на их пути графа, как простой столб.

Но переодевались стремительно, угрозам разбойника привыкли верить. И через пять минут уже стояли перед ним, озирая стены скучающими взглядами.

— Отправляйтесь на беговую дорожку, вход там, идти по часовой стрелке. Через час жду вас тут, — процедил он и демонстративно прилепил шарик крашеного воска на край часов напротив минутной стрелки.

Выполнить это задание было невозможно, и все кадетки прекрасно это понимали. Догадались и

о том, что это только начало череды ожидающих их наказаний. И потому шли к беговой дорожке неторопливо-размеренно, щадя свои ноющие ноги. Им еще многое сегодня предстояло вынести.

Поравнявшись с разбойником, шедшая последней Тэрлина не удержалась, искоса глянула ему в лицо и вздрогнула, как пойманный на месте воришка, натолкнувшись на изучающий, холодный взор наставника. Щеки вмиг занялись огнем, словно по ним стегнули крапивой, а в душе вспыхнула острая досада на саму себя. Вот зачем было смотреть в его сторону, если заранее знала: ничего ее там не ждет, кроме обид. Губы маркизы невольно дрогнули, искривились в горькой усмешке, и Тэри поспешила отвести взор. А потом брела мимо графа на ставших деревянными ногах, ожидая пущенного в спину окрика или насмешливого замечания.

Однако разбойник смолчал, и вскоре маркиза Дарве Ульгер забыла про эту мимолетную встречу взглядов. Да и невозможно думать о постороннем, карабкаясь с ноющими ногами и руками по канатам и пробираясь по шатким мосткам, норовящим сбросить на первый этаж, откуда придется возвращаться к тому месту, где есть хоть какая-то лесенка.

Проход по дорожке давался кадеткам нелегко, но ни одна не проронила ни слова жалобы и не помянула недобрым словом разбойника, вышагивающего вдоль сетки и отвлекающего от препятствий пристальным взглядом. Хотя раньше обязательно ворчали бы на тонкие канаты, обжигающие ладони даже через свернутые вчетверо косынки, на неудобные лесенки, тихо ругали бы вредного наставника и непременно подбадривали друг друга напоминанием о близости отдыха, горячей воды, бассейна и бодрящего отвара Доренеи.

Но сегодня их светлости чувствовали себя невероятно разбитыми и невыспавшимися и не испытывали никакого желания шутить или слушать неуместные остроты. А еще отравляло душу понимание, сколько гадостей может придумать для них разбойник, пока они ползут через проклятые трубы и карабкаются на второй этаж тропы по невероятно редким ступенькам. Ведь час, отпущенный им, давно истек, и, значит, с заданием они все же не справились, и напрасны были робкие надежды на какое-то второе дыхание, о котором краем уха слышала каждая знатная дама.

Девушек начинала донимать жажда, нещадно ныли ноги и спины, саднило содранные ладони. Прихваченные из гардеробной косынки, которые кадетки использовали вместо перчаток, уже прорвались, и ни у кого не хватало терпения аккуратно обматывать ими руки перед спуском. Их светлости давно бы сдались, рухнули на доски верхней тропы и не вставали с места, но отступить не давали взбунтовавшаяся родовая гордость и упрямое желание не показывать проклятому разбойнику своих слез.

И все же они дошли бы, хотя Кателла сама уже не могла ни спускаться, ни взбираться, и Тэри постоянно шла рядом с ней, а впереди пробиралась побледневшая Бетрисса, в каждом трудном месте останавливаясь и помогая воспитаннице втащить глотавшую злые слезы обессиленную брюнетку.

Подвел маркизу качающийся на веревках дощатый мостик. Слишком широки были промежутки между узкими дощечками, девушки преодолевали их, держась одной рукой за свешивающуюся с потолка веревку и слегка провисая вперед. Помочь Кати в этом месте было почти невозможно, но Тэри не сдавалась. Упрямо продвигаясь на шаг впереди, подавала подруге одну руку, принимая и ее, и свой вес на вторую. Остальные замерли там, где в этот миг находились, и, затаив дыхание, следили за опасным переходом. Хотя падать с мостка невысоко, всего локтей семь, а внизу пышно настелена солома, но прохода дальше нет, и придется возвращаться к самому углу.

— Больше не могу, — всхлипнула вдруг Кателла, вцепившись обеими руками в веревку. — Иди сама.

— Никуда я не пойду, — тихо, но твердо отказалась Тэрлина, стараясь не смотреть в сторону разбойника, небрежно прислонившегося к ближайшей колонне. — И тебя не оставлю. Немного отдохни — и двинемся, дальше будет легче, это последний мостик.

— Голова кружится, — виновато глянули черные глаза миниатюрной кадетки, — и руки дрожат... прости...

— Собери все силы, — одними губами шепнула маркиза, — тебя уже в столовой ждут. Ну?! Давай, Кати!

— Я попробую, — шмыгнула носом Кателла, поочередно отерла о подол окровавленные ладони, крепче взялась одной рукой за свою спасительную веревку и протянула Тэри руку: — Давай.

Девичьи руки столкнулись в вышине, вцепились друг в друга, пытаясь ухватиться понадежнее, потом Кателла изо всех сил оттолкнулась и шагнула вперед. Но не достала ногой до дощечки, на миг повисла над пустотой и, не удержавшись, сорвалась вниз, увлекая за собой Тэри.

Ахнули и на миг замерли остальные кадетки, потом как по команде начали разворачиваться и почти бегом двигаться в ту сторону, снова преодолевая только что пройденные препятствия.

— Всем стоять! — ударил по ушам резкий приказ. — Я сам.

— Пошел ты, — непроизвольно сорвалось с губ Бетриссы, впервые за восемь лет не сумевшей сдержать абсолютно не подобающее знатной даме злое выражение. — Сами обойдемся.

Бросившийся к входу беговой дорожки наставник резко замер и оглянулся на бывшую компаньонку Тэрлины, но так ничего и не сказал. Уже забыв о его существовании, Бет сломя голову мчалась на помощь воспитаннице, жалея лишь об оставленном в раздевалке парике, где было и восстанавливающее силы зелье.

Несколько мгновений граф мрачно наблюдал за упавшими кадетками, пытаясь определить, как сильно они пострадали, потом тенью скользнул за ближайшую колонну и поднес к губам сигнальный свисток. А подав сигнал, торопливо направился к тайному входу в зал и уже больше ни разу не оглянулся.

Фанья налетела на него, когда Дирард уже преодолел лестницу и ступил в собственную гардеробную, крошечную, как чуланчик в небогатом доме. И так же скудно освещенную.

— Кто? — бегло оглядев напарника, сразу все сообразила его напарница.

— Обе маркизы, — сквозь зубы процедил он.

— Сильно? — помрачнела Фанья, торопливо расстегивая пуговицы темного полотняного платья.

— Не знаю, — раздраженно рыкнул он уже от выхода. — Со мной их светлости не разговаривают.

— А я предупреждала, — с чувством высказала женщина уже закрывшейся двери, проворно, как егеря по тревоге, натягивая серую тренировочную форму.

Прижала кольцо к неприметному сучку и скользнула в потайную дверцу. И пока стремглав неслась по лестнице, четко осознала, как труден будет разговор с бывшими бесприданницами и как многое от него зависит. Вернее, от нее самой и ее умения находить нужные слова в безвыходной ситуации.

Кадетки стайкой нахохлившихся серых птиц сидели на кучке соломы, не дойдя до окончания тренировочной дорожки всего пару десятков шагов. Фанья сразу поняла, откуда могли упасть туда Кателла и Тэри. С качающихся мостков, для прохода через которые требуется немного смекалки и помощь подруг. Ведь не зря же в раздевалке лежат стопки серых косынок, которые в случае, если придется преодолевать настоящее препятствие, можно легко заменить лоскутами, оторванными от широкой юбки. Ведь королевским фрейлинам не положено носить на поясе мотки веревок.

Камеристка решительно подошла к сетке, оглядела прячущих глаза девушек и, рассмотрев, в каком они виде, подавила сочувственный вздох.

— Доброе утро.

— А с вами мы знакомы? — на миг подняв мрачный взгляд, едко осведомилась Бетрисса.

— Вот на этот вопрос я предложила бы ответить тебе самой, — мягко усмехнулась Фанья. — Но, думаю, сейчас никому не до разговоров. Сначала вам нужно умыться, смазать ссадины и поесть.

— Сначала нам бы по глотку воды и по ложке зелья, силы восстановить, — горько выдохнула Октябрина. — Но ты же не дашь?

— Я сделаю лучше, — дружелюбно кивнула ей камеристка, нашедшая наконец хитроумно спрятанную гномью задвижку. — Я помогу вам дойти до умывальни.

Щелкнул маленький засов, и кусок сетки вместе с частью стойки открылся, как простая дверь.

— Кому помощь нужнее всех?

— Тэри, — неприязненно поджала губы герцогиня Лаверно. — У нее нога подвернута.

— Сейчас посмотрим. — Фанья мгновенно оказалась перед мужественно примолкшей маркизой Дарве Ульгер, присела на корточки и бережно взяла в руки начинающую опухать босую ступню. — Можешь ругать меня самыми злыми словами, но мне придется сделать тебе больно.

— Я не буду ругаться, — отказалась от предложения Тэрлина. — Привыкла... у меня эта нога часто подворачивается.

— Почему не сказала Годренсу? Он ведь вылечил вам все болезни, какие заметил, — упрекнула девушку Фанья и одним движением вправила вывих. Затем вытащила из кармана косынку, туго забинтовала лодыжку и встала: — Давай руку, помогу дойти. А вы чего сидите?

— Думаем, — испытующе глянула на нее Бет, — откуда ты так быстро тут взялась?

— Ваши светлости! Собогазоволите потерпеть с выяснениями до более удобного момента, вашей пострадавшей подруге гораздо полезнее лежать на диванчике, чем на полу. Да и воды кто-то хотел... — С этими словами камеристка подставила Тэрлине плечо и, приобняв за талию,

повела девушку прочь от этого злополучного места.

Точно зная — теперь их светлости ни за что не забудут ее обещания и ни за что не упустят случая выяснить все интересующие их вопросы. Даже не догадываясь, как хотелось бы самой Фанье пояснить им если не все, то очень многое. Но говорить вслух о некоторых тайнах пока еще рановато, а для других такое время может и вовсе никогда не наступить.

Первым делом, оказавшись в комнатах для отдыха, кадетки бросились пить, потом отправились умываться и переодеваться. Пользуясь их отсутствием, Фанья отправила сигнал магу и начала доставать из шкафчика посуду, легкие закуски и отвары, приготовленные именно на такой случай. В столовую на завтрак их светлостям сейчас лучше не ходить. Впрочем, сегодня многие из гостей не поднимутся раньше обеда, вчера она щедро поила их успокаивающим зельем, в которое добавила изрядную дозу снотворного.

— Фанья, — судя по взлохмаченному, помятому виду возникшего прямо перед камеристкой Годренса, он только проснулся, — я ведь просил не будить!

— Прости, но у нас несчастье. Тэри вывихнула ногу.

— И ты не могла вправить? — изумился он.

— Могла. И вправила. Но у нее этот вывих привычный, а кроме того, у всех кадеток содраны ладони. Если ее величество увидит...

— Понял. — Схватив со стола наполненный бокал, маг сделал несколько глотков, огляделся и подозрительно уставился на камеристку: — А где же их наставник?

— Они объявили ему бойкот.

Годренс еле слышно присвистнул, Фанья невесело усмехнулась в ответ и безнадежно пожала плечами.

— Ты не пробовала поговорить?

— Бесполезно.

— А про ее дар знаешь?

— Нет. — Фанья прислушалась и одними губами спросила: — Какой?

— Сирены.

— Святая Элторна! Так он думает...

— Сказал, что нет, — мотнул головой маг, делая знак молчать, и вовремя.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли кадетки. Точнее, фрейлины — после того как девушки сменили серые костюмы на утренние платья и приколоты парики, они больше не походили на недавних замарашек. Только подкрашенные лица были бледнее обычного да прятались под оборками ободранные руки.

— Садитесь на диванчик, — деловито предложил Годренс. — Сначала я вас подлечу.

— А с вами мы разве знакомы? — отчаянно вздернув носик, сверкнула синими глазами Дора.

— Не думаю, — хитро усмехнулся дроу, — зато я вас хорошо знаю. Могу даже перечислить все родинки.

Княжна смутилась, и ее белая кожа зацвела нежным румянцем, остальные фрейлины оскорбленно зафыркали и тоже порозовели. Лишь Бетрисса смотрела на мага с укоризной, но он словно не замечал этого взгляда.

Первым делом направился к Тэрлине, секунду рассматривал ее изучающим взглядом так задумчиво, словно слышал либо видел нечто, недоступное другим. Затем мягко высвободил из оборок спрятанные руки маркизы и, не глядя на припухшие, ободранные ладошки, стремительно, словно погладив, коснулся тонкими пальцами. После этого присел рядом с Тэри, бесцеремонно приподнял подол ее платья и поднял себе на колени завернутую косынками ступню.

Серьезно, словно делал операцию, развязал узелки, размотал ткань и несколько секунд, прикрыв глаза, водил пальцем по щиколотке.

— Ну вот и все, — наконец улыбнулся маг внимательно следящим за ним кадеткам. — Где ее обувь?

— У меня, — подала сверток Бетрисса. — А вы все болезни лечите?

— Здесь можно говорить мне «ты». — Годренс бережно, как лучшая камеристка, надел Тэрлине туфельку, вернул на место юбки и кивнул старшине: — Давай руки. Все остальные твои недуги я залечил еще месяц назад.

— Я пообещала перед Святой Элторной, — напряженным голосом выговорила Бет, — сделать все тому... кто сумеет помочь.

— Нет! Не нужно! — Маг шутливо отшатнулся, заслонился ладонями и тихо, очень серьезно добавил: — Я очень рад, что не ошибся. Сама понимаешь, некоторые меня, наоборот, за это убили бы.

— Их самих нужно убивать, — процедила Бетрисса, подавая магу ладони.

А чуть позже, когда от ссадин и волдырей не осталось и следа, вдруг резко наклонилась и истово поцеловала пальцы Годренса, не успевшего отдернуть руки.

— Бет! — возмущился он не на шутку. — Я вовсе не против, когда меня целуют красивые женщины, но не как старые крестьянки!

— А как молодые крестьянки я теперь могу целовать только своего мужа, — гордо вскинув голову, строго заявила герцогиня Лаверно. — Ты же для меня теперь не мужчина, зато гораздо больше. Почти святой.

— Я могу поцеловать, как молодая крестьянка, — протягивая ему руки, пообещала Октябрина и виновато оглянулась на подруг: — Пузырь лопнул и очень печет.

— Вот, всегда так, — притворно пригорюнился Год, прикасаясь к ее ладоням. — Девушки готовы меня целовать только за избавление от царапин.

— Не все, — задумчиво, словно впервые увидев, рассматривала его княжна Марьено. — Я готова поцеловать тебя без всякой корысти. Ссадины и сами заживут.

— Похоже, рановато я выпустила вас из той ловушки, — пошутила Фанья, — если вы еще можете думать не о еде, а о поцелуях. Кстати, позавтракайте здесь, потом вам в покои еще принесут. Сегодня можете отдохнуть, ее величество рассказала, как вы весь вечер развлекали ее и принцев.

Договаривала свою короткую речь королевская камеристка в настороженной тишине, все девушки вмиг посерьезнели и словно отгородились невидимой стеной.

— Это разбойник выдал тебе такое приказание? — подозрительно глянула на Фанью Августа. — Так вот... мы решили пойти к королеве и попросить, пусть назначит нам другого наставника. Хоть самого строгого, хоть злого, только не этого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

слегка приоткрывающая старые тайны

и преподносящая кадеткам очень неожиданные

и приятные сюрпризы

— Нет, — спокойно покачала головой Фанья, хотя на душе у нее кошки скребли, — это я сама так решила. Но если вам не трудно, объясните мне, почему вы на него так злитесь?

— Не стоит это обсуждать, — холодно поджала губы Октябрина, став на миг смутно похожей на свою мать. — Мы приняли решение и больше его не изменим.

— Кстати, — вмешался дроу, успевший подлечить герцогиню Сарнскую, — я жду обещанную награду.

— Окти, уступи мне этот поцелуй, — торопливо попросила Дора, — в счет будущих услуг.

— Я тебе его и подарить могу, — великодушно усмехнулась Октябрина, — если лекарь не против.

— Даже не знаю, как с вами поступить. — Годренс состроил озабоченное выражение лица, выждал несколько мгновений, потом хитро усмехнулся: — Но готов на замену, если вы ответите на мой вопрос. Обещаю, он будет не о графе. А за это могу так же честно открыть одну из тех тайн, которые интересуют вас. Но прежде чем откажетесь, подумайте о королеве. Могу сказать по большому секрету: преданных людей у нее меньше, чем пальцев на руках.

— С нами? — заинтересовалась Кателла.

— С вами — немного больше, — не стал кривить душой маг.

— Хорошо, — оглядев подруг, объявила Бетрисса. — От имени подруг согласна на эту сделку. А теперь мы отвернемся... вылечи уже этой упрямице ладони.

Годренс изобразил мученическую гримасу, но едва порозовевшая от волнения Дора приблизилась, резко ухватил ее за руку, прижал к себе, и они мгновенно растаяли, словно дымок на ветру.

— Ох, — дернулась княжна, внезапно оказавшись в полутемной комнате.

— Отпустить? — с учтивой насмешкой поинтересовался держащий ее в объятиях маг.

— Никогда, — мотнула головой Дора, прижимаясь чуть теснее. — Хотя целуюсь я пока не очень умело... но, надеюсь, ты поможешь?

Вместо ответа маг склонился к ее лицу и припал к девичьим губам, следуя святому правилу дроу никогда не уступать женщинам инициативу в таком важном деле.

— Пора возвращаться, — неохотно пробормотал он через несколько минут, вспомнив про толпу обиженных другом кадеток. — Но сначала скажи, ради чего ты это сделала?

— А мог бы ничего не спрашивать, — отстраняясь, горько усмехнулась Дореня, и сиявшая на ее лице блаженная улыбка начала меркнуть. — Извини, что воспользовалась моментом. Просто захотелось хоть на минуту почувствовать себя интересной такому необыкновенному мужчине.

— Дора, — мужские руки вернули девушку на место и крепко прижали к твердой груди, — не хитри! Можно подумать, ты до сих пор еще не догадываешься, сколько графов и герцогов уже сегодня вечером будут добиваться твоего расположения?

— А ты не догадываешься, как я их боюсь? — тщетно пыталась высвободиться княжна. — Хотя пока никого и не знаю, но ведь любой может оказаться шпионом или врагом ее величества. Я не хочу попадать в эту ловушку, не хочу привыкать к тайному врагу. Ведь, возможно, потом его придется убивать. У меня обязательно дрогнет рука, и я подведу девочек. А они мне как сестры... даже не знала, что так бывает. Мы почти во всем совпадаем взглядами и привычками. А в тебе я уверена, ты очень хороший человек, только слишком умело напросился на комплимент.

«Мы три месяца упорно и кропотливо работали, выбирая тех бесприданниц, кто более всего подходит остальным по характеру», — мог бы сказать ей Годренс, но вслух произнес совершенно иное:

— Дора, я ведь тоже не просто так спрашиваю. Я так же, как и все, боюсь привыкнуть, влюбиться... ты очень красивая девушка. А я слишком хорошо помню, насколько это больно, когда тобой попользуются, как вещью, и выкинут за ненадобностью, найдя другую игрушку.

— Как будто я не испытала такого предательства, — горько фыркнула княжна, сдаваясь и прислоняясь к плечу мага так, чтобы он не мог увидеть ее слез. — Вы же все про нас разнюхали, значит, знаете и про моего сбежавшего жениха.

— Он был непроходимым дураком, Дора, — вздохнул Годренс, мягко погладив ее короткие волосы, которые до сих пор жили в его воспоминании роскошным, пышным плащом, спадающим едва ли не до колен. — И поверь, Элторна его за это накажет. Она всегда наказывает глупых и подлых, а мне говорить о нем неинтересно, зато хочется о тебе. Однако пока я не могу верить в серьезность твоего выбора и хочу дать тебе время подумать — сколько захочешь. Я буду ждать и клянусь не давать ни одной из девушек надежды, пока ты не примешь окончательное решение.

— Спасибо, — всхлипнула княжна и тотчас нервно засмеялась: — А если я скажу, что мне хватило последней минуты и я больше не собираюсь тратить на проверки ни мгновения, ты поверишь?

— Да, — твердо объявил дроу, незаметно глянув перед этим на одно из своих колец, но не испытывая по этому поводу никаких угрызений совести. — Но прежде чем отдам браслет,

который приготовил для своей невесты, намерен рассказать тебе о себе.

— А вот с этим я не согласна. — Княжна решительно прижала палец к его губам. — Прости, но для меня не важно, какого ты рода и есть ли у тебя замок. Моего отношения к тебе это уже не изменит. Мне достаточно того, что мое впечатление о тебе совпало с мнением Бетриссы.

— Если бы я знал, какой сюрприз ждет меня в подвале, — очень серьезно произнес Годренс, — то надел бы лучший костюм и новую рубашку. Но теперь тебе придется принимать меня в женихи в таком вот виде, переодеваться некогда.

Он снова завладел губами внезапно обретенной невесты, а когда наконец отпустил задохнувшуюся княжну, она неожиданно обнаружила на своей руке переливающийся знаменитыми геркойскими самоцветами ажурный свадебный браслет.

— Святая Элторна, какая красота! — с неподдельным восхищением охнула Дора и тут же подняла на свежеиспеченного жениха виноватый взгляд: — Годренс, он, наверное, очень дорогой, а мы все время то плаваем, то лазим по канатам... Может, ты дашь мне какой-нибудь попроще?

— Я начинаю убеждаться, как сильно недооценил поначалу подарок судьбы, — тихо выдохнул маг, вглядываясь в ее глаза, — и просто счастлив, но это украшение стоит для меня не дороже обычного булыжника. Я сам выковырял из стен пещеры эти камушки и сам сделал браслет.

— Но ты вложил в него столько труда, терпения и души, — возразила княжна, рассматривая тончайшее переплетение цветков и листиков. — Никогда не видела такой искусной работы. По моему, он бесценен.

— Спасибо, но теперь нам пора к твоим подругам, а то они уничтожат все закуски без тебя. — Маг нежно коснулся губами виска невесты и вдруг, ведомый скорее интуицией, чем разумом, задал ей вопрос, о котором еще секунду назад даже не помышлял: — Дора, я ведь лечу с помощью магии и, отыскивая недуги, чувствую ту же боль, что и пациенты. А у тебя сегодня болели не только ладони, еще тянуло и ломило спину, руки и ноги. Мне непонятно почему. Ты не сможешь объяснить?

— Смогу, — немного помолчав, нехотя произнесла княжна. — Мы вчера очень устали. Понимаешь, разбойник все время напоминает, что тренироваться обязательно нужно каждый день, иначе все усилия напрасны. А мы два дня ехали, потом не знали, где заниматься. И когда вчера пошли на пляж, то старались побольше плавать и бегать по берегу. А после обеда нашли записку и сразу пошли в подвал. Ну и пока не проверили всю дорожку... он ведь все время чем-нибудь мажет, то чернилами, то грязью... — Девушка обиженно засопела, и руки мага тотчас, успокаивая, нежно погладили ее плечи. — А когда вернулись оттуда, в гостиную уже сидела королева.

— Все понятно. — Дроу не удержался, чтобы еще раз не поцеловать так внезапно обрушившееся на него счастье. — А теперь идем к кадеткам.

— Завидная решительность, — пробормотала Августа, отвернувшись от диванчика, возле которого только что стоял дроу, и подвинула ближе тарелку с едой. — Я буду очень рада, хотя загадывать пока рановато.

— И тебя не поразила резвость, с какой Дора взялась за соблазнение мага? — провокационно усмехнулась Фанья.

— Думаю, это не удивило никого из нас, — спокойно ответила за подругу Бетрисса, намазывая на булочку масло. — Когда очень долго пытаешься найти для себя лучший вариант, обретаешь стойкую привычку примерять роль своего мужа на каждого встреченного мужчину. Ведь выбор невелик — навсегда остаться в родительском доме тетушкой при детях более удачливой сестры или брата либо выйти замуж за обеспеченного старика. Есть и третий, самый привлекательный и самый ненадежный вариант — молодой искатель титула. В этом случае от тебя могут отвернуться все родичи или откажет в прощении королева, но вероятнее всего, что вскоре, получив заветный герб, твой избранник ударится в нескончаемые романы с юными фрейлинами и белошвейками.

— А разве маг такой уж завидный вариант? — не унималась Фанья. — Он ведь дроу!

— Лично мне абсолютно все равно, кто мужчина по рождению, дроу, маг или даже оборотень, — усмехнулась Октябрина, — если у него доброе сердце и щедрая душа. А Годренс именно такой.

— Так почему же ты его отдала?

— Так ведь он еще и не был моим, — не поддавалась на подначивание герцогиня. — Кроме того, я с детства опасаюсь магов и не люблю ни путешествий, ни чужих краев. Мне нравятся сады и роци восточной Тальзии. Дома из желтого кирпича с такими же желтыми черепичными крышами, стоящие посреди сурепковых полей. Кажется, будто солнце не покидает эти места даже в пасмурные дни, и жизнь там светлая и простая. Придворные балы и забавы не для меня, а магу, да еще и дроу, нечего делать среди сурепки и маков.

— Спасибо, Окти, — кивнула сестре Августа, — ты все прекрасно пояснила. И хотя я больше люблю небольшие городки с осенними ярмарками и тенистыми садами, в которых прячутся двухэтажные каменные особнячки, непременно с удовольствием приеду на твоё сурепковое поле.

— А я пока не знаю, — тихо вздохнула Кати, — как Итель представляет нашу будущую жизнь и что любит. И мне почему-то все равно.

— Не дразни, — с усмешкой предупредила Бет. — Мы все в душе мечтаем, чтобы нам было так же безразлично, куда ехать.

— Простите, — покраснела маркиза Зайбер, — я не нарочно.

— А при чем тут Ительниз? — осторожно осведомилась Фанья, уже сообразившая, как плодотворно провели последние дни кадетки.

По крайней мере Кателла.

— Они давно знакомы, — сухо вато пояснила герцогиня Лаверно, — а все остальное пусть объясняет барон Габерд. Но королева явно считает его преданным человеком, во всяком случае она доверила ему сыновей.

— Да, — коротко подтвердила Фанья, снова поражаясь прозорливости напарника. — Барон Габерд входит в число людей, не изменяющих своему слову.

И значит, отныне тех, кого можно посчитать по пальцам, стало на одного больше, и это полностью заслуга кадеток.

— Вы нас не потеряли? — осведомился возникший возле стола дрой, по-прежнему крепко обнимая княжну Марьено.

И бросил насторожившейся Фанье мимолетный предупреждающий взгляд.

— Почти, — проворчала она, надеясь, что правильно поняла это предостережение, снова поймала незаметный утвердительный кивок мага и его тонкую усмешку и увереннее продолжила: — Вообще-то в таких случаях, чтобы не бросить тени на репутацию дочери знатного рода, принято предоставлять свидетелям уважительные причины. Или...

— Я так и поступил, — спокойно завершил ее речь маг, бережно приподнимая руку Доры и предъявляя притихшим кадеткам обнимающий запястье княжны изящный, как серебряное кружево, браслет. — Предложил ее светлости свою скромную персону в спутники жизни, и она сооблаговостила ответить согласием.

— Это брачный браслет? — задохнулась восторгом Кати. — Как я рада, Дора! А то уже почувствовала себя почти предательницей!

Вскочила со стула и помчалась обнимать смущенно улыбающуюся невесту.

Подруги отстали от нее всего на мгновение, и несколько минут порозовевшую от такого внимания княжну обнимали, теребили и целовали так, будто она уже вышла из храма Элторны.

— А теперь вам пора вернуться в ваши комнаты, — наконец решительно прервал эту суматоху Годренс, собравший за это время в хлебную корзиночку все оставшиеся пирожки, колбаски и кусочки сыра. Сунул плетенку в руки невесте и объявил: — Я открываю портал.

— А вопрос? — прищурилась ничего не забывающая Бетрисса.

— Позже, сейчас меня ждут важные дела. Но вот одно обещание, в счет подарка, приму с удовольствием.

— Какое?

— Не расстраивайте ее величество вашей просьбой, ей сейчас и без того очень тяжело. Вчера всех нас собирались убить, но у меня совершенно случайно оказался мощный защитный артефакт.

— Хорошо, — помолчав, кивнула вмиг посерьезневшая Бетрисса и, не глядя на примолкших подруг, первой шагнула в туманный овал.

Фанья проводила взглядом исчезнувших в портале кадеток, хмуро вздохнула и уставилась на подошедшего к ней дрой:

— Ну и что ты узнал?

— Не хочется повторять дважды. — Ухватив ее за руку, маг нажал на один из камней браслета, и они оказались в просторной комнате с настежь распахнутыми на балкон дверьми.

Безошибочно определив местонахождение друга, Годренс решительно прошел на крытую террасу. Привычно проверил взглядом сияние сиреневатых дуг защитных амулетов, стоящих на башнях ограды, и устало шлепнулся в кресло напротив мрачно взиравшего на сад Дирарда.

— Ну, рассказывай, — поторопила присевшая на последнее кресло Фанья.

Никого, кроме них, граф Шаграйн в свои покои не допускал.

— О чем? — взглядом подвигая ближе накрытый к завтраку столик, приподнял бровь маг, так же взглядом налил крепкого чаю и добавил две большие ложки меда. — А можно сначала перекусить? Все же я работал.

— Хорошо, тогда скажу я. — Фанья тяжело вздохнула, покосилась на глядящего мимо них напарника и негромко сообщила: — Она вывихнула ногу. Оказывается, у нее привычный вывих, но все равно ей было очень больно. У нее в такие моменты зелень в глазах выцветает, остается только серый цвет. Поэтому я сразу вызвала Года.

Скулы графа напряглись и застыли, но он по-прежнему молчал, упрямо глядя вдаль.

— Они очень обижены, — еще тише пробормотала камеристка, — и не желают разговаривать на эту тему. Зато собирались идти к королеве просить другого наставника. Год их отговорил, намекнув на вчерашнее нападение.

— Очень хорошо, — с преувеличенным безразличием процедил Дирард, — значит, будешь заниматься с ними сама. Я с самого начала был против, и ты об этом прекрасно знаешь.

— А я с самого начала говорила, что ты переоцениваешь свое обаяние. И недооцениваешь способности Годренса. С тех пор как кадетки носят зачарованные им побрякушки, ни у кого не появилось горячего желания заполучить твою ценную особу в свое единоличное распоряжение.

— Ты нарочно пытаешься меня разозлить, — устало усмехнулся граф, — но я уже давно раскусил все твои трюки. И не собираюсь испытывать крепость заклятий Года. Не хочется потом расхлебывать кашу из шести влюбленных знатных девиц.

— Шести не будет. — Маг спокойно допил чай и отставил чашку. — Кателла всерьез увлечена бароном Габердом, Бетрисса намерена хранить верность герцогу Лаверно, а Дора взяла мой браслет.

— Вот как, — ехидно заухмылялся Дирард. — А я вам говорил, что долго они не продержатся. И едва окажутся во дворце — начнут ловить женихов. Но ты-то как попался, ведь у тебя защита учителя?

— Кольцо показало, что Дора не лжет, — нехотя сообщил маг и остро глянул в желтеющие глаза друга. — И теперь я от нее ни за что не откажусь. И даже не пытайся помешать.

— Наоборот, я рад за тебя, — снова помрачнел граф. — Но послушай добрый совет — не показывай никому, что она для тебя ценнее, чем простое развлечение на время отдыха. Ты и сам знаешь, что враг не шутит и будет рад найти хоть маленькую твою слабость. Ты же не хочешь, чтобы с Дорой случилось что-то мерзкое?

— Так ты поэтому... — задумчиво протянул маг и смолк, остановленный яростным взглядом еще сильнее пожелтевших глаз.

— Не поэтому. Но не хочу упустить из виду ни одной, самой малейшей возможности добраться до дорогих мне людей. И всерьез считаю, что утром с кадетками нужно заниматься Фанье. А я буду завтракать с королевой. Мальчишками в это время займутся Габерд и Год. Одному барону

защитить их не под силу.

— Я поставил там три шара, вполне могу наблюдать со стороны, — сухо вато сообщил маг, глянул на сердито поджавшую губы Фанью и нехотя добавил: — Я пообещал кадеткам рассказать одну тайну, если ответят на мой вопрос, но теперь и без этого все знаю. Как ни обидно, оказалось, что во вчерашней вашей ссоре изначально виновен я.

— Хитришь, — не поверил Дирард.

— Нет. Ты ведь знаешь, как нехорошо чувствует себя человек, перешедший порталом на значительное расстояние? Помнишь возвращение на Идрийс? Мы закаленные воины, а тошнило, как нежных девиц. Вот и они испытали похожие ощущения, оказавшись на южном побережье. И хотя после этого девушки два дня отдыхали, но вчера вспомнили твои наставления и решили наверстать пропущенные тренировки. Сначала плавали и бегали по берегу, после обеда обнаружили мою записку и послушно отправились в подвал. Но не ограничились простым осмотром — решили пройти полосу препятствий. И прошли от начала до конца, внимательно, как ты учил, проверяя все подозрительные места. К концу тренировки они едва не падали от усталости, а вернувшись в гостиную, обнаружили там рыдающую королеву, я умышленно отправил ее к ним. С того момента девочки не отходили от ее величества ни на шаг, поили, развлекали и прилежно старались держать прямо уставшие спины. Вот это меня и изумило, когда я залечивал им ладони. Ведь падали только Кати и Тэри, а спина и ноги болели у всех.

— И тут являешься ты, — печально подвела итог Фанья, — свежий, с тросточкой и усмешкой. Они же даже близко не представляют, что ты можешь так усмехаться, когда у тебя в ноге торчит наконечник стрелы. Вот и сорвались... И нужно сказать, ты мог бы пошутить, но не захотел. И не спорь, я отлично понимаю, что ты переживал за Зантарию и знал, как сильно она волнуется, потому и заявился такой уверенный и бодрый. В тот момент девушкам хватило бы одного доброго слова, но ты же упрямо строишь из себя серого волка. Не зря они зовут тебя разбойником. Но учить их я все-таки не буду, мне никогда не рассмотреть тех тонкостей, какие замечаешь ты. И пить ради этого зелье тоже не стану, оно с каждым разом действует все слабее. Поэтому утром в подвал пойдешь сам, а до вечера постарайся с ними помириться. Год тебе поможет.

— И даже денек отдохнуть от них не дашь? — обреченно глянул Дирард. — Я же тоже не железный.

— Тебе нельзя терять их доверие, оно и так едва держится, можно сказать, на ниточке. А отдохнем после, как только Альри сможет надеть корону.

Фанья решительно поднялась и пошла прочь, словно не замечая провожающего ее тоскливого взгляда.

— Хотел бы и я верить, что в тот момент все наши беды закончатся, — тяжело выдохнул советник. Помолчал и виновато глянул на друга: — Прости, я тебя так и не поздравил. Но ты же знаешь, как я рад за тебя, за вас. И даже завидую.

— Я сам себе завидую, — с неожиданно смущенной улыбкой признался дроу. — Уже и не надеялся встретить ту девушку, которая рассматривает во мне хорошего человека, а не всемогущего мага.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Про новые знакомства и встречи кадеток, недобрые
развлечения некоторых знатных гостей и новые тайны
разбойника

— Все-таки Доре здорово повезло, — глубокомысленно объявила полулежащая на диване Кателла, отщипывая хвостик от крупной янтарно-желтой ягоды. — Не так, как мне, разумеется, но иметь под боком такого полезного мужа просто замечательно. Не успеешь уколоть пальчик, как он провел над ним рукой — и все. Не болит!

Кадетка отправила ягоду в рот, пожевала, оглядывая удобно устроившихся на диванах и в креслах примолкших подруг, успевших подробно обсудить за последние три часа неожиданный поступок княжны, и вдруг добавила:

— А я догадалась, как можно пройти тот мостик. У нас же полно платков. Те, кто пойдут первыми, могут сделать из них пояс, привязаться к первой веревке и дотянуться до следующей. Подтянуть ее и сделать нечто вроде перил, тогда перепрыгивать будет намного проще.

— Я тоже все время над этим думаю, — призналась Тэрлина. — Ведь не зря он говорил, что человек, умеющий необычно использовать самые заурядные вещи, найдет выход из самой хитроумной ловушки.

— Что-то он про нас забыл, — вдруг невпопад произнесла Дора и виновато вздохнула: — Мне не дают покоя слова Годренса про вчерашнее нападение. Теперь я намного лучше понимаю королеву, она же не знала, что им удалось выжить, и оплакивала их всех. Фанью, мага, разбойника, всех воспитанниц и фрейлин. Особенно тех, на кого может положиться. И, разумеется, себя, сыновей, ну и нас заодно. Ведь после гибели королевского обоза врагам Зантарии ничего бы не стоило захватить Беленгор.

— Не люблю обсуждать неслучившиеся трагедии, — резко отодвинула блюдо с ягодами Кати. — Мне после этого страшные сны снятся. И есть больше не могу. И вообще мне кажется, что мы неправильно поступаем. Он, конечно, невыносимо грубый, и я на него тоже сердита, но не люблю несправедливость. Хоть он и вредный, но все равно о нас заботился. Меня все время из лабиринта вытаскивал и сегодня утром бежал помочь. И Бет я не осуждаю, она за нас с Тэри волновалась. Но сидеть на диване целый день мне не нравится.

— Да какой там день, — хмуро бросила Августа, — еще даже к обеду не звонили. Но тебя я понимаю, там гости, наверное, уже гуляют, а барон — мужчина видный. Хотя мы еще не решили, как быть с разбойником.

— А может, никак? — задумчиво произнесла Бетрисса. — Тем более я сама виновата, не сдержалась. А ведь старше его и, значит, должна быть мудрее.

— Никто не виноват, — не согласилась Октябрина. — Просто день выдался очень трудный, столько событий, переживаний... Наша матушка говорит про такие — где-то ведьма родилась. А про разбойника — я согласна с Бет. В конце концов, мы же знатные девушки, и нам не пристало скандалить и мстить, как лавочницам.

— И очень хочется погулять и посмотреть на гостей, — привычно поддакнула ей сестра и решительно поднялась с кресла: — Идемте одеваться. Какой сегодня цвет выберем?

— Светло-зеленый, — молчаливо соглашаясь с их решением, усмехнулась Бетрисса. — На его

фоне наш загар будет не так заметен. Да и фрейлины непременно наденут белое и розовое. Уж не знаю почему, но наряды, в которые они обожают наряжаться в приморских поместьях, всегда напоминают мне клубничное суфле со взбитыми сливками.

Ительниз медленно сделал крохотный глоток белого вина и с притворной небрежностью откинулся на спинку плетеного кресла-качалки, в котором упорно сидел уже почти час. С того самого момента, как с рук на руки передал принцев учителям и наставникам, пришедшим в тренажерный зал в сопровождении придворного мага.

Почувствовав себя свободным, он резко заторопился, намереваясь бежать наверх и искать Кателлу, хотя плохо представлял себе, где могут находиться фрейлины в это солнечное утро.

Разумеется, возможностей у них хоть отбавляй, зато почти не бывает права выбора: в отсутствие принцев девушки обязаны сопровождать королеву. Однако Итель надеялся на собственную наблюдательность и языки придворных сплетников, которые наверняка уже успели рассмотреть хорошеньких фрейлин и обсудить все их достоинства. Недостатков сам Ительниз пока не заметил и надеялся, что не найдут и другие, особенно в Кателле. Иначе...

— Они сидят в своих покоях, — поравнявшись с мечником, тихо выдохнул шедший позади всех маг, — и выйдут нескоро.

— Почему? — невольно задал Итель выдавший его с головой вопрос.

— Отдыхают, — многозначительно глянул Годренс и не проронил больше ни слова, но барон и сам уже мог домыслить недосказанное.

Ведь видел вчера, как неустанно они старались отвлечь королеву от тяжелых мыслей, с каким вниманием и сочувствием окружили ее неназойливой, но беспрестанной заботой. Можно представить, как нелегко было девушкам вставать сегодня на рассвете, хотя здесь, на юге, эти часы считаются самой лучшей частью дня.

Итель невольно припомнил, как поразила его вечером темнокудрая возлюбленная, осыпавшая собеседников шутками, загадками и забавными притчами с легкостью опытного шута. Слушая Кателлу, барон, повидавший немало клоунов, фокусников и комедиантов, чистосердечно восхищался ею и так же искренне недоумевал, почему она до сих пор не замужем. Ну пусть он сам обычно старался не задерживаться в гостях у дядюшкиной вдовы, но ведь там бывали и другие знатные господа! Неужели всех отталкивало отсутствие у нее приданого? Или он чего-то не знает? Хотя теперь для него не имеют значения никакие прошлые тайны и секреты, но, возможно, Кати до сих пор нужна помощь?

Итель сегодня только о том и думал, валяясь в кресле на тенистой западной веранде с нарочито неприступным выражением лица. Не хотелось вызвать у ищущих развлечения придворных дам желания увлечь его в одну из разбросанных по саду тенистых беседок.

Легкий шум привлек внимание Ительниза, и он нехотя скосил в ту сторону взгляд. А в следующий момент уже бежал, перепрыгивая клумбы и аккуратно подстриженную самшитовую ограду, к толпе числившихся приятелями старшего принца веселящихся лоботрясов, окруживших группку девушек в зеленоватых платьях. Барон никогда бы не сумел объяснить, почему он сразу признал в них подруг Кателлы, но внезапно возникшая уверенность была так тверда, словно ему заранее сообщили, в каких нарядах пойдут гулять необычные фрейлины.

Но пробежав почти половину расстояния и не заметив в действиях наглых юнцов чрезмерных вольностей, Итель немного успокоился и сообразил, как нелепо и подозрительно выглядят со стороны его прыжки через клумбы. Нехотя сбавив скорость, барон двигался дальше по причудливо извивающейся дорожке хотя и поспешно, но с показным спокойствием, не переставая наблюдать за происходящим. И очень скоро, к своему изумлению, заметил еще четверых мужчин, с разных сторон так же целеустремленно двигавшихся туда же, куда и он сам.

Двоих из них Итель знал, причем первого — как облупленного. Ветреный граф Мишеле Хангро выглядел сегодня нарядным, как жених, и его рыжеватые кудри не вились по обыкновению в живописном беспорядке, а были стянуты на затылке в хвост. Вторым знакомым барону мужчиной был советник королевы, граф Дирард Шаграйн, довольно таинственная личность. Появившись во дворце всего несколько месяцев назад, он тут же оказался в любимчиках ее величества и сразу получил пост, о котором не могли и мечтать давно отиравшиеся возле королевы придворные лизоблюды. Впрочем, несколько знакомых Ителю офицеров отзывались о тайном советнике очень уважительно, а один из них по дружбе рассказал, что граф Шаграйн несколько лет инкогнито командовал засекреченным отрядом разведчиков и именно добытые им сведения и личная отвага помогли победить в Донгер-Карритской кампании.

А вот остальные двое — подтянутый сухощавый мужчина среднего возраста с аристократически-бледным лицом и широко шагавший загорелый плечистый молодой офицер — оказались совершенно незнакомыми, более того, Итель мог бы поклясться, что они никогда до этого не были гостями Беленгора.

Это и само по себе было довольно подозрительно. А тот факт, что все они исподтишка наблюдали за фрейлинами и теперь явно намеревались вмешаться в их баталию с ловеласами, причем неизвестно, на чьей стороне, делал ситуацию еще более напряженной. Итель незаметно подвинул на поясе ножны, готовясь выхватить кинжал, и подавил мелькнувшую досаду. Сейчас поздно жалеть, что не нашел Мишеле и не поговорил с ним, а теперь они вполне могут оказаться противниками. Среди господ, атаковавших девушек, по меньшей мере двое дружков графа, и нетрудно предугадать, на чью сторону он пожелает встать после вчерашних событий.

Зато можно не сомневаться, кто непременно будет сражаться рядом с бароном. Дирард Шаграйн, или, если верить невероятному рассказу, Радо, командир таинственных «черных волков». И судя по отзывам, в бою он стоит пятерки опытных бойцов.

Дружно захохотали придворные повесы, и Итель невольно добавил шагу, хотя уже мог расслышать, о чем шел разговор.

— Значит, вы утверждаете, что знаете всех знатных дам Тальзии? — кротким голоском осведомлялась Октябрина. — Так, может, назовете мне имена моих сестер, герцогинь Сарнских?

— А есть такие герцогини? — глумливо удивился модник в щедро обшитой торемским кружевом рубашке. — Почему же в таком случае они никогда не бывают на балах у князя Сарлита Галтено?

— То есть вы не считаете знатными тех дам и господ, которые не бывают на балах у князя? — мило улыбнулась герцогиня Лаверно.

— У нас собирается весь столичный цвет, — надменно задрал нос очень молодой мужчина, стоявший рядом с модником. — И если бы у вас, очаровательные пастушки, были титулы, то вы непременно получили бы приглашения. Но ради ваших прелестных глазок, милочки, я готов простить тетушке этот розыгрыш и приглашаю вон ту, рыженькую, в ближайшую беседку... побеседовать о генеалогических древах.

— Как забавно он выражается, — задумчиво произнесла княжна Марьено, которую только что назвали рыженькой и оскорбили наглым предложением. — Не уверена, что это настоящий княжич Фангерт Галтено.

— Я тоже теперь начинаю сомневаться, ваша светлость, — печально кивнула Бетрисса, — и думаю, его светлость князь Сарлит Галтено будет очень благодарен за сообщение о двойнике его сына.

— Не мелите глупостей! — Покрасневшее от вина и солнца самоуверенное лицо княжича исказила злая гримаса, свидетельствующая о его невыдержанности. — И вообще, вас сюда привезли не для того, чтобы много болтали...

— Я не намерена дальше выслушивать ваши грязные измышления, — мгновенно превратилась в ледяную статую Бетрисса, — и не могу считать вас ни знатным, ни умным после того, как вы усомнились в чистоте королевского рода.

— Когда это было? — угрожающе оскалившись, двинулся на Бетриссу княжич.

— Полминуты назад, — вставая перед герцогиней Лаверно, заявил советник так же холодно и спокойно, как его ученица. — Ты при всех заявил, что те дамы и господа, которые не бывают на балах твоего отца, знатными считаться не могут. И поскольку ее величество никогда не посещает никаких увеселений, это заявление является прямым оскорблением ее чести и подлежит наказанию.

— Я сам отправлю его в тюрьму, — мгновенно возник рядом с советником Годренс, и в тот же миг в руке княжича хрустнула капсула переноса.

Вокруг него тотчас вспухли клубы серого дыма и взвились к небу, вытянувшись в ровный столб. Он вмиг поднялся выше башен и замер, словно наткнулся на невидимую преграду. Метнулся в одну сторону, в другую... и уронил тело неудачливого беглеца к ногам напряженно стиснувшего губы мага. Медлитель Годренс не стал — крепко ухватил княжича за кружевной ворот и исчез вместе с ним.

— Как хорошо, оказывается, снаряжен двоюродный племянник ее величества, — едко заметил советник и устоял на дружков Фангерта: — Ну, у кого еще есть капсулы? Неужели больше никто не желает попытать счастья? Возможно, вам удастся убежать от наказания.

Компания наглецов дрогнула и разделилась: несколько человек отступили назад, но четверо, выхватив мечи и метательные ножи, без предупреждения ринулись на Шаграйна.

— Отходите назад, — крикнул фрейлинам барон Габерд, выхватывая кинжал и бросаясь на помощь советнику.

Успев краем глаза заметить, как рядом с ним плечом к плечу встали двое незнакомцев и ветреный Мишеле.

— Святое небо... — ринулась в ту сторону Тэрлина, но Бетрисса оказалась быстрее и успела

ухватить воспитанницу за рукав:

— Куда!

— Там Карл! Разве ты не видишь?!

— А ты намерена прикрыть его своим подолом? — сердито съязвила старшина. — Или думаешь, это он первый раз дерется и раньше все дни проводил у окошка, нюхая герань?

— Но я ведь...

— Должна притворяться легкомысленной и глуповатой, — тихо напомнила Бет, почти силой уводя Тэри к беседке, около которой тесной кучкой уже стояли их подруги, — и подчиниться приказу барона. К драчунам сейчас лучше не приближаться, разбойник и сам с ними разберется, взгляни, как машет своей тростью.

— Бет, тебе помощь не нужна? — торопливо шла навстречу Октябрина. — Надеюсь, вы обе в порядке?

— Нет, — отказалась старшина и тут же заинтересовалась: — А с чего ты вдруг решила, что со мной что-то может случиться?

— Ну так ведь Карл, — виновато прикусила губу герцогиня, — и дядюшка Тайвор...

— Окти! — укоризненно качнула головой Бетрисса, увлекая подругу к беседке. — Ну какое отношение имеет мой муж к молодому маркизу? Карл для меня — всего лишь сын людей, давших мне работу, кров и доброе отношение. Если вам интересно, я могу как-нибудь рассказать эту историю.

— Уф... извини. Прямо от сердца отлегло. А я как увидела их вместе, так душа в пятки ушла, и никак нельзя было тебя предупредить из-за этих грубиянов. Первый раз встречаю таких в королевском дворце.

— Подожди, не смешивай перец с солью, — озадаченно нахмурилась Бетрисса. — Где герцог Лаверно?

— Так вон же он, дерется рядом с Карлом Ульгером!

Едва разгоряченные вином, жарой и злобой ловеласы ринулись на графа Шаграйна, он махнул навстречу неожиданным врагам неизменной тросточкой, одновременно нажимая потайную пружинку. Из наконечника посоха стремительно выскочило длинное и тонкое, как змеиное жало, лезвие. Судя по синеватому цвету и хорошо знакомым знатокам оружия тонким радужным разводам — гномьей работы. И это значило, что не стоит врагам графа надеяться на вшитые в колеты стальные нити: гномьи клинки одинаково уверенно разрезали и самые лучшие, тройного плетения кольчуги, и цепи зачарованных в Дройвии амулетов. Только изделия мастеров с плато магов могли противостоять оружию коротышек.

Несколько пробных ударов советник нанес легко, словно шутя, без зазрения совести используя значительное преимущество длины своего необычного оружия. Однако старательно целился только в плечи противников, и рубашки двоих из четырех его врагов почти сразу окрасились кровью. В этот момент рядом с графом возникли четверо нежданных соратников, и пару бузотеров отвлекли на себя барон Габерд с балагуром Мишеле.

Лейтенант с незнакомцем попытались отобрать у графа последних врагов, но он остановил слишком рьяных помощников сердитым шипением:

— Это мои! Уведите лучше фрейлин!

— А вам двоих не многовато? — и не подумал отступить изысканно и строго одетый господин и изумленно приподнял бровь, поймав шальную ухмылку известного всем холодностью графа.

— Наоборот! — Дирард сделал пару быстрых выпадов и располосовал колено ближайшего врага.

Со стороны рана казалась легкой, но дебошир громко вскрикнул, выронил оружие и повалился на бок. А граф, уже осыпавший градом стремительных ударов следующего, внезапно резким взмахом клинка выбил оружие из рук неприятеля.

— Сдавайся! — прижав острие к его груди, холодно потребовал Шаграйн, мельком оглядывая поле боя.

Неизвестно откуда взявшийся Карл Дарве Ульгер вместе с герцогом Лаверно уже связали раненного им ловеласа и теперь помогали барону Габерду, вместе с другом загнавшему своих противников в фонтан. Все вчетвером они бдительно следили, чтобы насквозь промокшие и потерявшие всякий лоск грубияны никуда не ускользнули. Значит, поняли, что он не собирался никого убивать, и теперь просто развлекаются, усмехнулся Дирард и снова уставился на побежденного противника.

— Сейчас... — зло пробормотал тот, одаривая победителя полным ненависти взглядом, и вдруг, стремительно отскочив, зайцем метнулся в сторону, крича: — Давай!

— Подлец, — запоздало понимая, как опрометчиво поверил в трусость остальных дружков княжича, рывком обернулся к ним граф и тотчас изо всей силы стиснул в пальцах хрупкий сигнальный свисток, сминая в блинчик мягкий металл.

Крайняя мера, но подать сигнал иным, более привычным способом он уже не успевал. В отведенной назад руке одного из смутьянов стеклянно поблескивал какой-то небольшой предмет, и не было никакого способа его отнять. А в следующий миг стало поздно — блестящая вещичка взвилась ввысь, пущенная опытной рукой в сторону фрейлин.

Но граф на него уже не смотрел, он с невероятной скоростью мчался к подопечным и казался затаившим дыхание кадеткам смазанной тенью, смутно напоминавшей очертаниями крупного белого зверя.

Бетрисса даже головой встряхнула, стремясь избавиться от наваждения, и тут у них над головами раздался сухой треск, словно взорвался праздничный фейерверк. И почти в то же мгновение бесцеремонным ураганом налетел разбойник, одним движением забросил девушек в беседку, и они перепутанной кучкой рухнули на застланный по торемскому обычаю коврами и одеялами пол. Кто-то охнул, кто-то вскрикнул — и почти сразу смолкли, потрясенно глядя в ту сторону, где были всего секунду назад.

Сияло голубоватой льдинкой закрывшее широкие проемы беседки марево, исходящее от вцепившегося руками в столбики Шаграйна. А за спиной разбойника бесновались и бушевали фиолетово-рыжие языки пламени, не позволяя рассмотреть его опущенное лицо, занавешенное упавшими темными прядями.

— Все целы? — осторожно сдвинулась с чьей-то ноги Бетрисса. — Тэри, ты как? Поднимайся.

— Сидеть.

В голосе разбойника не было ни намека на приказ, ни привычной им насмешки, но кадетки тут же перестали шевелиться, оправлять платья и потирать ушибленные и отдавленные руки и ноги. Замерли испуганной стайкой, не сводя взглядов со странного огня, бесконечной лавиной льющегося с крыши, но так и не достигающего земли. А потом расслышали где-то за этой стеной грозовой грохот, следом за ним — громкие выкрики и истошные вопли и прижались друг к дружке еще теснее, начиная понимать, как именно чувствовали себя вчера вечером путешественники королевского обоза.

— Проклятые гады, — неизвестно на кого шепотом выругалась Октябрина. — Ну где там твой маг, Дора?

— Не знаю, — всхлипнула неустрашимая княжна Марьено. — Наверное, сражается с ними.

— Сейчас придет, — хрипло пробормотал разбойник, закашлялся и вдруг, разжав руки, рухнул ничком там, где стоял.

— Ох, Святая Элторна, — пискнула Кати и зажала рот руками, глядя на дымящееся на его спине рванье, бывшее совсем недавно щегольским шелковым колетом.

— Все целы? — заглянув в беседку, озабоченно повторил Годренс вопрос старшины, всмотрелся в путаницу зеленых платьев. — Дореня?

— Все, — поспешила успокоить его Бетрисса, уже стоявшая на коленях возле наставника. — А вот он...

— Сейчас унесу, потерпите минутку.

Маг исчез, и девушки, наконец поверив, что все самое страшное закончилось, принялись подниматься и приводить себя в порядок, украдкой поглядывая на так и сидевшую возле разбойника старшину и сжавшуюся в комок Тэрлину, словно никого не видевшую и не слышавшую.

— Кателла? — замер на низкой, широкой ступеньке барон Габерд. — Вы все целы?

— Пора вышить эти слова и повесить над беседкой, — нервно засмеялась Дора. — Кати, а ты почему молчишь?

— Плачу, — всхлипнула отвернувшись к заплетенному душистым горошком окну маркиза Зайбер. — Сейчас... еще немножко...

— Счастье мое... — не выдержал Ительниз, шагнул ближе и наконец рассмотрел лежащего на полу советника. — Темные силы... как он?

И, не дожидаясь ответа, присел на корточки, положил пальцы на запястье графа, нащупал пульс.

— Слава светлым богам, я теперь перед ним в неоплатном долгу...

— И я, — уверенно заявил за его спиной маркиз Карл Дарве Ульгер, осторожно подвинул барона в сторону и, склонившись к Бетриссе, коротко чмокнул ее в щеку: — Спасибо, Бет.

Ловко проскользнул мимо, поднял с пола протянувшую ему руку сестру и направился с ней к дальнему окну, под которым стоял мягкий диван.

— А ты почему не плачешь? — усадив Тэрлину, заглянул маркиз в ее потемневшие едва ли не до черноты глаза и вдруг предложил: — Выпей вина, а? У меня домашнее... мускатное. А потом поедem домой, нечего тебе тут делать. Если королеве так нужно, я сам буду ей подушечки вышивать.

— Настоящий мужчина! — не выдержав, фыркнула сидевшая почти рядом Августа и выдохнула то ли с жалостью, то ли с гордостью: — Да кто же ее отпустит!

— Кстати, — наконец немного пришла в себя Тэрлина, — познакомься, Карл. Это моя хорошая подруга, герцогиня Августа Сарнская, я давно мечтала тебя ей представить.

— Маркиз Карлант Дарве Ульгер, — мельком глянув на соседку сестры, попытался щелкнуть каблуками лейтенант, но мягкие ковры испортили весь эффект.

— Очень приятно, — с легкой насмешкой отозвалась герцогиня и, мстительно усмехаясь, величаво протянула руку для поцелуя: — Надеюсь, вы будете так любезны проводить нас в дом.

— Непременно, — вернул насмешку Карл, небрежно чмокнул пальцы герцогини и снова отвернулся к Тэрлине: — Не волнуйся, я сам буду просить королеву.

— Тэри, Августа, — окликнула подруг Бетрисса, и девушки дружно ринулись к ней, едва разглядев появившегося в беседке Годренса.

— Куда?! — вмиг оказался перед сестрой маркиз. — Разве ты не поняла? Твоя служба здесь закончена! Я больше не намерен смотреть, как тебя унижают всякие богатые бездельники. Кстати, я нашел тебе жениха, молодого и обеспеченного, папенька уже дал согласие. А еще тебя дома ждет сюрприз... но я поклялся молчать.

— Карл, — не вытерпела Бетрисса, глядя, как исчезают в тумане портала ее подруги, — не держи ее, нам нужно уходить. Поговорите позже...

— Бетрисса? — нахмурился офицер, но руку вырывающейся сестры отпустил, хотя продолжал идти за ней следом. — С каких это пор ты считаешь службу фрейлиной подходящей для Тэри? Неужели я в тебе ошибался?

— Потом, — остановил его придворный маг, довольно бесцеремонно запихивая маркизу Дарве Ульгер в темную пропасть перехода. — Сейчас некогда. Габерд, приведи во дворец всех, кто встал на сторону советника, королева даст им аудиенцию.

И исчез так же стремительно, как его портал.

Карлант сумел наконец открыть рот, словно запечатанный в последнюю минуту куском клейкой смолы, и тихо, но с чувством ругнулся. Все увиденное им во дворце не нравилось офицеру с каждым мгновением все сильнее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

О сомнениях Карла Ульгера, догадках Олифании,

секретах разбойника и коварных планах Бетриссы

— Я барон Ительниз Габерд, — подошел к маркизу темноволосый воин, и Карл тотчас состроил самое учтивое выражение лица. — Спасибо за помощь.

— Маркиз Карлант Дарве Ульгер, — по-военному четко ответил лейтенант, лихо щелкнув каблуками и на миг склонив голову в уважительном поклоне.

Имя мужчины, стоявшего сейчас перед ним, далеко опережало по известности своего хозяина. Вряд ли нашелся бы среди знатных забияк и воинов Карстада человек, не знающий, чем прославился барон Габерд. Но маркиз никогда не стремился к близкому знакомству с ним, поскольку не имел достаточно средств, чтобы оплатить уроки, и не желал, чтобы его приняли за любителя получать подобные подачки по дружбе. Но поскольку барон не раздумывая бросился защищать от оскорблений разгульных дружков королевского племянника дочерей знатных домов, в том числе его сестру, то и маркиз Дарве Ульгер готов ответить на добро готовностью оказать ответную услугу.

Хотя его немного насторожила простота, с какой придворный маг обращался к барону Габерду с указаниями, но Карл решил не делать окончательных выводов до тех пор, пока не разберется в происходящем получше. Жизнь в столице приучила его не верить радушным речам и угадывать за милыми улыбками скуку и безразличие, а иногда и высокомерное презрение.

— Искренне рад встрече с вами, маркиз, — с неожиданной теплотой глянул на него знаменитый мечник. — Я знаком с вашей сестрой и могу заявить без преувеличения — ваши родители могут гордиться дочерью. Ее светлость Тэрлина Дарве Ульгер замечательная девушка. Вы сегодня прибыли? В обозе вас не было. Идемте со мной, я отдам распоряжение устроить вас поудобнее.

Очень редко Ительниз разговаривал с мужчинами подобным образом, но в колючем взгляде этого бравого офицера плескалось просто море недоверия и тревоги, и барон решил немного успокоить маркиза, ни минуты не раздумывавшего сегодня, на чьей стороне принять бой. И не важно, что тут была его сестра, не так много в мире знатных господ, для которых это обстоятельство является наиважнейшим. Тем более князь Сарлит Галтено, двоюродный брат покойного короля по отцу, имеет огромное состояние и наглость считать себя более достойным королевского трона, чем вдова Иглунда Саторза Селваронского. И хотя говорит об этом только в самом узком кругу своих друзей, однако слухи ядовитыми змейками уже ползут по столице.

— Спасибо, — вдруг насторожился еще сильнее лейтенант, — а что вы имеете в виду, говоря так о моей сестре?

— Ничего оскорбительного, — спохватился направившийся к выходу из беседки Ительниз, с досадой осознавая, что придется пожертвовать частью личного секрета. — Просто они хорошие подруги с девушкой... ну, в общем, это совсем не то, о чем вы могли подумать.

— Я рад, — буркнул Карл, вспоминая ту девушку.

Действительно, очень миловидная, и фигурка, как он успел заметить, просто соблазнительная. Неудивительно, что барон так о ней печется, жаль только, Тэри об этом не догадывается, иначе не стала бы представлять Августу ему. Наивная, считает, будто полунисий маркиз может заинтересовать красавицу герцогиню! Да она наверняка и самого барона Габерда не замечает — как теперь помнится Карлу, промчалась мимо мечника к магу, не приостановившись даже на миг.

Выйдя на ступеньки беседки, он еще раз оглянулся на ее обуглившуюся крышу и столбы и

снова содрогнулся, живо ощутив запах гари и ужас, бушевавший в тот миг в его душе.

Снова, как несколько минут назад, отчаянно махал руками придворный маг, осыпая горами льдинок не гаснущие потоки огня, а отряд налетевших грачами егерей вместе с бароном Габердом и его помощниками связывали громко стонущих бузотеров. Тот же самый маг, едва вывалившись из портала, первым же движением руки послал на них грозовую тучу, разразившуюся роем рыжих молний.

— Барон Ительниз Габерд, — снова представился мечник, остановившись перед гостем, прибывшим в Беленгор почти одновременно с Карлом.

И так же решительно, как маркиз, ввязавшимся в драку.

— Очень приятно, — сухо усмехнулся незнакомец. — А я — герцог Тайвор Лаверно.

— В таком случае мне тоже очень приятно видеть вас в добром здравии, — неожиданно серьезно сообщил барон. — Тем более что у меня хранится принадлежащая вам вещица. Ваш родственник расплатился ею за урок. И я знаком с вашей супругой. Герцогиня Лаверно — прекрасная женщина.

— Мне пора начинать радоваться, что она имеет такой успех у мужчин? — стрельнул едким взглядом в сторону Карла герцог.

— Не стоит язвить на этот счет, — сразу посерьезнев, предупредил барон. — Ее величество и советник Шаграйн очень ценят Бетриссу Лаверно. Мишеле!

Последнее восклицание относилось к бредущему мимо молодому рыжеволосому мужчине, которого Карл не раз видел в обществе наследника. И с которым сражался сегодня на одной стороне.

— Ты еще помнишь мое имя? — искоса глянув на него, хмуро буркнул тот и вежливо поклонился герцогу: — С выздоровлением, ваша светлость. Я счастлив, что шакалы князя остались с носом.

— Добрый день, Мишеле, — поздоровался герцог и внезапно с усмешкой поинтересовался: — С каких пор вы сражаетесь не за друзей принца, а за его фрейлин?

— Они необыкновенные, — мечтательно вздохнул граф Хангро. — Особенно герцогиня Сарнская...

Карл едва успел стиснуть зубы, чтобы сдержать рвущийся с губ едкий смешок. Вот теперь ему стало понятно со всей очевидностью, из-за кого рассорились давние друзья.

— Королева даст всем вам аудиенцию, — сообщил барон, пристально глядя в глаза другу, потерявшему где-то шнурок с рыжих кудрей, и многозначительно добавил: — Думаю, фрейлины, за честь которых вы вступились, будут при этом присутствовать.

Оглянулся на маркиза Дарве Ульгера и герцога Лаверно, сделал приглашающий знак и направился в сторону дворца, чинно ступая по дорожке мимо клумб, через которые так лихо прыгал меньше часа назад. Казалось, все было так же, как в тот момент: светило неумное южное солнце, разогнавшее с небосклона последние обрывки утренних облаков, журчали струи роскошного фонтана, сооруженного гномами, цвели розы, лилии и гортензии.

Вот только гуляющих по дорожкам придворных словно сдуло легким теплым ветерком. Сначала Ительниз решил было, что все поспешили укрыться в тени или отправились переодеваться к обеду, но, выйдя к обсаженной каштанами центральной аллее, ведущей от ворот к дворцу, с досадой сообразил, как сильно заблуждался. Все те знатные дамы и господа, которые начиная с конца зимы упорно искали любые причины, по каким они непременно должны сопровождать в Беленгор ее величество, теперь мрачной, растрепанной толпой стояли у крыльца, поджидая своей очереди погрузиться в подъезжавшие кареты.

Барон прошел мимо них, не оглядываясь на спутников и признавая за ними право решать самим, куда направиться. В широко распахнутые двери дворца, из которых слуги торопливо выносили дорожные сундуки, саквояжи и просто узлы, или в очередь к каретам.

— Хорошо хоть лошади успели немного отдохнуть, — проходя мимо капитана, присматривающего за порядком вместе с двумя егерями, по-свойски улыбнулся барон Майзену. — Если нужна будет помощь, зовите.

— Теперь станет намного легче, — усмехнулся тот и кивнул за спину барона: — Эти с вами?

— Они дрались на стороне Шаграйна, — пояснил Итель и наконец оглянулся.

Его недавние соратники стояли рядом, все трое, и смотрели так спокойно, словно выбрали сейчас не полную опасности жизнь возле постоянно подвергающейся нападениям королевы, а беззаботный отдых в одной из ее прекраснейших летних резиденций.

— Пусть Аньята велит приготовить для них бывшие покои Галтено, — неожиданно распорядился капитан, и Итель только теперь начал догадываться, как ошибался, считая начальника охраны обычным, хотя и очень преданным воякой.

— Похоже, — едко пробормотал Мишеле, когда они уже поднимались по лестнице навстречу редющему потоку знатных беглецов, — теперь тут и в самом деле будет легче жить. Итель, а на третьем этаже нет свободной комнатки? Я согласен и на чуланчик.

— Пока не знаю, — с сожалением вздохнул барон, принимая это замаскированное под вопрос извинение. — Там комнаты распределяет Шаграйн, а ему сейчас не до этого.

— Я думал, он сгорел, — тихо признался его рыжий друг. — Пламя лилось ему прямо на спину.

— У него очень хорошая защита, — неожиданно просветил их герцог Лаверно, — и весьма необычная... Боюсь ошибиться, но, по-моему, такую же я видел лишь лет тридцать назад.

— Сколько же вам тогда было? — вежливо не поверил Карл.

— Всего тринадцать, — спокойно ответил герцог, — но я всегда был весьма любознателен.

— Прощу прощения, — извинился маркиз, — выглядите вы лет на десять моложе.

— Хотелось бы принять это за комплимент, — насмешливо глянул на него Тайвор Лаверно, — но, увы, не моя в том заслуга. Всего месяц назад мне давали все шестьдесят, Мишеле свидетель.

— Жаль, раньше я не слыхал про этого лекаря, — со вздохом пробормотал Карл, — а теперь он уже не нужен.

— Соболезную, — посочувствовал герцог и просто ради вежливости осведомился: — И кого вы потеряли?

— Никого, — нахмурился лейтенант. — Вы не так поняли. Моя сестренка выздоровела... но не говорите об этом Тэрлине, матушка желает сделать ей сюрприз.

— Это было замечательное решение — надеть зеленые платья, на них почти не видно пыли и копоты, — отстраненно пробормотала Кателла и в который раз оглянулась на плотно закрытую дверь.

Дора выдавила измученную улыбку, отлично понимая, о чем хотела сказать Кати, но ответить не дерзнула. Они сидят тут уже второй час, и ни одна не решается уйти в свои комнаты умыться и переодеться, хотя именно это им и предложила сделать Олифания, прежде чем скрыться вместе с Бет в спальне ее величества.

В этот раз королеве не хватило сил изображать спокойную и уверенную в себе правительницу, и она валялась на постели, как обычная белошвейка, поливая горькими слезами расшитые торемским шелком подушки. Камеристка с Бетриссой сидели возле нее, подавая платки и пытаясь напоить ее величество успокаивающими зельями, которые та упорно отвергала.

— Не буду я ничего пить, — донеслось до девушек, когда Фанья выходила на минутку, умыться и сделать несколько глотков холодного лимонада, — он добавляет туда снотворное...

Камеристка торопливо захлопнула дверь, и кадетки мрачно переглянулись, примеряя эту ситуацию на себя. Потом осторожно покосились на ушедшую в свои мысли Тэрлину, безучастно теребящую оборки перепачканной юбки, и дружно смолчали.

Да и о чем говорить, если все их представления о будущем разрушились в один миг, как раздавленное грубой ногой хрустальное зеркальце? И теперь непонятно, куда повернет тропу их жизней каверзная судьба?

Маг возник в комнате внезапно, и вместе с ним появился запах незнакомых цветущих трав, сосновой смолы и грозовой свежести.

— Все хорошо, — мельком оглядев кадеток, уверенно завил он и скомандовал: — Идите переодевайтесь. Обедать пора.

Послал Доре широкую улыбку и воздушный поцелуй, просыпавшийся на волосы княжны дождем душистых лавандовых лепестков, и решительно шагнул в королевскую спальню.

Девушки едва успели опомниться и подняться со своих мест, как оттуда вышли Бетрисса и Фанья. Камеристка плотно прикрыла за собой двери и шлепнулась на ближайший стул с видом преданного охранника, не намеренного никого подпускать к хозяйским покоям. Однако пока она наливала себе ключевой воды со льдом и лимоном, толпа кадеток уже торопливо выскользнула прочь.

Олифания рассмотрела, как заботливо, но уверенно ведет под руку свою воспитанницу Бетрисса, и сердито нахмурилась. Он все-таки не прав, ее упрямый напарник, но разговаривать с ней на эту тему не захочет. Да и неизвестно еще, когда им можно будет побеседовать так же спокойно, как прежде, если в прошлый раз, в Шанреге, где Раду досталось намного меньше, он провалялся целых три дня.

Разумеется, можно осторожно намекнуть Зантарию, но Фанья слишком ценила дружбу с напарником, чтобы ею рисковать. Рад никогда не простит ей такого предательства. Камеристка тихонько вздохнула, решив подождать еще несколько дней, слишком стремительно вдруг начали развиваться события, и неизвестно, что лучше. Во всяком случае, пока торопиться не стоит, высказать свое мнение она всегда успеет. Главное, чтобы этот совет пошел ему на пользу.

— Тэри, мне нужно с тобой поговорить, — без обиняков заявила Бетрисса, едва кадетки оказались в общей гостиной. — Я быстро переоденусь и приду.

Тэрлина уныло кивнула, зная по опыту, как бесполезно спорить с наставницей, когда она говорит таким вот категоричным тоном. На самом деле ей сейчас не хотелось ни разговаривать, ни умываться, вообще ничего. Забиться бы куда-нибудь в темный уголок и сидеть там, спрятавшись от всего несправедливого и жестокого мира, втихомолку роняя горькие слезы о собственной судьбе.

Маркиза подавила тяжкий вздох и поплелась выбирать платье, Бет никогда не меняла собственных планов и не откладывала назначенных встреч. И не доверяла тем, кто мог позабыть об ожидающем его друге или важном деле.

— Мне нужна твоя помощь, — решительно заявила герцогиня Лаверно, едва закрыв за собой двери. — Ты видела моего супруга?

— Извини, я как-то растерялась... — виновато вздохнула маркиза. — Сначала Карл, потом этот огонь...

— Тэри, — Бетрисса взяла воспитанницу за руку, усадила на диван и села рядом, — это все заметили. Я про твою растерянность. И все поняли, откуда ветер дует. Извини, конечно, что вмешиваюсь, но ты сейчас делаешь себе только хуже. Поэтому не надейся, молчать я не буду. Я давно боялась чего-то подобного, ты никогда не умела видеть тех мужчин, которые посматривают на тебя заинтересованно, но совершенно не нравятся тебе. Как знала, что однажды ты потеряешь и рассудительность и уверенность в себе и начнешь, как прежде, плакать в чулане.

— Тут нет чулана, — начиная сердиться, буркнула Тэрлина. — И ничего нового ты не сказала. Я все понимаю... и можешь не бояться, глупостей не наделаю.

— Да разве я об этом? — огорченно заглянула в потемневшие глаза Бетрисса. — Я совсем о другом. Не знаю, в чем дело, море и солнце виноваты или запах роз дурманит вам головы, но все как с ума сошли. Заводят романы и объявляют помолвки, посылают записочки и цветочки. И словно не видят, что вокруг королевы и нас заодно творится нечто страшное и странное. Вчера какие-то бандиты чуть не сожгли весь обоз вместе с магом и разбойником, а сегодня граф снова полез в драку и чудом не сгорел. Ты еще не знаешь, а мне Фанья проговорилась — придворные бегут из Беленгора, как крысы из горящего дома. Думаю, сегодня к ужину останемся только мы, охрана да человек пять преданных ее величеству людей. И в том числе мой непонятно зачем появившийся муж. Я, конечно, не помышляла наставлять герцогу рога, семья для меня святое, но и встречаться с ним в ближайшие три года вовсе не желала. Прости, конечно, но после восьми лет работы без выходных и отпусков хотелось немного пожить без дополнительных забот и обязанностей.

— Но ты могла бы... — прикусила губу Тэрлина.

— Не могла, — с хорошо знакомой усмешкой глянули пронизательные глаза наставницы. — Ну на кого мне было тебя оставить? Это не упрек, просто такой уж у меня характер: стоит представить, как уезжаю на декаду к морю или в родные места, как начинают чудиться всякие несчастья. Но сейчас мы говорим о Тайворе Лаверно... мне хочется понять, ради чего он приехал, и немного последить за ним со стороны. Я постараюсь как можно дольше избегать встреч с мужем, а ты попытайся отвлекать его от меня разговорами. Кателлу тоже попрошу, но, боюсь, барону не понравится, если она начнет строить глазки другому мужчине. Сама ведь знаешь, как легкомысленно и игриво смотрится Кати, когда принимается веселить гостей. Поэтому вся надежда на тебя.

— Бет, я, конечно, постараюсь сделать все, что смогу, но, боюсь, он меня сразу раскусит.

— А ты поговори с ним про брата. Или про Сюзи... о ней ты можешь рассказывать часами.

— Лучше поговорю о Карле, — припоминая недавний бой, решила Тэрлина. — Как мне показалось, они знакомы.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

О бедах и тревогах королевы, радостях

и заботах княжны Доренеи и лукавом заговоре ее подруг

— Ваше величество!

Не успел еще Годренс произнести эти слова, а Зантарию уже словно вихрем скинуло с постели и бросило ему навстречу.

Дрожащие пальцы вцепились в белоснежную ткань идеально отглаженной рубахи, которая осталась в памяти ее величества смятой и закопченной, опухшие от слез глаза с болью и надеждой заглянули ему в лицо:

— Как он?!

— Значительно лучше, чем вы, — мягко упрекнул маг. — Ну вот зачем вы так изводитеесь? Я же сразу сказал, он цел и невредим.

— Зато без сознания, — горько всхлипнула королева. — Значит, истощен до предела. Где он сейчас?

— У друзей, — уклончиво буркнул маг, аккуратно отцепил от себя ее величество, усадил на кровать и принялся готовить ей целебное питье.

— Я не буду, — предупредила королева. — Меня уже пытались усыпить.

— А вот я не пытаюсь, — сосредоточенно кадая в бокал зелье, отозвался Годренс. — Сейчас вы нужны вашим сыновьям и фрейлинам бодрой и уверенной в себе. За последние два часа все они успели постоять у самой грани и сделать для себя несколько очень неприятных и даже страшных открытий... и теперь им просто необходимо знать, что есть еще рядом люди, которые не считают, что мир рушится и пора петь последние гимны.

— А ты убежден, — горько усмехнулась Зантария, — что эти люди действительно так твердо надеются на светлое будущее? Ведь не дети же наивные они в самом-то деле! Как можно хоть в

чем-то быть уверенным, если тебя и самых дорогих тебе людей каждый день пытается убить неведомый охотник за королевской властью? Да если хочешь знать, я бы с удовольствием своими руками отдала ему и корону и дворцы! И увезла бы принцев в Элайн... но и там они не будут в безопасности. Ведь мой невидимый враг никогда не поверит в добровольность этого поступка и обязательно попытается убить моих детей, чтобы никто не воспользовался ими как знаменами для мятежа. А охраны у нас там почти не будет, мало кто решится поставить под удар не только самого себя, но также семью и будущее собственных чад.

— Вот и получается, — протягивая ей бокал, подвел итог маг, — что мы обязаны любой ценой найти этих врагов и предать суду и суровому наказанию. А для этого вы должны держаться по-прежнему уверенно и непоколебимо и не доставлять врагам радости такими приступами уныния. Я-то успел понять, насколько вы добрая и ранимая женщина, и Рад с Фаньей это тоже отлично знают. Но больше никому показывать свои слабости не нужно, подданные ценят королей за силу и строгость. Пейте.

— Умеешь ты убеждать, — взяла у мага кубок Зантария, понюхала его содержимое и решительно сделала несколько глотков. — Скоро подействует?

— К тому моменту как я расскажу последние известия, будете свежи и жизнерадостны.

— Надеюсь, твои новости не испортят этого веселья. Итак, о чем я должна узнать немедленно?

— Наши планы начинают исполняться... хотя и не совсем так, как мы надеялись, но и не самым неудачным образом. Сегодня в Беленгор прибыли младший маркиз Ульгер и герцог Лаверно. И сразу вступили в бой на стороне Рада. Барон Габерд от них не отстал и рыжий наглец Мишеле, к моему удивлению, тоже. И бился в полную силу, даже получил весомый удар по спине, к счастью, вскользь, пострадал только праздничный колет.

— Он раньше был неплохим мальчишкой, хотя и дерзким, — задумчиво припомнила ее величество. — Ты не знаешь, кто из кадеток ему приглянулся?

— Он и не скрывает... только не смейтесь — Октябрина.

— О! Да он и в самом деле наглец! На герцогиню осмелился замахнуться! Ему ведь титул достался лишь стараниями деда, на колени норовил упасть, только бы я не отказала. Матушка Мишеле была дочерью герцогского лекаря.

— А я всего-навсего дроу из небогатого рода камнерезов, не принадлежащего ни к одному из двадцати пяти старших домов Дройвии, — хмуро пробормотал Годренс, — а дерзнул посягнуть на княжну.

— На Доренею? — озадаченно ахнула его величество. Вгляделась в лицо придворного мага, прикусила губу, заметив кривящую его губы мрачную ухмылку, и осторожно спросила: — А Рад? Надеюсь, он не станет тебе соперником?

— Нет. Дореня его не интересует, — сухо сообщил маг. — А все остальное спрашивайте у него. Я не намерен вмешиваться в личные дела человека, спасшего мне жизнь.

— Годренс... прости. Я не хотела тебя обидеть. И если Дора ответит тебе взаимностью, хоть сегодня объявлю помолвку.

— Можете объявлять, — согласился он и сверкнул ослепительно счастливой улыбкой. — Я никогда бы не начал этого разговора, будь она против.

— Вот как... — на миг оторопела ее величество, но очень быстро взяла себя в руки, возможно, начало действовать зелье. — Тогда я рада за вас обоих. Вот только время и место не самое лучшее.

— Рад по возвращении собирается устроить совет, — осторожно намекнул маг, — у него появились новые планы.

— Я теперь на все согласна... — светло-серые глаза королевы смотрели обреченно, — на все. Жить так дальше больше невозможно.

— А они именно этого от вас и добиваются — сломать, заставить отступить, сдаться. Но не понимают простой вещи. Не дано всем людям, особенно имеющим разный характер и воспитание, одинаково судить об одних и тех же событиях и явлениях. И поэтому всегда есть шанс найти неожиданный для противника выход.

— Лично я давно не нахожу, — со вздохом призналась королева, — но верю в Рада и его друзей. Иначе давно уже сбежала бы куда подальше, хотя ты знаешь об этом варианте.

— Он у вас всегда останется, пока я рядом, — твердо пообещал Годренс и отвесил королеве короткий поклон: — А теперь мне пора... обрадовать невесту.

Привычно крутнул камни портального браслета и мгновенно растаял, словно его и не было.

Шорох за спиной Дора услышала, когда пыталась отпороть с блузы пышную кружевную оборку маленьким кинжальчиком, хранящимся в дамской сумочке вовсе не для таких целей. Резко обернулась, вмиг припомнив уроки коварного разбойника, и попала прямо в объятия дреу.

— Чем ты тут занята, радость моя? — заглянул он ей через голову, словно не замечая, что на девушке всего лишь нижняя батистовая сорочка и нарядная сиреневая юбка.

— Отрезаю кружево, — роняя на стол кинжальчик, призналась Дореня и обвила белыми руками смуглую шею мужчины, — и думаю.

— Скажешь, о чем, и я сам уберу все ненужные тебе оборки, — хитро прищурился Год.

— Разумеется, скажу, — развеселилась Дора и вдруг жарко покраснела. — Это про тебя... ну и про меня.

— Очень любопытно, — заинтересованно произнес маг, подхватил княжну на руки и, шагнув к креслу, рухнул в него вместе с ней. — Только давай посидим?

— Конечно, — тотчас согласилась девушка и с состраданием погладила его по щеке. — Тебе же так досталось... спас нас и разбойника.

— Дора, — дреу поймал ее ладошку и нежно поцеловал, — все немного не так, но все равно спасибо. А теперь рассказывай свои секреты, иначе опоздаем в столовую.

И словно в подтверждение его слов коротко и деликатно звякнул колокольчик, за четверть часа предупреждающий о начале обеда.

— А нам обязательно нужно туда идти? — робко вглядываясь в глаза мага, засомневалась княжна.

— В этот раз — да. Ее величество намерена сделать важное сообщение, — виновато вздохнул Год, не желавший отказывать так внезапно обретенной невесте в подобных мелочах.

В конце концов, ему и самому намного приятнее было бы пообедать с ней вдвоем, но и жалеть, что не отложил разговор с ее величеством до вечера, он не собирался. Не в его возрасте и положении водить все больше очаровывающую его девушку по темным углам и беседкам. И ходить тайком к ней в комнату он тоже не желал.

К последнему заключению его подвиг стук в дверь и звонкий голосок Кателлы:

— Дора, мы идем в столовую.

— Я еще не одета, бегите, догоню, — тотчас отозвалась княжна, вопросительно глянула на крепко обнявшего ее мужчину и спокойно добавила: — А может, Годренс приведет, он обещал зайти.

— Везет же, — без тени зависти объявила Кати и исчезла, а маг благодарно поцеловал невесту в оголенное плечо.

— Вот про это я и думаю, — вздохнула Дореня. — Ты же знаешь про моего бывшего жениха? Так вот, когда он ушел, я больше всего жалела, что была такой строгой, неприступной...

— Как странно, — перебил ее маг и снова поцеловал белое плечико, теперь чуть ближе к шее. — А я вот, наоборот, ничуть об этом не жалею.

— Да? — не выдержав, рассмеялась Дора. — Вот и я не хочу больше никогда и ни о чем жалеть. И если завтра ты уйдешь к другой, хочу, чтобы у меня остались хотя бы воспоминания.

— Дора! — повернув к себе ее лицо так, чтобы смотреть девушке прямо в глаза, очень серьезно сообщил дроу. — Никакой другой у меня нет, не было и не будет.

— Спасибо... — светлая слезинка выкатилась из синих очей и поползла по щеке, — но ты и сам не знаешь, как повернется жизнь за три года. И все равно спасибо за такие слова.

— Дора, — маг не выдержал, прижал ее еще крепче и принялся осыпать жаркими и жадными поцелуями, — радость моя... где же были мои мозги раньше, ведь я все знаю о тебе уже три месяца, с самого Шанрега. И мог бы еще тогда прийти с тобой познакомиться...

— Боюсь, тебя не пустили бы, — всхлипнула ему в воротник княжна. — Батюшка считает всех магов шарлатанами и фокусниками. А про Шанрег все шептались, но никто ничего не знал толком.

Колокольчик звякнул во второй раз, специально для забывчивых придворных дам.

— Я потом все тебе расскажу, обещаю, — с сожалением выпустил девушку из объятий дроу. — Где там твои кружева? Объясняй, чего убирать?

— Теперь уже ничего, — снова засмеялась Дора, лукаво и чуть смущенно. — Я просто собиралась сделать вырез немного... посмелей.

— Ради меня? — догадался Годренс, расплылся в счастливой улыбке, снова прижал к себе княжну и благодарно выдохнул: — Спасибо, радость моя. Но за меня ты можешь не волноваться и насчет трех лет — тоже. Это правило относится только к тем мужчинам,

которые еще не доказали свою преданность ее величеству. Но я тебе об этом не говорил! Иди одевайся.

— А как же Кати? — встревожилась через минуту Дореня, застегивая перед зеркалом пуговицы блузки. — Неужели кто-то сомневается в ее бароне?

— Никто ее не обидит, — пообещал Годренс, нежно обнимая девушку за талию. — Готова? Идем.

И уверенно крутнул камни браслета.

Оранжевая, где имела обыкновение обедать ее величество, встретила их заманчивыми ароматами и веселой россыпью разноцветных узоров, украсивших белоснежную скатерть, снаружи властвовал ясный летний день, и солнце щедро лилось вниз через яркие витражи. Однако стулья, чинно выстроившиеся вокруг стола, пока еще пустовали, и Годренс, бегло оглядев устроившихся неподалеку фрейлин, с огорчением осознал, как зря торопился. Ни королевы, ни принцев пока не было, а садиться к столу полагалось после них. Да и Олифания еще не появилась, значит, либо снова утешает свою госпожу, либо помогает ей скрыть следы недавних слез.

— Дора! — окликнула княжну одна из сестер Сарнских. — Идите к нам. У Бет серьезный разговор.

— Уже идем, — отозвался так и не отпустивший девушку маг, уверенно направляясь в сторону кадеток. — А что стряслось у нашей бравой старшины? И не смотрите так настороженно, я и раньше врагом вам никогда не был, а теперь и вовсе намерен вступить в семью. Вы же говорили, что теперь считаете себя сестрами? Ну так старший и умный брат еще не повредил ни одной девушке.

— Ну, если он не особенно самоуверенный, — задумчиво согласилась Октябрина.

— И не очень любит командовать, — добавила Кателла.

— Не начнет выдавать наши тайны вражескому племени, — вздохнула хмурая Августа.

— Самое главное, чтобы не вступал с ними в сговор, — уверенно произнесла Бетрисса. — Насколько я сумела изучить знатных господ, все они просто обожают плести интриги вокруг неприступных девушек. Особенно если не имеют возможности действовать прямо из-за недостаточного состояния или разницы в положении.

— У тебя просто чудовищное представление о мужчинах, — откровенно возмутился Год, пользуясь тем, что в оранжерее, кроме них, никого не было.

Горничные, прислуживающие за столом, обычно ожидали появления ее величества на лестнице.

— И оно полностью построено на подлинных событиях, — категорично заявила герцогиня Лаверно и привела пример: — Могу рассказать одну историю, пока нет ее величества. Лет десять назад начала появляться на балах юная маркиза Вельсье, очень хорошенькая шатенка с фиалковыми глазами, веселая, светлая, как добрый дух. Даже женщины любовались ее нежным личиком. Ну а уж мужчины вились вокруг, как осы над вареньем. Но тут появился барон Росслен, белокурый красавец с огромными, как у эльва, зелеными глазами. Думаю, у

него был кто-то в роду из полукровок. Нет, он не клялся ей в любви, просто развлекал смешными байками, дарил на виду у всех крошечные веточки ландышей, уверяя, что это единственные подходящие маркизе цветы, прыгал в фонтан, чтобы спасти ее котенка. Думаю, все поняли, что через месяц девушка влюбилась без памяти. Разогнала всех ухажеров, перестала посещать балы, ожидая его приезда в своем саду. Я не сказала, что барон всюду появлялся с лучшим другом, маркизом Жорсано? Тот был довольно богат, сухощав и остронос, скучен и язвителен. И приходился барону, ко всему прочему, сводным братом. Ну, все закончилось очень печально, в один прекрасный день маркиза призналась барону в любви, но он очень изумился и заявил, что об этом и речи быть не может, он помолвлен и обожает свою невесту, воспитывающуюся в монастыре. А к Вельсье приезжает ради брата, якобы не чаявшего в ней души. Она их выгнала, но Жорсано не оставил девушку в покое. Завалил письмами, которые сочиняли лучшие придворные поэты, цветами, подарками, клятвами, и однажды его все же пустили во дворец. Я точно знаю, она хотела попросить, чтобы маркиз оставил ее в покое, но он упал ей в ноги, каялся, взял всю вину за неосмотрительность брата на себя и вымолил разрешение приезжать, чтобы поддержать девушку в этот нелегкий момент. А через три месяца они отправились в храм Элторны и теперь законные супруги. Но маркиза с тех пор не смеется и не танцует, безучастно сидит у окна с толстыми романами, не интересуясь даже собственными детьми.

— Я с ней немного знакома, — огорченно вздохнула Дора, — но не догадывалась, почему она такая неживая.

— Злые языки рассказали ей про шестерку шаргов, которых контрабандой привезли в имение Росслена через пару месяцев после их свадьбы с Жорсано. Все знали, у красавчика никогда бы не хватило денег на подобную роскошь, — хмуро вздохнула Бетрисса. — А я с тех пор не верю ничему из того, что говорят знатные господа про друзей. Сваха — ремесло женское, но преуспевают в нем, как правило, мужчины.

— Бет... — помолчав, пристально уставился ей в лицо дроу, — тебя так расстроил приезд герцога?

— Если бы ты не сделал меня моложе и привлекательнее, я бы даже не встревожилась, — откровенно призналась герцогиня. — Пусть бы герцог изучал меня сколько угодно. Но теперь он видит хорошенькую, смелую девицу, и я даже не сомневаюсь, куда свернут его мысли с наступлением тьмы. Если он еще раньше не начнет ревновать меня к каждому егерю.

— Хм, — невольно поперхнулся маг, припомнив нечаянно услышанный разговор двух знатных господ.

А ведь всего-то хотел убедиться, что больше никто не угрожает людям, так отважно вставшим в трудный момент на сторону королевы. Потому и вернулся, сдав Рада старому целителю и предусмотрительно кастовав на себя отвод глаз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

в которой кадеткам предстоит непростой выбор,

Дору ждет счастливая новость, а Октябрину — тяжесть

чужой тайны

— Ее величество Зантария Риталена Селваронская, — громко объявил капитан Майзен, распахивая дверь, ведущую в гостиную королевы.

Королева вышла в оранжерею, гордо подняв украшенную безупречной прической и небольшой изумрудной диадемой голову. Следом за ней шли непривычно серьезные принцы в сопровождении барона Габерда и одной из юных воспитанниц ее величества, смуглокожей и черноокой Саэлены. Злые языки утверждали, будто она побочная дочь покойного короля, но Тэрлина знала правду со слов брата, около трех лет назад лично сопровождавшего девочку в столицу из крепости порта Агезо, обманом захваченной отступавшими из Каррита войсками мятежников. В тот день под обвалившейся от огня крышей погибли все ее родные, и Карл, рассказывая об отчаянной схватке защитников крепости, скрежетал стиснутыми от душевной боли зубами.

Впрочем, тогда все королевство было ошеломлено необычной жестокостью беглецов, не оправданной даже их безвыходным положением. Казалось, все должно было быть наоборот, загнанные в угол остатки войска герцога Донгерского и его сообщников не могли не понимать, насколько усугубят собственную участь безжалостным обращением с жителями крепости. Да и крепость им, по сути, была не нужна, лишь пара фрегатов, стоящих у внутренней пристани. На них они и ушли, хотя и недалеко. Десяток лучших судов королевского флота уже спешил на подмогу осажденной крепости.

— Ее величество соизволит пригласить вас разделить с ней трапезу, — произнес заменяющий мажордома капитан Майзен таким тоном, словно исполнял эти обязанности всю жизнь.

«А где же настоящий мажордом, где Аньята, неужели вся прислуга сбежала вслед за перепуганными придворными?» — невольно задумалась Тэри, проходя вслед за подругами к столу. И только тут заметила, что на столе гораздо больше приборов, чем гостей, да и остались незанятыми несколько стульев.

Значит, ждали еще кого-то, сообразила девушка, и сердце вдруг забилось сильнее, а пальцы похолодели.

— Сегодня на вас напали, вероломно и жестоко... — произнесла королева, не притрагиваясь к приборам, обвела кадеток пристальным взглядом, помолчала и суховато продолжила: — И я не буду в обиде, если кто-то пожелает после обеда покинуть Беленгор. А сейчас хочу пригласить за этот стол тех, кто не струсил и счел своим долгом встать на вашу защиту. Онгерт!

Королева кивнула капитану, и он тотчас подал свистком сигнал стоящим на лестнице егерям.

Тэри словно связали невидимой нитью, руки и ноги стали чужими, не касавшаяся стула спина выпрямилась еще сильнее, до ломоты, до звона.

— Ваше величество, можно задать два вопроса? — поглядывая в ту сторону, откуда должны были подойти новые сотрапезники, кротко произнесла Бетрисса, получила уверенный кивок и немедленно продолжила: — Можно мы сразу сообщим о своем решении? И еще один... а граф Шаграйн... как он?

— Он у лекарей, но с ним все хорошо, ваша светлость, — одарив старшину полным укоризны взором, поспешил ответить за побледневшую королеву Годренс.

«Могла бы спросить и у меня», — так и рвалось с языка мага, но ответный печальный взгляд герцогини Лаверно внезапно кольнул его невысказанным упреком. Годренс насторожился, пристально оглядел притихших кадеток и с досадой стиснул зубы.

Маркиза Дарве Ульгер была едва ли не бледнее королевы, и платочек в ее судорожно сжатых в

кулачок пальцев чуть заметно вздрагивал.

Ей нужна была помощь, и немедленная, а никаких ментальных способностей у Годренса никогда не было, да и быть не могло. Волна магии, когда-то подарившая особые способности жителям Дройвии, была самого нижнего, тяжелого слоя и давала власть над всеми минералами и обычной плодородной почвой. А из всех полученных в дар от учителя амулетов только один позволял кастовать обычный сон, остальные накладывали покорность, неподвижность и даже потерю памяти.

— Да, вы можете сказать и сейчас, — обреченно произнесла ее величество, не замечая, как сидящий почти рядом придворный маг поспешно крутит камни какого-то амулета.

Впрочем, он довольно часто что-то вертел в руках, и никто уже не обращал на это особого внимания.

— Остаюсь, — твердо заявила Октябрина, открыто глядя в лицо королевы.

— И я, — уверенно кивнула Августа.

— Я тоже.

— Остаюсь.

— Я с вами.

— И я, — пробежало вдоль стола торопливое эхо, их светлости отлично понимали, что уже появившиеся в конце зала мужчины не должны услышать этой клятвы.

— Я тоже остаюсь, — твердо произнес барон Габерд, дождавшись, пока выскажет свое решение необычайно серьезная Кати. — И не ради контракта.

— Спасибо... — Накрепко сжатые губы ее величества на миг дрогнули, искривились, как будто она собиралась заплакать, но тут капитан Майзен звучно возвестил, глядя на приблизившихся знатных господ:

— Ее величество Зантария Риталена Селваронская в знак признательности за проявленное вами мужество приглашает вас к своему столу.

Махнул рукой, и пока гости чинно рассаживались, от лестницы торопливо прибежали горничные и принялись ловко заполнять тарелки и бокалы королевской семьи и фрейлин. Мужчинам полагалось самим ухаживать за собой на таких вот полуофициальных обедах.

— Как ты? — скорее взглядом, чем словами, спросила Бетрисса воспитанницу, когда стук вилок и звон бокалов прогнал тишину в дальние углы оранжереи.

— Спать хочется, — так же тихо призналась Тэри, подавив невольный зевок.

«Наверняка переволновалась, обычно днем ее невозможно уложить в постель. Как только можно будет, отведу в спальню», — незаметно вздохнула Бетрисса, с огорчением признавая победу посмеявшейся над ней хитроумной судьбы, одним махом разрушившей так тщательно обдуманный и приготовленный план.

— Несмотря на грустные события сегодняшнего дня, у нас есть и хорошая новость, —

произнесла ее величество, когда гости утолили первый голод. — Наш главный придворный маг, граф Годренс Бейранг, попросил у нас руки княжны Доренеи Марьено. Мы соизволили ответить согласием и подписали указ. Прочтите, Майзен.

У Тэрлины даже сонливость прошла, когда она услышала эти слова. Да и все кадетки примолкли, отложили приборы, повернулись к побледневшей подружке, сидящей слева от мага. Этот указ был не просто сообщением о помолвке, он был тайной дверкой для каждой из них в притягательную и одновременно пугающую страну взаимной любви.

— ...а также дарует ему право на титул супруги и наследование его всеми родившимися в этом союзе детьми, — медленно и важно читал капитан, и лица девушек становились все серьезнее и задумчивее, по мере того как до них доходила степень возлагаемой на них королевой ответственности.

Ведь одно дело — стать баронессой или графиней и совершенно иное — подарить родному королевству нового князя или герцога. Теперь можно уже не сомневаться, ее величество не пожелает обделить своими милостями никого из тайных кадеток и их избранников. И, возможно, как раз в этом выборе и состоит их тайное задание?

— Поздравляем, желаем счастья! — посыпалось на обрученных со всех сторон: едва Майзен успел прочесть последние строки указа, девушки вскочили со своих мест и бросились обнимать порозовевшую от счастья и смущения Дору.

Теснились возле нее, осыпали лепестками сорванных поблизости цветов, втихомолку показывали кулачки сияющему Годренсу, довольному удавшимся сюрпризом, и, казалось, только Бет заметила, как пошатнулась и прикрыла глаза стоявшая возле нее воспитанница.

— Извини, — шепнул счастливой невесте маг и мгновенно очутился рядом с Тэри.

Подхватил на руки, успокоил всех властным жестом и взялся за камни браслета, делая вид, будто не видит вцепившейся в маркизу Бетриссы.

— Ты вернешься к столу или прислать еды сюда? — оглянулся Годренс на старшину только после того, как оказался в комнате Тэри и уложил девушку на постель.

— А как ты бы сделал на моем месте? — подняла на него Бетрисса сразу ставший мрачным взгляд.

— Попросил бы старшего брата поговорить с твоим мужем, — помолчав пару мгновений, усмехнулся маг и взялся за браслет. — Только решай скорее, меня Дора ждет.

— Поговори, — пожала она плечами. — Все равно я Тэри сейчас не оставлю. И заодно успокой Карла, он за сестер кого угодно приберет.

— Всегда мечтал иметь большую семью, — озадаченно пробормотал дроу, внезапно сообразивший, сколько обязанностей повесил на себя одним махом, опрометчиво объявив себя братом сразу шести кадеток. Получив в придачу к ним их сестер, братьев, мужей и бабушек.

Однако не огорчился ни на гран, сегодня он чувствовал себя таким счастливым, каким не был уже очень давно. Много лет казавшаяся несбыточной мечта иметь свой дом, любимую и любящую жену и средства на спокойную, обеспеченную жизнь вдруг стала явью, обрушившись на него неожиданно, как летний грозовой ливень.

Маг крутнул свой браслет и исчез, а Бетрисса хмуро усмехнулась и устроилась возле окна в кресле, развернув его так, чтобы видеть и кровать и входную дверь. Ей хотелось спокойно подумать и понять, чего она все-таки боится? И почему внезапное появление совершенно незнакомого мужа так ее расстроило, почти разозлило.

Хотя он, несомненно, виноват, знал ведь, что брак почти фиктивный, когда своим титулом выкупал себе здоровье. И мог бы пожить спокойно хоть полгода и дать ей привыкнуть к этой мысли и уладить все неурядицы воспитанницы, ставшей за эти годы ближе младшей сестры.

«Вот оно в чем дело... — охнула мысленно Бет, дойдя в своих размышлениях до этой простой мысли. — Тэри!» Ну да, именно она все сильнее беспокоит бывшую компаньонку, вернее, происходящие с ней перемены. Последние два дня Тэрлина все чаще отмалчивается, не вступает в жаркие споры подруг, отвечает на вопросы коротко и как-то безучастно. Словно носит в душе тяжкую ношу, от которой нельзя избавиться или поделиться с подругами. И что уж кривить душой, догадывается Бет, как зовут эту внезапную девичью беду. Еще вчера заподозрила, когда все они решили объявить разбойнику бойкот. Нет, Тэри не пошла против всех, но сказала свое «и я» так обреченно, что у Бет заскребло на душе, несмотря на бушующую там обиду.

Хотя именно эта обида и не позволила Бетриссе поговорить с подругой еще вчера ночью. Вернее, уже сегодня. Спать хотелось невероятно, и тело ныло, как избитое... но сносила же она это из-за королевы? Так потерпела бы еще немного ради Тэрлины. А если совсем уж честно, она ведь оказалась права, ее честная девочка. Вовсе не такой он вредный и злобный, и когда тот негодяй бросил в них магический огонь, разбойник сразу позабыл про бойкот, объявленный ему кадетками, и заслонил их собственной спиной.

Герцогиня Лаверно тяжело вздохнула, припомнив, как мгновенно вострепнулась, напряглась королева, когда она осведомилась о ее советнике. Не стоит сомневаться, граф Шаграйн ей весьма небезразличен, причем все ее доверенные люди об этом прекрасно осведомлены. И Майзен, и Фанья, и Годренс.

Темный лес, ну почему же она не спросила его прямо, этого дроу?! Сейчас знала бы точно, в каких они отношениях. Хотя граф ощутимо моложе ее величества, но далеко не мальчик, а она до сих пор очень привлекательная женщина и выглядит лет на десять моложе своего возраста. А когда-то была признанной красавицей, и не зря покойный король не один год обивал пороги Ганрельского монастыря, уговаривая маркизу Зантарию Лерайт покинуть любимую ее обитель.

В дверь тихо стукнули, и почти сразу же вошла Октябрина, за которой следовала горничная с подносом.

— Вы не успели пообедать, ваша светлость, — произнесла герцогиня Сарнская светским тоном, — и я взяла на себя смелость выбрать вам кушанья по своему вкусу. Оставьте поднос, милочка, я сама поухаживаю за герцогиней.

Проводила взглядом послушно исполнившую приказ служанку, прокралась на цыпочках к двери и закрыла ее поплотнее. А затем так же по-шпионски вернулась к Бетриссе, шлепнулась в соседнее кресло и саркастически ухмыльнулась.

— Поздравь меня, я тоже обзавелась воздыхателем. Шутник Мишеле глаз с меня не сводит, испортил весь обед. Ну не умею я наслаждаться тефтелями в сливочном соусе, когда мне смотрят в рот умильными глазками.

— Но человек он не злой, — справедливости ради заступилась за графа Хангро Бетрисса, — и успех у дам имеет.

— Ну и зачем он мне вместе с его успехом балаганного шута, — фыркнула не на шутку расстроенная Октябрина, — если он моложе меня и ниже ростом? И к тому же граф.

— Но Годренс тоже граф, — коротко намекнула Бетрисса.

— Не сравнивай. Сильный маг, как показали события, в наше время значительно ценнее герцога. И кстати, этот титул Году пожаловала королева за весомую помощь в Донгер-Карритской кампании. Вместе с небольшим наследным поместьем одного из мятежников. А у Мишеле мать из простолюдинов, дочка целителя. Но всего этого я бы не заметила, если бы чувствовала к нему хоть какую-то симпатию. А так — взгляну на его рыжие кудри и не знаю, смеяться или плакать. От него ведь и дети будут такие же рыжики.

— Ох, как у тебя все сложно, — посочувствовала ей Бет. — Но я не понимаю только одного. Если уж Мишеле тебе совсем не нужен, то почему ты о нем столько думаешь? Тебя ведь никто насильно не заставляет с ним любезничать?

— Как ты не понимаешь, — тоскливо вздохнула Октябрина, — ведь это мой первый поклонник за столько лет! Я его так ждала! Кати повезло, Доре тоже. Да и наш дядюшка Тайвор стал очень видным мужчиной! А на меня никто не польстился... кроме рыжего клоуна.

— Окти, ты не обидишься, если я скажу не те слова, какие ты желала бы услышать, а то, что думаю на самом деле?

— Нет. Я потому и шла к тебе, у тебя опыта и благоразумия больше, чем у нас всех.

— Ты даже не представляешь насколько, — горько хмыкнула Бетрисса и смолкла на несколько минут, решая, сколько можно открыть старшей из новых подруг. — Ну ладно, раз заикнулась, расскажу одну историю, но только пообещай ничего не говорить девочкам. Рановато им знать о своей старшине такие вещи.

— Бет, я клянусь. Но если тебе нелегко вспоминать — молчи. Мы с Августой уже говорили на эту тему, когда ты благодарила дроу, и пришли к одному мнению. Поэтому я пойму, если ты откажешься от своего намерения.

— Нет, не откажусь... — тихо произнесла бывшая фрейлина королевы-матери, налила себе чаю, сделала небольшой глоток, только для того чтобы оттянуть тяжелый момент, и усмехнулась — кого она обманывает?

Давно ведь хотелось открыть кому-нибудь душу, но никого подходящего рядом не было. Служанки непременно поделятся со всеми знакомыми, Тэри совсем девчонка, а ее матушка сразу выдаст расчет и не подумает, что за ее жалкие пять серебрушек в луну и стол больше никто не станет отдавать ее дочерям всю душу и нерастраченный жар нежного сердца.

— Я как-то говорила, что служила старой королеве до самой ее смерти? — неторопливо начала Бет свою нелегкую исповедь. — И когда она почила, мы остались без службы и жилья. Нет, из дворца нас никто не выгонял... но приглашения на службу не поступило, и слуги постепенно перестали звать нас к столу. Только одна из кухарок по доброте присылала с поварами обед и ужин, если не забывала. Это было унизительно и обидно, но справедливо, и вскоре я собрала вещи и ушла. Можно сказать, на улицу, сбережений хватило лишь снять комнатку на чердаке. Не буду рассказывать, как я ходила по всем дальним и близким родичам и знакомым, стараясь

подгадать к обеду или ужину. Завтраки я себе отменила. И потому была просто счастлива, когда одна из бывших фрейлин, узнав о моем положении, порекомендовала меня герцогине Донгерской. Но очень скоро поняла, что мои испытания на этом не закончились. В доме герцога, в отличие от половины старой королевы, все время толпились молодые господа, лилось рекой вино и, как лесные пожары в засушливый год, вспыхивали ссоры, споры, интриги и розыгрыши. Некоторое время мне удавалось избегать внимания бесившихся от скуки красавчиков, но однажды везение кончилось. У меня объявился настойчивый поклонник, потом второй. Через некоторое время за мое внимание состязалось уже четверо довольно видных и богатых господ... и сейчас я точно определила бы, что дело нечисто, и послала бы их всех подальше. А тогда постоянно терялась, смущалась, краснела и все-таки держалась. Как мне стало ясно намного позднее, это только раззадоривало желающих сорвать приз... так это у них называлось, и они заключили спор. Вот после этого меня взяли в кольцо плотной осады, моя спальня была заставлена букетами и безделушками, а шкатулка ломилась от преподнесенных в дар украшений. Постепенно все во дворце включились в азарт травли, делали ставки и считали, сколько дней я еще продержусь. К слову сказать, прямое насилие они дружно вычеркнули из возможных способов ухаживания... но пожимать мне руки, целовать пальцы и щекотать за ушком старались как можно чаще. А я к тому моменту уже влюбилась, мой избранник казался мне красивее, умнее и галантнее всех. И вскоре он добился победы... но я тогда ни о чем не жалела. Летала на крыльях любви и счастья, не понимая ни прозрачных намеков, ни прямых предостережений. Целых два месяца я ходила по дворцу с гордо поднятой головой, считая, будто мне просто завидуют все те, кто не сумел добиться любви самого лучшего из мужчин. Ну а потом все закончилось, резко и очень больно. В тот вечер мы должны были встретиться в условленном месте, но у меня не хватило терпения ждать... я хотела обрадовать его замечательной новостью и попросить поторопиться со свадьбой. Потихоньку брела по саду в быстро сгущающихся сумерках, когда услышала знакомый смех. Мой любовник был в одной из беседок, и не один... Словно темные силы толкнули меня в кусты... хотя до того момента я свято считала подслушивание недостойным знатной девушки деянием. Он разговаривал с одним из недавних соперников... и не дай боги никому из женщин услышать те слова, какими он описывал наши отношения и предлагал купить меня на ночь или декаду. Меня словно полили сразу кипятком, ледяной водой и нечистотами... Не помню, как я оказалась в своей комнате. Утром горничная нашла меня без сознания и в горячке, и герцогиня тотчас приказала отправить мое бесчувственное тело в недорогой частный лазарет, она очень боялась заразы. Но и там мои беды не закончились... Как сообщил мне целитель через луну, в ту ночь я потеряла свое дитя, а их об этом никто не предупредил. Потому-то лечили меня от болотной лихорадки, давая те зелья, какие в моем положении настрого запретны. Из-за этого мой недуг усугубился осложнениями, и пока не появилась акушерка с ведьминским даром, никто не понимал, в чем дело. Она залечила мое тело... но не до конца. Иметь детей с той поры я не могла. Да и душу мне тоже не исцелили, впрочем, это было не под силу никаким лекарям.

— Святая Тишина... — охнула побледневшая герцогиня, с состраданием глядя на подругу. — Как же ты жила?

— В том, что я живу, заслуга лекаря и Карла. Первый заявил, что я должна отработать его лечение, и нагрузил, как вьючного шарга. А маркиз лечился у нас после дружеской стычки и, рассмотрев мое отношение ко всяким ухаживаниям, пригласил гувернанткой к сестре. Вот она и вернула желание жить. Но ты просила совет о Мишеле... Он, конечно, несколько легкомысленный мужчина, но ведь это с годами проходит. Зато не подлый, и самое главное, тебя ведь насильно в храм Элторны никто не поведет? Поэтому не стоит убегать от него... присмотришься, поговори, и если сердце не забьется сильнее, откажи откровенно и твердо. Кроме

того, вполне возможно, за это время рядом с тобой появится кто-то другой и будет возможность сравнить и выбрать.

— Спасибо, Бет, за то, что ты с нами. А можно один вопрос? Сейчас, когда ты такая красивая... не хотела бы его отыскать?

— Это невозможно, — невесело усмехнулась старшина. — Он же был одним из друзей герцога Донгерского и погиб в первых же боях. В то самое время, когда я валялась в лечебнице. Но если и жил бы, никогда не пожелала бы его видеть. За последние годы я стала другим человеком.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ,

в которой маркиз Ульгер и герцог Лаверно находят общие интересы, а Олифания и Годренс устраивают небольшой заговор

Остаток обеда Карл был хмур и молчалив и не обращал никакого внимания ни на присутствующих девушек, ни на осторожные заинтересованные взгляды герцога Лаверно.

Более всего маркиза волновал внезапный обморок сестры, нарушивший все его планы. Попытаться поговорить с королевой в отсутствие Тэрлины об ее отставке он не решался, догадываясь, что все не так просто, как казалось из столицы, из компаний друзей, тихонько обсуждавших странные чудачества своей королевы. О ней вообще слишком много говорили в последнее время, начиная со странной привязанности к неизвестно откуда вынырнувшему во время Донгер-Карритской кампании молодому и смазливому тайному советнику до нарушения законов о запрете применения в Тальзии всякой магии. И не всегда сплетники были добры к своей королеве, все чаще они лицемерно сожалели о ее прошлых добродетелях, якобы бесследно растаявших после гибели короля.

— Вы не составите мне компанию в прогулке по оранжерее? — тихо спросил сидящий рядом герцог Лаверно, едва заменявший мажордома капитан Майзен сообщил, что десертные столы накрыты на балконе.

Несколько мгновений Карл смотрел на него задумчивым взглядом, прикидывая, нужно ли ему более близкое знакомство с этим человеком. Он уже успел заметить странное для новобрачной поведение Бет и догадался, что замуж она вышла вовсе не по горячей любви. И значит, каждое слово, сказанное им о верной компаньонке сестры, может оказаться ножом, воткнутым в счастье и спокойствие Бетриссы. Но затем маркиз Дарве Ульгер решил, что ничего не потеряет, выяснив, для чего понадобился герцогу, и утвердительно кивнул.

Они поднялись из-за стола в числе последних и неторопливо двинулись в сторону балкона, попутно разглядывая роскошные редкие растения и присматривая местечко, где можно было бы поговорить без свидетелей. Скрытую цветущими лианами нишу мужчины заметили почти одновременно и так же одновременно, обменявшись лишь мимолетными взглядами, свернули туда.

За занавесом из гибких, усыпанных цветами лиан стояли два плетеных кресла и маленький столик с наполненной фруктами чашей, и герцог первым нарушил молчание, заметив, что вполне удовлетворится таким десертом.

— Я воин, — усмехнулся в ответ Карл, — и привык обходиться безо всяких сладостей.

Спокойно взял с вазы веточку раннего белого винограда и отщипнул одну ягоду, всем своим видом показывая, что первым начинать разговор не собирается.

— А мне несколько последних лет лекари не позволяли есть ничего, кроме протертых супов, — спокойно сообщил герцог Лаверно, — поэтому я рад любой целой яголке. И вот об этом я хотел с вами поговорить. Как всем известно, жить мне оставалось недолго, и, разумеется, я не собирался думать ни о женитьбе, ни о детях. Печалился только об одном — ни один из моих двоюродных племянников не достоин носить звание герцога Лаверно. Поэтому я не был удивлен, когда ко мне явился придворный маг с приглашением ее величества. Последняя война выявила много смелых и честных молодых людей, заслуживающих высокого титула гораздо более, чем мои родичи.

Он бросил в рот клубничку, с откровенным наслаждением разжевал и неожиданно усмехнулся:

— Вы не представляете, что я почувствовал, когда осознал сделанное мне королевой предложение. Получить идеальное здоровье, утерянную молодость, силу... и всего-то за согласие жениться на ее фрейлине.

— Ваша светлость, — не выдержал Карл, — вы выдаете мне секретные сведения.

— Спасибо за предупреждение, — сверкнул искренней улыбкой Тайвор, — оно подтверждает, что я в вас не ошибся. Впрочем, как я успел понять, сегодня за обеденным столом не было ни одного человека, способного на предательство. Значит, все мы в одной лодке, и я начинаю гордиться собой... за правильный выбор.

— Неужели вы могли отказаться?

— Еще как мог. Объявить герцогиней Лаверно лишенную титула графиню с темным прошлым равно для меня предательству всех моих славных предков.

— У Бет не темное прошлое, — возмутился Карл и тотчас смолк и насупился, сообразив, как ловко попался в незаметную ловушку.

— Ее величество заявила то же самое, — словно ничего не заметив, мягко подтвердил Лаверно, — но ничего рассказывать о ней не стала, намекнув, что в ближайшие три года моей жене будет не до меня. И в первые дни после излечения я просто наслаждался жизнью, даже не вспоминая о той женщине, которая носит отныне мое имя. Впрочем, я ее даже не видел.

— А свадьба?

— По доверенности. Но однажды вечером, читая отчеты секретаря, я заинтересовался новостями, которые до того времени были мне, как вы понимаете, абсолютно безразличны. И вдруг сообразил, насколько опасно в наше время находиться рядом с королевой. И пусть жена — пока совершенно незнакомая мне женщина, однако и не чужая, и это все меняет. В нашем роду принято защищать и поддерживать своих женщин, в какую бы передрагу они ни попали.

— В нашем тоже, — хмуро буркнул Карл, обеспокоенный последними словами герцога. — Потому я и приехал забрать свою сестру.

— Мне очень жаль, — помолчав, многозначительно произнес Лаверно, — но, думаю, вам это не удастся. Вы не заметили ничего необычного в облике вашей сестры?

— Новое платье, — посомневавшись, неуверенно пожал плечами лейтенант. — А что именно вы имеете в виду?

— А лицо, фигура?

— Да вроде ничего не изменилось... разве бледновата немного, да еще сонливость вот эта странная.

— Хорошо, попробуем по-другому, — терпеливо кивнул герцог. — А моя жена всегда так выглядела?

— Бет определенно похорошела, — подумав, уверенно объявил Карл, — и даже помолодела. Я бы даже сказал — стала красавицей. Но красивые платья и опытные камеристки всегда делают женщин неузнаваемыми. А тут еще и морской воздух...

— Многие девушки могут лишь позавидовать вашей любви к сестре, — мягко усмехнулся Тайвор, — ведь только любящий брат мог не заметить очевидных вещей. Они все здесь красавицы, все стройны и юны, и дело вовсе не в морском воздухе. Нанятые мной сыщики, очень опытные в своем деле люди, уверяю вас, принесли мне пять портретов невзрачных бесприданниц и кучу свидетельств тех, кто знал их ранее. На мою жену сведений не нашлось, но я подозревал, что красивая дама не пойдет компаньонкой в бедное семейство... простите за прямоту, ваша светлость, менее всего мне хотелось бы обидеть вас либо как-то задеть вашу гордость. Просто я давно сужу людей не по толщине их кошель. Так вот, въезжая сегодня утром в ворота Беленгора, я ожидал встретить толпу некрасивых девиц, не прельстивших ни одного, даже самого неприятельного жениха. Погодите, не сверкайте так возмущенно глазами, я совершенно не собираюсь их оскорблять. Просто хочу сказать — если королева, вернее, ее маг нежданно-негаданно исправил девушкам все недостатки внешности, то определенно сделал это не задаром. Наверняка с ними заключили какие-то договоры, нарушить которые они не могут. Такие же, как со мной, ведь теперь, пожив полноценной жизнью и снова почувствовав себя молодым, я ни за что не решусь от этого отказаться. Ну? Неужели в вашем доме никогда не говорили на эту тему?

— Было, но редко, — нехотя припомнил маркиз Дарве Ульгер. — Маменька вздыхала, что мужчины глупы, если из-за носа Тэри не видят ее прекрасных глаз и доброго нрава.

— А теперь у нее очаровательный носик, — мягко продолжил герцог, — как и у всех остальных фрейлин. Вы не заметили, они даже наряды надевают одного цвета? Поверьте, я давно наблюдаю за женщинами, и могу вас заверить, на такое способны только те из них, кто всецело доверяет подружкам.

— Да, — усмехнулся Карл, — припоминаю. Дамы впадают в настоящее отчаяние, обнаружив на приеме еще одну гостью в похожем платье. Но ваши выводы очень неприглядны, мне не хочется думать, будто ее величество способна строить интриги, пользуясь незавидным положением бедных девушек. Или, не дай бог, пытаться с их помощью разрешить свои неприятности.

— Мне кажется, все не так мрачно, но, во всяком случае, нужно спокойно во всем разобраться, прежде чем выносить вердикт. Я предлагаю вам союз, судя по всему, у вас тут так же мало знакомых, как и у меня.

— Мне нужно через декаду возвратиться в столицу, — огорченно отказался маркиз. — Я служу старшим лейтенантом в гвардейском инженерном полку и весьма дорожу своей службой.

— А если я предложу вам должность командира своей охраны и буду платить вдвое больше? — осторожно осведомился герцог. — Либо попытаюсь с помощью своих связей раздобыть вам особое задание? С хорошей оплатой, разумеется? Ведь речь идет о вашей сестре.

— Лучше задание, — подумав, решил Карл, — но с одним условием. Ни на какие вопросы о Бет отвечать я не стану.

— Договорились, — протянул руку герцог Лаверно. — И для пользы дела можете звать меня просто Тайвор.

— Тогда меня зовите Карлом, — крепко тиснув еще не успевшую загореть длань, отозвался маркиз Дарве Ульгер и решительно поднялся с места. — Пойду попытаюсь расспросить о Тэрлине этого мага.

— А я намерен поговорить с герцогинями Сарнскими, — постарался спрятать разочарованный вздох Лаверно. — Помнится, они приходятся мне троюродными племянницами.

— Вот как, — невольно замедлил шаг маркиз, еще за столом сообразивший, как неверны были его первоначальные выводы о красавице Августе. Герцога Лаверно интересовала Бет, а учитель принцев во время обеда уделял внимание только черноглазой брюнеточке, сиявшей в ответ откровенно счастливой улыбкой. — Я думаю, мы смогли бы прямо сейчас обменяться некоторыми сведениями, мне хочется знать побольше о девушках, которых моя сестра теперь считает своими подругами.

— Тогда пройдемте в мои покои и там поговорим спокойно? — предложил герцог. — Но у меня тоже есть условие — те портреты, которые мне удалось достать, я вам показывать не буду. Я вообще намерен их сжечь вместе с большинством отчетов. Как мне становится все яснее с каждым часом, королева набирала знатных девиц себе в свиту очень вдумчиво.

Мужчины бросили недоеденные ягоды и дружно направились к лестнице на второй этаж, довольные самими собой и заключенным договором, сулившим вполне ощутимую выгоду. Всегда полезно иметь за плечом человека, на которого можно положиться, когда внезапно попадаешь в незнакомое место или в переплетение чужих интриг.

Стоило новым друзьям преодолеть несколько ступеней и скрыться из виду, как вдруг вздрогнул и зашевелился пышный куст азалии, росший всего в паре шагов от ниши. Вылезшее из-за него невзрачное существо поспешно стянуло с себя облезлую серо-зеленую накидку, всю в неопрятных пятнах, странным образом совпадающих очертаниями с переплетением листьев и ветвей, и превратилось в довольно моложавую женщину, известную всему придворному обществу как камеристка королевы.

Олифания оправила темно-серое платье и прическу, шагнула в нишу и уселась на стул, который за пару минут до этого занимал герцог Лаверно. Несколько минут сосредоточенно о чем-то размышляла, попутно обирая с кисти недоеденные виноградинки и небрежно бросая в рот, даже не замечая, что именно ест. Потом вздохнула, достала из кармана записную книжечку и стило, а из-за пазухи — медальон необычной формы. И уже через минуту, засунув в серебряный патрон написанную крохотными буквами записку, куда-то отправила ее с помощью спрятанной в медальоне махонькой пирамидки.

— В чем дело? — Годренс возник рядом так мгновенно, словно шагнул из стены.

— Тайвор начал расследование и уговорил Карла действовать вместе, — доложила камеристка. — Тот сначала не хотел ничего говорить о Бетриссе, но попался на сообщение о

сестрах Сарнских. Они отправились в покои герцога.

— Кто именно интересуется Карла?

— Я могу и ошибаться, но, по-моему, тут другая история. Во время обеда на него очень заинтересованно посматривала Августа.

— Фанья, — тяжело вздохнул Год и сел напротив нее, — ты же видишь, как развиваются события? Враги передохнуть не дают, все планы приходится менять на ходу. И теперь мне не хотелось бы никоим образом вмешиваться в решения и намерения кадеток. Я обещал быть им старшим братом... настоящим, понимаешь?

— Мне ничего не нужно объяснять, — едва заметно вздохнула она, — но Рад...

— Я сам с ним поговорю утром. Сейчас он у Дуна. И еще... Фань, прикрой меня? Я намерен отвести Дору домой, у нас считается действительным только ритуал, проведенный в кругу семьи в родовом святилище.

— Хочешь намекнуть им, чтобы не разевали рот на твое имущество в Ардаге? — пошутила она и сразу извинилась, заметив, как нахмурился маг: — Прости, я не со зла.

— Тот дом принадлежит Раду, — непреклонно объявил он, — и я уже подписал в гномьем банке купчую и положил на счет якобы полученные от Дуна деньги. Рад слишком занят в последнее время, а сами они постесняются намекнуть.

— Не пугай меня, — встревоженно всмотрелась в хмурое лицо друга камеристка. — Неужели ты считаешь...

— Завтра вернусь и поговорим. У меня есть несколько предложений. Так ты присмотришь? Защиту на имении я усилил, насколько смог, Майзену велел никого не впускать и не выпускать. Вот тебе вестник на самый крайний случай.

— Счастливо, — вздохнула Олифания. — Поцелуй там Дору за меня, она достойная девушка.

— Спасибо! — Маг порывисто вскочил и тотчас растаял в мгновенном портале, вызвав на лице женщины теплую усмешку.

Олифания и в самом деле искренне радовалась за Годренса, догадываясь, как сильно он втайне мечтал о своей семье. И хотя дроу повезло встретить верных друзей, не дающих ему скучать и всегда готовых встать на защиту, но она-то знала, что еще не до конца зажили в его душе раны, нанесенные ему когда-то родичами отца.

Она посидела еще немного, раздумывая, куда пойти вначале, затем аккуратно свернула невесомую накидку, спрятала в один из глубоких карманов и неторопливо направилась в сторону балкона.

Первым делом необходимо успокоить королеву, все остальное пока подождет.